

К-56
ШТАБ ★ РККА

ОТДЕЛЕНИЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ОПЫТА ВОЙН

Е. КОВТЮХ
ОТ КУБАНИ
ДО ВОЛГИ
И ОБРАТНО

1
ГОСУДАРСТВЕННОЕ

2
ВОЕННОЕ

3
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ШТАБ Р К К А
У П Р А В Л Е Н И Е
ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ И ИССЛЕДОВАНИЮ
ОПЫТА ВОЙН

Е. КОВТЮХ

О Т К У Б А Н И
Д О В О Л Г И
И
О Б Р А Т Н О

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О ПОХОДАХ И БОЯХ
К Р А С Н Ы Х
Т А М А Н С К И Х
Ч А С Т Е Й

2

ОБЩАЯ
ЦБ им. Ленина

1

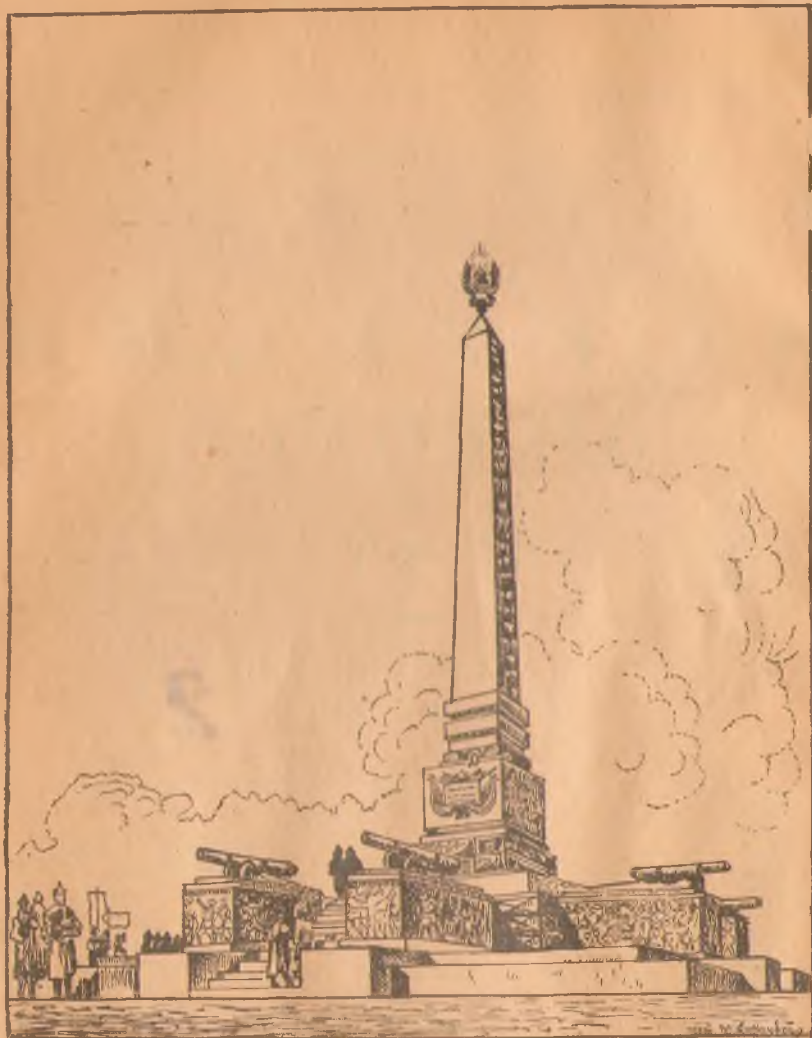
9

2

6

Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Е
В О Е Н Н О Е И З Д А Т Е Л Ь С Т В О
М О С К В А

ПАМЯТНИК

героям Красной Таманской Армии, сооруженный в станице
Славянской, по проекту худ. арх. и гринжен А. А. Юнгера.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Труд тов. Е. Ковтюх „От Кубани до Волги и обратно“, как признает это и сам автор, конечно, не история; конечно, не мало недостатков откроет в ней строгий критик, особенно с академически выдержанной точки зрения на характер военно-исторических работ.

И тем не менее, воспоминания тов. Ковтюх имеют на наш взгляд не малую историческую ценность. Гражданская война в России в 1918—1920 г.г., особенно в первый ее период, в степени, может быть, совершенно несравнимой с когда-либо бывшими гражданскими войнами, отличалась проявлением массового революционного действия. Едва ли не впервые на арене военной истории вместо отдельных личностей—вождей и полководцев появились в качестве организаторов войны и ее руководителей широкие рабочие, крестьянские и казацкие массы. Их приемы и методы организационного строительства, их стратегия и тактическое мышление отличались своеобразными особенностями, являвшимися естественным и логическим следствием ярко выраженного классового самосознания.

Вот эти-то особенности тов. Ковтюх и удалось выразить и запечатлеть в своем труде. Это его достоинство с избытком покрывает все могущие в нем оказаться недостатки.

Язык автора сочный, ядреный и сильный и его стиль составляют яркое литературное выражение практической деятельности самородка военачальника Рабоче - Крестьянской Красной армии.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Приступая к изложению и критическому исследованию походов и боев красных таманских частей, я не имел в виду писать подробную историю этих частей, для чего необходимо иметь достаточно исторического материала и времени; эту почетную и очень ответственную задачу, будем надеяться, исполнит будущий историк.

Пользуясь собранным мною материалом и собственной памятью, как участник таманских походов и боев, и исходя из важности и особой необходимости беспристрастного выявления правдивой истории классовой борьбы, я поставил себе задачу:

1) совершенно объективно описать, хотя бы в общих чертах, жизнь и боевую деятельность таманских частей в той последовательности и действительности, как это было;

2) осветить более выдающиеся походы и бои для научного исследования опыта гражданской войны на Северном Кавказе;

3) пробудить соответствующий интерес „таманцев“ к участию в составлении правдивой истории вооруженной борьбы.

Таманская армия, несмотря на короткий срок ее существования, всего около полугода, вписала в историю Красной армии немало славных страниц. Ее история имеет очень много интересных и бесподобных боевых картин, в которых ярко и наглядно выявляется ожесточенная борьба революционных войск на Северном Кавказе с южной контр-революцией. Бесперывные походы и частые бои, часто без патронов и штыков, борьба с разными типами врагов (немцы, турки, грузинские меньшевики и добрармия), борьба с природой (преодоление главного Кавказского хребта и астраханских песков), отсутствие достаточного снабжения обмундированием, огнеприпасами и продовольствием, эпидемия сыпного тифа, цынга и черная оспа—вот те особенности обстановки, в которой возникла, жила и закончила свою боевую деятельность Красная Таманская армия.

Исходя из вышеизложенного, полагаю, что Таманская армия вполне заслуживает иметь свою полную историю написанной в ближайшем же будущем.

При составлении настоящего очерка мною использованы материалы: документы из архива тов. Мехоношина, хранящиеся при Испарте в г. Москве, оперативные сводки, приказы и распоряжения по Южному фронту, хранящиеся в Революционном Военном Совете Республики, документы сохранившиеся у меня и собранные от участников походов и боев: их письма, воспоминания, газетные статьи, обращения, звания и т. д.

Кроме того, имея широкое общение с участниками, многие вопросы удалось выяснить и уточнить путем личного опроса.

Е. Ковтюх.

Положение на Кубани ко времени возникновения Красной Таманской армии.

Демобилизация.

В первые дни демобилизации старой царской армии первыми, как известно, были демобилизованы казачьи части, которые с полным вооружением целыми частями направились по своим областям. Эти части, с прибытием их в Кубанскую область, располагались по своим отделам и станицам. Сначала они были настроены очень революционно и даже расправлялись с офицерами, которые во время совместной службы с рядовыми казаками плохо себя зарекомендовали. Расправы эти заключались отчасти в немедленных самосудах, а отчасти в том, что офицеров забирали в особые части, запечатывали их в товарные вагоны и под усиленным конвоем, состоящим из рядовых казаков, отправляли в Новороссийск, где привязывали к их шеям камни и бросали в Черное море. Но такой период продолжался недолго; это объясняется тем, что в Кубанской области собралось много офицеров с разных сторон России, в особенности из Петроградского и Киевского округов, которые, совместно с офицерами казачьих частей, учли настроение казаков и сами начали действовать.

Первым долгом они сбили с толку казаков, в особенности фронтовиков, действуя на них контр-революционной агитацией, стараясь разжечь ранее существовавшую вражду между казаками и иногородными.

Положение иногородних.

Иногородние — это те, которые в разное время перекочевали с разных концов России в Кубанскую область, где поселились, занимая особое положение по сравнению с казаками, как пришлый элемент, лишенный земельных наделов и возможности какого бы то ни было участия в административном и хозяйственном управлении Кубанской областью. Они были все время презираемы, а зачастую даже гонимы казаками. Таких переселенцев к моменту революции в Кубанской области оказалось около 52%; большую часть их казаки эксплуатировали в своих хозяйствах за самое мизерное вознаграждение.

До появления иногородних главным занятием казаков было скотоводство; хлебопашество было занятием второстепенным, и хлеба не хватало для продовольствия и он в значительном количестве подвозился из соседних областей.

Казак пахал землю плугом примитивнейшего устройства, запрягая в него 5—6 пар волов. На поднятый, таким образом, дерн высевались зерна и заволакивались бороной. На следующий год посев производился по старому жнивью, после чего пашня разрыхлялась оралом. Так продолжалось до тех пор, пока истощенная земля не переставала давать урожай. Жатва производилась серпом, а молотьба—груженными телегами или катками.

С приливом иногородних все стало изменяться. Лишенные возможности получить земельные наделы, благодаря особым привилегиям, которыми пользовались в области казаки, иногородние вынуждены были наниматься на работу к казакам. Они и послужили дешевой рабочей силой, которая дала толчок быстрому развитию сельского хозяйства на Кубани.

Скотоводство уступило место земледелию, и площадь посевов увеличилась в несколько раз; область сделалась житницей, и из нее начали вывозить хлеб миллионами пудов.

Вместе с этим, обработка полей стала значительно улучшаться, появились железные плуги, веялки, молотилки, а ценность земли увеличилась в 50 раз.

Вместе с поднятием сельского хозяйства развились связанные с ним промыслы, а иные возникли вновь (винокурение, табаководство, мукомольное дело и другие).

Как же относилось казачество к иногородним, способствовавшим хозяйственному расцвету области?

Сначала казаки принимали иногородних весьма охотно, когда же число иногородних стало значительно увеличиваться, казачество, в особенности его зажиточная верхушка, стало видеть в них конкурентов: претендентов на землю и на равные права с казаками и стало их притеснять всякими способами.

Зажиточные слои казачества сумели эту вражду передать в широкую казацкую массу. С течением времени и обострились отношения двух почти равных по количеству частей населения: казачьего полноправного и иногороднего почти бесправного. Казак иногороднего называл разными обидными именами (бисова душа, остропузая, гамзеля), последние отвечали тем же (куркуль, каклук, пугач). Станичная администрация все натуральные повинности: подводную, стойную и другие—возлагала исключительно на иногородних, а в случае отказа их от внеочередной работы налагала аресты. Посаженную плату за усадьбы с иногородних, достигшую всюду 5 копеек с кв. сажени (то-есть 120 руб. с десятины), стали взыскивать очень усердно, продавая с публичного торга

все хозяйство и даже усадьбы. Надо заметить, что нередко были случаи, когда внесенная посаженная плата поступала в карман станичных властей, а в книгу записывалась недоимка, которую через несколько лет взыскивали с неповинного человека. Дело не обходилось без споров, препирательства, а иногда доходило до драки.

На помощь казакам явилась новая административная мера. Царское правительство ставило себе целью воспитывать казаков, как преданных слуг трона, путем предоставления им льгот и привилегий.

14 мая 1883 года было испрошено высочайшее повеление, которым закон 1868 года исправлялся в том смысле, что оседлость в области приобретает не на общем основании, а только при согласии станичного общества. Сенат, на основании 73 ст. основных государственных законов, отклонил опубликование этого изменения до получения высочайше утвержденного мнения государственного совета.

Но, тем не менее, это изменение закона было оглашено административным путем и принято казачьими властями к руководству.

Перед революцией положение иногородних было следующее: 1) они не имели права возводить новые постройки на усадебных местах без согласия станичных властей, 2) не могли ремонтировать существующих построек без их же согласия, 3) не имели права застраивать усадебные места постройками взамен уничтоженных пожаром, 4) общественным выгоном могли пользоваться в ограниченных размерах и часто за значительную плату.

Словом, со стороны зажиточных казаков и казачьей верхушки, наиболее тесно связанной с царским самодержавием, все было направлено к выживанию иногородних из станиц, а потом и из области: „идите вы туда, откуда пришли к нам, а все ваше имущество да будет наше, так как оно нажито вами на нашей земле“.

Лозунги Октябрьской революции были быстро усвоены иногородними. В лице Советской власти они видели освободительницу от угнетенного положения, в котором они находились при царском самодержавии.

С момента создания первых советов станичных, отдельных¹⁾ и областного, представителями в которые вошли выборные и от иногородних, со стороны казаков-стариков, а в особенности со стороны высшего монархически настроенного офицерства и другой его части—недавно в большом количестве произведенных в офицерские чины из казаков—урядников, началась пропаганда против новой системы управления,

¹⁾ В административном отношении казачья область соответствовала губернии, отдел—уезду, станица—селению.

как враждебной интересам казачьего населения, как посягательства на его привилегии. Эти элементы, считавшие себя вершителями судеб в области, стали везде почти в открытую говорить, что нельзя допустить, чтобы какие-то пришельцы управляли казаками и их земельными наделами (полученными ими в подарок от Екатерины II).

Но главной причиной враждебного отношения казаков к Советской власти послужило то, что при этой власти стали претендовать на земельные наделы и иногородние. На этой почве разрослась еще большая междоусобица; казаки начали все больше прислушиваться к шопоту контр-революции.

Первая и самая трудная задача на Кубани после октябрьского переворота состояла в создании советов, в виду того, что в состав их добровольно никто не шел. Казаки, выражая недовольство Советской властью, отказывались быть избранными в совет, а иногородние—из-за боязни и вследствие отсутствия веры в прочность Советской власти. Вследствие этого, в Кубанской области некоторое время было почти полное безвластие. Все же иногородний элемент стал все больше и больше прислушиваться к распоряжениям, правда, еще очень слабо в то время, областного совета.

Необходимо заметить еще, что важным обстоятельством, обострившим отношения казаков с иногородними, было появление на территории Кубанской области черноморских моряков, которые в то время затопили свой флот у Новороссийска и, высадившись на побережье Черноморской губернии, рассеялись по Кубани.

Появление черноморских моряков на территории Кубанской области страшно подорвало авторитет Советской власти, в виду того, что их поведение далеко не всегда было безупречно.

Все вышеприведенные шероховатости на первых порах строительства Советской власти привели к тому, что казаки приблизительно в конце 1917 года окончательно разошлись с иногородними и стали готовиться к полному изгнанию всех иногородних с территории Кубанской области вместе с Советской властью. Для этого они стали уклоняться от открытой борьбы, а большей частью прибегали к подпольной организации, давая тем самым понять иногородним, что якобы они примиряются и признают Советскую власть. В связи с этим они вошли в большом количестве и в советы как в станичные, так и в отдельские и даже в областной, заслужили некоторое доверие и усиленно принялись за свои темные делишки. А тут на горизонте появились мудрейшие царские генералы, которые воспользовались этим настроением казачества и приняли на себя руководство, твердо веря в то, что, опираясь на казаков-кубанцев, они сговорятся с терцами и

донцами и возвратят все старое, но дело приняло совершенно другой оборот.

Иногородние, в особенности долго прожившие среди казаков, учли положение, стали также усиленно организовываться, теснее спланиваться, организовывать вооруженные ячейки, ставившие себе целью разоружить казаков, враждебно настроенных к Советской власти, и ликвидировать всякие выступления с их стороны. Разоружение казаков прошло успешно, хотя при этом приходилось некоторые станицы разоружать с применением вооруженной силы.

Отбиралось оружие и у иногородних, не сочувствовавших Советской власти, но последних было очень немного.

Этот период продолжался до прихода с Дона на территорию Кубанской области отрядов Корнилова и до общего восстания в связи с поддержкой Корниловым казачества на Кубани против Советской власти.

Появление в Таманском отделе Кубанской области революционных войск

(Схема № 1)

Формирование
вооруженных
отрядов.

В таких условиях началась организация войск Северного Кавказа и в частности Красной Таманской армией.

Объединяющим центром создаваемых иногородними вооруженных ячеек в Таманском отделе Кубанской области оказалась станица Старо-Величковская, где в то время появился моряк черноморского флота т. Рогачев, который особенно выделялся своей сознательностью из среды других моряков. Он первый принял горячее участие в объединении этих ячеек и в образовании мощного ударного отряда для проведения идей Советской власти и для защиты иногородних от притеснения казаков.

Но его желание сначала не осуществилось,—ему удалось только сформировать одну более или менее крупную ячейку из своей же станицы в количестве около 150 чел. пехоты и 25 чел. конницы, которую он назвал отрядом своего имени. С ним он выступил против полковника Покровского, столкнулся с ним под аулом Тохтомукай и потеснил Покровского в закубанские горы. Благодаря этому т. Рогачев, как победитель, приобрел некоторую репутацию среди иногородних окружающих станиц.

После победоносного возвращения отряда т. Рогачева в станицу Старо-Величковскую, по его примеру стали усиливаться в окружающих станицах вооруженные ячейки, которые стали заводить связь с отрядом т. Рогачева, прося его дать им инструкции и указания, а равно и принять их в свое распоряжение.

Тов. Рогачев согласился и вскоре объединил ячейки следующих станиц: Старо-Величковской, Поповичевской, Роговской, Ивановской, Полтавской, Старо-Нижестеблиевской, Старо-Низже-Джерелиевской, Ново-Николаевской, Гривенской, Андреевской и Старо-Мышастовской, из коих и получился отряд в три с лишним тысячи человек.

На ряду с этим такая же группировка ячеек происходила еще в некоторых районах; так, например, в г. Темрюке был

сформирован отряд около полуторы тысячи человек, в станице Крымской — около 800 человек, вокруг станицы Северной — 700 чел., в Приморско-Ахтарской — 400 чел., в станице Славянской — 500 чел. и т. д.

Вооружение, снабжение и довольствие этих отрядов производилось кустарным образом за счет местных средств, и только самое ничтожное количество всего необходимого каждый отряд получал с большим трудом из областного города Екатеринодара ¹⁾). Каждый, добровольно поступивший в отряд, должен был отыскать в своей станице винтовку, патроны, притти в отряд одетый и с запасом продовольствия.

Такая постановка дела осложняла организацию и создание боевых частей. К этому необходимо добавить, что плодотворная организация затруднялась слабым знанием военного дела командным составом.

Как уже выше было сказано, в это время на территории Кубанской области скопилось много офицеров, которые, объединяясь с казаками, везде противодействовали организации революционных ячеек и стремились к созданию контр-революционных войск. Вследствие этого, офицеры потеряли всякое доверие революционных организаций и совершенно не принимались в революционные отряды, а ранее вошедшие были беспощадно изгоняемы оттуда, за малым исключением (заслуживавшие особого доверия офицеры — выходцы из беднейшей среды иногородних).

Поэтому командование как первыми революционными ячейками, так и сведенными отрядами приняли на себя люди или с ограниченными военными познаниями или совершенно не военные и в военном деле ничего не понимающие. Это на первых порах затрудняло успешную организацию революционных войск. Однако, с течением времени, когда эти отряды становились известными областному совету, они начинали получать от него указания, а когда назрела почва для вхождения военного элемента в ряды революционных войск, то с большой осторожностью более опытные были допущены к командованию, другие же были приставлены для советов при более слабых знаниями командирах.

Постепенно эти революционные отряды, не имевшие никакой организации и представлявшие собою неорганизованные массы вооруженных людей, управляемые митингом, а не комсоставом, стали принимать надлежащий вид войсковой части.

Возвратившись с Кавказского фронта закончившейся империалистической войны в отпуск в Кубанскую область, в станицу Полтавскую, я в марте 1918 года, сформировал из

¹⁾ Ныне Краснодар.

иногородних станичников вооруженную ячейку, которая была названа второй Полтавской ротой, влился в отряд тов. Рогачева.

**Задачи отрядов
в марте 1918 г.**

После того как вышеназванные отряды почти стихийно объединились, областным советом были поставлены им следующие задачи: 1) отобрать все оружие в своих районах расположения (т.-е. в тех станицах, из жителей коих отряд состоял) у тех, кто враждебно настроен к Советской власти; 2) изъять из станиц весь контр-революционный элемент и направить его в Екатеринодар, и 3) пресекать всякую попытку контр-революционных восстаний и подпольной организации против Советской власти.

Получив такое распоряжение от центральной власти в области, каждый отряд начал самостоятельно действовать.

Выполнение возложенных на отряды задач началось приблизительно с марта месяца 1918 года.

**Действия отря-
да т. Рогачева.**

Тов. Рогачев, получив задачу от областного совета, созывает, как и прежде, свой отряд в станицу Старо-Величковскую, так как каждая ячейка отряда располагалась в своей станице. Сбор производился при помощи посыльных, которые, приехав в станицу для передачи распоряжения т. Рогачева и зачастую не сообщив местному совету, являлись к церкви и приказывали бить в набат. На звон колокола собирались жители станицы, и им сообщалось распоряжение начальника отряда. Таким образом в первых числах апреля собрался отряд на станции Старо-Величковской.

Этот сбор представлял грандиозное скопление местных жителей, приехавших кто на чем: на повозках, верхом на лошадях, по железной дороге и пр. Собрались как вооруженные люди, состоящие в отряде, так и их семьи, которые выехали провожать сыновей или отцов. На общем митинге т. Рогачев объяснил положение области и тут же дал указания для выполнения возложенных на отряд задач. Ячейки, вернувшись обратно в свою станицу, приступили тотчас же к отбиранию оружия и изъятию контр-революционного элемента.

Эта первая и очень важная работа проводилась без всякой системы и большей частью людьми неопытными, которые, исполняя ее, не давали себе отчета, как все возложенное осуществить. Казаки, недовольные действиями вооруженных ячеек и чувствуя слабость их организации, стали усиленно готовиться к сопротивлению, внося путем агитации в эти ячейки разлад.

Не ограничиваясь этим, казаки стали собираться в более безопасных местах,—в плавнях, на хуторах, там объединялись в такие же, сначала мелкие, группы, в организации которых с первых же дней приняли участие офицеры казачьих частей

и офицеры, бежавшие от Советской власти на территорию Кубанской области.

Так образовалось два враждующих лагеря, которые с каждым днем все разрастались; вражда между ними росла все больше и больше и дошла, наконец, до того, что пять станиц, расположенных преимущественно среди камышей и болот, сговорились, объединились и в конце апреля месяца восстали против Советской власти под руководством есаула Подгорного, Гулого и других.

Для подавления восстания этих пяти станиц (Ольгинская, Ясенская, Брыньковская, Привольная и Копанская) был назначен областным советом отряд Рогачева. Собранный по тревоге отряд погрузился в поезда на станции Старо-Величковской и двинулся к станции Ольгинской, расположенной почти у самой станицы. Отряд выгрузился, толпою ворвался в эту станицу и начал громить собравшуюся возле станичного правления толпу казаков, казаки бежали в соседние восставшие станицы.

Таким образом, произошло первое вооруженное столкновение отряда с восставшими. Для ускорения подавления восстания из гор. Ейска на пароходах через Приморско-Ахтарскую была прислана батарея из двух полевых пушек, обслуживавшаяся моряками, которые своими действиями больше принесли вреда, чем пользы. Одна за другой станицы освобождались, а у станицы Копанской казаки, прижатые к непроходимым болотам, вынуждены были дать решительный бой.

Он начался 26 апреля, приблизительно в 17 часов. Казаки, скопившиеся со всех пяти станиц и засевшие на окраине станицы Копанской и по берегам близко подходящей к ней плавни, упорно оборонялись. Благодаря хаотичному наступлению, к вечеру казаки добились некоторого успеха и пытались было атаковать отряд, обойдя его левый фланг. Тов Рогачев находился неизвестно где, и, благодаря этому, общее командование в такой решающий момент отсутствовало.

Кое-кто из младшего комсостава пытался было проявить инициативу, дать соответствующий отпор обходящему противнику, но действия командира батареи, моряка, запрещающего оказывать сопротивление наступающим казакам, разрушили все дело.

Когда казаки появились почти в тылу, он куда-то скрылся, передав командование батареей помощнику, а матросы, в виду наступившей темноты, признали, что действия батареи окончены, и ушли вместе со своими пушками. При таких обстоятельствах я принял на себя командование отрядом. Дело это было в высшей степени трудное, т. к. отряд не признавал никаких правил боя.

Обход противника удалось отразить и перейти в наступление, пустив вперед более организованные ячейки Полтавской, Старо-Ниже-Стеблиевской станиц, которые, пользуясь темнотой, подошли вплотную к опушке станицы и залегли, благодаря чему к утру удалось подтянуть и остальные части, а на рассвете атаковать станицу Копанскую; часть казаков была захвачена в плен; часть их успела ускользнуть из станицы в плавни; вскоре после атаки остальные прислали делегацию для переговоров и сдались, выдав офицеров.

Таким образом, этот решительный бой был закончен; всего было взято в плен 800 чел. кавалерии, 300 чел. пехоты (пластунов); убитыми и ранеными мы потеряли ок. 40 чел., а казаки—ок. 100 чел.

Кроме того, почти все жители этих пяти станиц со своими подводами были взяты, как беженцы.

При решении вопроса о судьбе пленных и беженцев откуда-то явился тов. Рогачев, который распорядился пленных, за исключением офицеров, распустить по домам, отобрав у них лошадей, оружие и седла, а офицеров по железной дороге отправить в Екатеринодар в областной совет; беженцев тоже распустить по домам.

После отправки одних и роспуска других отряд прибыл на ст. Ольгинская для погрузки на жел. дорогу. Здесь отряд потребовал открытия митинга, для получения отчета от т. Рогачева. Так как т. Рогачев не мог дать точного ответа на вопрос, почему он отсутствовал во время боя, то поднялся шум и крики „долой его“, но в конце концов т. Рогачев был оставлен начальником отряда; я же был избран его помощником по строевой части, а помощником по хозяйственной части был избран т. Костенко.

После митинга отряд отправился на ст. Старо-Величковскую, откуда и разъехался по своим станицам.

Здесь необходимо сказать, что после боя под ст. Копанской каждому из товарищей отряда стало ясно, что без определенных правил ведения боя, без признания полевого устава, а главное, без надлежащей организации наших сил,—воевать дальше невозможно. Поэтому на митинге на ст. Ольгинской мною было твердо заявлено, что я соглашусь быть помощником начальника отряда только тогда, когда отряд установит правильную организацию, примет надлежащий воинский вид и введет воинскую дисциплину.

Митинг мое предложение одобрил, и здесь **Сформирование** же отряд был переименован в первый Северо-первого Сев.-Кубанского полка. Кубанский полк; полк был разделен на три батальона; в каждый батальон введено по 3—4 роты; в роты были переименованы вооруженные ячейки с присвоением имени их станиц. Таким образом, был создан

приличный по количеству бойцов полк, по качеству же он был еще все такой же, как под станицей Копанской.

Появление немцев в Тамани. В начале мая общее положение Кубанской области еще более ухудшилось: в Екатеринодар прибыло много военных училищ с юнкерами, часть которых заселила окрестные хутора и станицы. В Керчи появились немцы; на Таманский полуостров переправили 58 Берлинский полк, который и занял станицы Таманскую, Ахтанизовскую, Выше-Стеблиевскую и Голубинскую, оттеснив из этих станиц Темрюкский отряд.

Появление немцев на Таманском полуострове очень ободрило контр-революционные казачьи элементы, которые их встретили с распростертыми объятиями и, опираясь на немецкие отряды, повели агитацию, задаваясь целью свергнуть Советскую власть в Таманском отделе, а затем и во всей Кубанской области. Совместно с немцами они стали угрожать гор. Темрюку, разгромив Темрюкский революционный отряд.

Оборона Таманского отдела. Для предотвращения опасности областным советом были собраны: 4 Днепровский полк под командой моряка Матвеева (600—700 шт.);

1 Екатеринодарский полк под командою б. подпоручика Демуса (1.500 шт.), часть Крымского отряда (300 шт. и 120 сабель) и Анастасьевский батальон (300 шт.).

Все эти части были объединены под командой командующего Таманским фронтом т. Романенко (бывш. фельдфебель), штаб которого был в г. Темрюке.

Все эти части были расположены в следующем порядке: в г. Темрюке—Темрюкский отряд, часть Крымского отряда и Анастасьевский батальон по линии реки старой Кубани, в районе немецкой колонии Джегинки¹⁾—Екатеринодарский полк; левее его до г. Анапы (включительно) был расположен 4 Днепровский полк.

Но, несмотря на такое количество революционных войск, казаки при помощи немцев удерживали целиком весь Таманский полуостров и продолжали угрожать г. Темрюку.

В виду такого положения для областного совета явилась необходимость усилить войска с целью изгнания немцев и казаков с Таманского полуострова. Для этой цели было приказано 1-му Северо-Кубанскому полку быстро собраться и отправиться на Таманский полуостров, в район немецкой колонии Джегинки, в распоряжение тов. Романенко. Полк к 10 мая прибыл на обывательских подводах к месту своего назначения (большинство в полку рассуждало таким образом, что „довольно, мол, при царе пешком ходили, в революцию мы должны ездить“, и поэтому полк категорически потребовал подвод).

¹⁾ На сцене Ленивская. Вид

По прибытии полка началось наступление по всему фронту, которое первоначально протекало очень успешно.

Бой у ст. Таманской 14 мая 1918 г.

Противник на всех участках был сбит, а на участках Северо-Кубанского и 1 Екатеринодарского полков, прижат к ст. Таманской, главные же его силы, совместно с офицерами и немцами, уже успели переехать на пароходах в г. Керчь. Вдруг в момент почти окончательного успеха в районе расположения Екатеринодарского и Северо-Кубанского полков появился командующий и приказал немедленно прекратить преследование противника и отвести части на прежде занимаемую позицию, т.-е. на линию Темрюк—Джегинка—Анапа, мотивируя этот панический приказ тем, что он получил сведения от агента, посланного им в гор. Керчь, что немцы, погрузив на несколько пароходов войска,—пехоту, кавалерию и артиллерию,—думают все это направить на Таманский полуостров и могут отрезать все войска в узкой части Таманского полуострова. Это его распоряжение и сообщение было им дано настолько неосторожно, что его слышали многие обозные, которые, узнав о возможном появления немцев, да еще с тыла, быстро повернули свои повозки и с большим шумом и гамом бросились назад.

Отход обоих сторон.

Этот шум донесся до частей, до которых и без того уже дошли сообщения командующего о назревающем катастрофическом положении. Не ожидая особых приказаний, они быстро снялись со своих позиций и бросились бежать; между тем, противник продолжал свое поспешное отступление в противоположном направлении. В конце-концов оказалось, что обе стороны дрались, дрались, а потом разбежались. Все это произошло потому, что командующий, приняв ложные сведения за достоверные, так неосторожно сообщил о положении отряда и этим сорвал уже достигнутый успех операции.

Многие из командиров пытались было остановить бегство своих частей, но все попытки ни к чему не привели. Бежавшие кричали: „Завели нас, продали!“ и т. п.

Так бегство частей продолжалось до занимаемых прежде позиций: большая же половина Екатеринодарского полка захватила подводы в станице Выше Стеблиевской и укатила на них в самый Екатеринодар, т.-е. к себе домой. С большим трудом удалось задержать и расположить на позициях остатки остальных частей.

Оборона г. Темрюка.

Противник, узнав о том, что его никто не преследует, возвратил свои части из Керчи и, энергично наступая со стороны станицы Таманской, вновь занял Таманский полуостров, переправился через реку Кубань и уже занял было северную окраину города Темрюка.

Темрюкский отряд после панического бегства из-под станицы Таманской почти весь разбежался, скрываясь по окружающим камышам. Город был оставлен на произвол судьбы. Командующий фронтом затребовал в срочном порядке форсированным маршем в г. Темрюк Северо-Кубанский полк для того, чтобы защитить город от захвата казаками и немцами. Полк, расположенный по реке Старая Кубань, быстро собрался и на подводах передвинулся через станицы Варениковскую—Курганскую в Темрюк, где и расположился для обороны города по правому берегу реки Кубани (Переволока). Появление полка для обороны Темрюка было для казаков, может быть, неожиданным, тем более, что он явился в ночь (под 15 мая); казаки в эту ночь, в виду истечения срока своего ультиматума, который они предъявили жителям о сдаче города и выдаче большевиков, должны были бы занять город. Поэтому всю ночь шла ожесточенная борьба за переправу через р. Кубань (Переволоку) и за обладание городом. За ночь казаки подошли вплотную к левому берегу Кубани (Переволоки), где и окопались.

Город Темрюк представляет собою природную крепость, в виду его расположения на невысоком, но широком холме, окруженном почти со всех сторон лиманами, а со стороны наступающих казаков, то-есть с западной стороны, прикрытым рекой Кубанью (Переволокой). На рассвете стало ясно видно все расположение казаков: они были расположены гораздо ниже, чем позиции Северо Кубанского полка.

Необходимо оговориться, что в управлении войсками у г. Темрюка.

Бой у г. Темрюка. Несмотря на то, что в городе присутствовал командующий фронтом и командир полка, тов. Рогачев, от них за всю ночь, несмотря на ожесточенный бой, не было получено ни одного указания и распоряжения. Поэтому, когда было замечено расположение противника, я отправился к ним на восточную окраину города и упросил командующего дать в мое распоряжение батарею из 4-х пушек разбежавшегося Темрюкского отряда, которую командующий держал почему-то возле себя. Получив эту батарею, и указав ей цель, я приказал через 10 минут открыть огонь; сначала пристреляться, а потом перейти на ураганный огонь. Батарея быстро выехала на позицию и ураганным огнем изрыла все расположение противника, смешав его окопы с грязью плавень. Я приказал полку, под прикрытием огня нашей артиллерии, на баркасах переправиться на левый берег реки Кубани (Переволоки) и после накопления перейти в атаку; это и было выполнено. Противника удалось отбить и отбросить за Голубинский поселок.

После энергичного преследования полк занял позицию западнее пос. Голубинского, а противник отошел в станицу Ахундовскую. Остальные части фронта после неудачной попытки наступать

остались на прежнее занимаемых местах. На этой позиции полк простоял до конца мая месяца, ведя разведку и не предпринимая никаких наступательных действий, потому что у него не было никаких указаний относительно наступления и ликвидации противника.

В этот промежуток времени пассивной обороны произошла смена командующего. Командование фронтом принял бывший капитан Колышко, который сначала принялся было энергично за работу по приведению частей в надлежащий вид, необходимый для того, чтобы можно было предпринимать с ними какие-либо боевые операции. До этих пор части управлялись большей частью совещаниями или митингами, но не командным составом. Однако, Колышко не сошелся во взглядах с высшими политическими руководителями на Кубани и вскоре был отозван; временно его замещал тов. Рогачев, который также вскоре отказался, и, наконец, фронт принял тов. Ойцев, бывший подпоручик; он передвинул штаб фронта в ст. Крымскую.

Каждый из бойцов полка явился на сборное место полка, имея в виду, что поход займет не более одной недели, поэтому каждый и приготовил себе все необходимое только на одну неделю, но боевые обстоятельства заставили полк пробыть почти целый месяц бессменно на позиции; вследствие этого, явилась необходимость полк сменить, чтобы дать ему отдых и пополнить все израсходованное как продовольствие, так и собственное обмундирование. В полку не было никакого хозяйства, ни обоза, даже самого необходимого, ни кухонь для варки горячей пищи, поэтому полк довольствовался путем объедания местных жителей и собственными продуктами, привозимыми родственниками из дому. В виду этого, на полковом митинге было решено просить командующего фронтом отпустить полк домой на отдых. Командующий фронтом, Колышко, согласился заменить полк только что прибывшим из Екатеринодара вторым Северо-Кубанским полком под командой тов. Сафонова, численностью около 2000 чел. с 15 ор.

Сменившийся полк на обывательских подводах отправился на отдых и в первых числах июня расположился в станице Славянской, в лагерных казармах, откуда половина полка была отпущена по домам на 15 дней, а остальные должны были находиться в сборе и в полной готовности, на случай каких-либо действий или требований командующего фронтом.

Пользуясь этой передышкой и тем, что часть полка находится в сборе, я решил попытаться привести полк в надлежащий воинский вид и ввести правильную организацию рот, батальонов и необходимых в полку команд, а главное, — обзавестись хоть каким-либо хозяйством для полка.

Эта попытка мне до некоторой степени удалась, тем более, что тов. Рогачев тоже уехал домой, а потом хотя и вернулся, но все время отдыхал, а на меня возложил командование полком.

В организации и в оздоровлении полка мне помогли тов. Костенко, впоследствии погибший в славных боях под гор. Ставрополем, бывший ефрейтор, хорошо знавший военную службу и политически сознательный, и тов. Зимин, пожилой уже гражданин станицы Славянской.

Очень много помог также и военный комиссар Таманского отдела т. Решетняк, к которому пришлось обращаться за получением всего необходимого для оборудования полка.

Таким образом, мне удалось на нескольких совещаниях комсостава разрешить вопрос о том, чтобы раз навсегда покончить с расхлябанностью во взводах, ротах и батальонах, взять командование в свои руки и ни в коем случае не допустить, чтобы полк управлялся митингом.

Также удалось подробно ознакомиться со всем комсоставом полка, слабых и совсем ничего не понимающих в военном деле — сместить, а более опытных назначить на их места. Раз навсегда удалось покончить с произвольными митингами, в особенности в боевой обстановке. Кроме того, удалось произвести точный учет численного состава полка, людей и лошадей распределить пропорционально: людей по ротам, а лошадей по батальонам; в конце концов удалось получить кухни для всех двенадцати рот, а также и самый необходимый ротный, батальонный и полковой обоз. Все это удалось произвести в течение одной недели. После окончательной разбивки и распределения полк приступил к тактическим и строевым занятиям, которые, хотя с большим трудом, удалось ввести; они были нужны в виду того, что полк почти на одну треть состоял из людей совершенно не военных, т. е. никогда не служивших на военной службе. После этого полк принял надлежащий воинский вид. Окончить переформирование полка все же не удалось, в виду того, что положение в Кубанской области к тому времени очень ухудшилось.

В начале июня, после прорыва нашего фронта под станцией Тихорецкой, противник подошел вплотную к городу Екатеринодару, угрожая отрезать нашу группу, оперировавшую под Ростовом. По пути движения противника станицы восставали и примыкали к нему, усиливая ряды его войск.

На Таманском полуострове противник возобновил наступление и подошел вплотную к гор. Темрюку, угрожая захватить его.

В районе ранее восставших станиц: Ясенской, Ольгинской, Брыньковской, Кирпильской и Копанской вновь оживились плавни, и началась усиленная организация противника с уча-

стием и соседних станиц. Здесь большую роль сыграло то, что все офицеры, которые были взяты в плен под станицей Копанской и были отправлены в Екатеринодар, оказались оправданными и распущенными по домам; домой они не пошли, а попали в камыши и занялись опять организацией контр-революционных войск.

Благодаря такой общей обстановке, в революционных частях упал дух, и дисциплина, и без того слабая, окончательно исчезла; части, еще не сплоченные, стали превращаться в вооруженную толпу, пылающую к тому же негодованием на высшие власти, а в особенности на всевозможных уполномоченных, которые рассылались из Екатеринодара во все концы области с широкими полномочиями, которые везде суетились на митингах, не понимая назревающей угрожающей обстановки и тем самым не принося никакой пользы, а только вред общему делу.

В виду того, что опасность угрожала самому Екатеринодару, чрезвычайный военный комиссариат Кубанской области, созданный в то время областным исполкомом, потребовал наш полк в гор. Екатеринодар для его защиты. В свою очередь и командующий фронтом Таманского полуострова тоже потребовал наш полк для защиты города Темрюка. Но чрезвычайный военный комиссариат настоял на том, чтобы полк немедленно прибыл в Екатеринодар. Командующий фронтом согласился, так как и сам он был подчинен этому чрезвычайному комиссариату.

Прибытие Сев.-Кубанск. полка в Екатеринодар. 19 июля полк прибыл в Екатеринодар. Обстановка была такова: противник, имея пять батальонов из офицеров и юнкеров и два конных казачьих полка, быстро наступал на Екатеринодар, разбивая наши отступающие части, которые, формируясь в пути, старались задержать его продвижение от станции Тихорецкой к Екатеринодару.

Остатки разбитых частей собрались в гор. Екатеринодаре и окончательно запрудили как город, так и железнодорожные станции; сюда же прибыл и командующий этим фронтом, тов. Кобозев, который окончательно растерялся после разгрома его частей противником и не отдавал никаких распоряжений.

Атмосфера сгущалась, части были деморализованы, разбегались кто куда. Офицеры, находившиеся в Екатеринодаре, стали вылезать из своих укрытых мест и готовиться к тому, чтобы захватить все в городе в свои руки, когда противник подойдет ближе к Екатеринодару.

Правда, некоторые распоряжения чрезвычайным военным комиссариатом давались, но эти распоряжения никем не исполнялись. Везде среди разлагающихся частей раздавались крики: „Продали нас и пропилили!“. Власти были бессильны что-либо

сделать. А противник уже находился в 18 верстах от Екатеринодара.

Спас положение армейский комитет Северного Кавказа, руководимый Иваном Ильичем Подвойским, который, собрав съезд комсостава и представителей от находившихся в городе частей, предложил ему решить вопрос, оставить город или же защищать, и если защищать, то не объединить ли все находящиеся в Екатеринодаре части под одним командованием.

20 июля съезд решил во что бы то ни стало защищать Екатеринодар и избрал меня командующим этим фронтом (восточным), моим же помощником—тов. Демуса. Этот же съезд дал мне указания для дальнейших действий и для защиты города, поручив сговориться с чрезвычайным военным комиссариатом, который в это время уже готовился к отъезду.

В таком положении, не имея притом штаба, мне пришлось вступить на столь ответственный пост.

В этот же вечер я издал приказ о своем вступлении в командование фронтом и приказал всем воинским частям, находящимся в гор. Екатеринодаре, немедленно выступить и войти в соприкосновение с противником, наступавшим на станицу Динскую, заняв оборонительную позицию севернее города. При наступлении же противника опрокинуть его.

Имея в виду, что на съезде были представители почти от пятидесяти отдельных частей, можно было полагать, что этих частей будет вполне достаточно для защиты города.

Но на деле оказалось не то. Большинство этих частей не исполнили моего приказа так же, как они не исполняли и издававшихся до меня, несмотря на то, что их представители на съезде кричали во всеулышание: „Ляжем костями все, но белым города не отдадим!“ и клялись все приказы и распоряжения выполнять беспрекословно. Выполнили мой боевой приказ только первый Северо-Кубанский полк, под командой тов. Рогачева, 1-й Екатеринодарский полк и конный полк под командой быв. мл. урядника т. Воронова.

Этими тремя полками удалось задержать противника у станицы Динской, а 23 июля выбить его из этой станицы и оттеснить на линию станицы Пластуновской.

Противник, потеряв под станицей Динской 200 офицеров и юнкеров, закрепился на левом берегу р. Качап.

В ночь на 24 июля наши части развернулись, чтобы остановить противника: 1-й Екатеринодарский полк (2.500 шт., 12 пул. и 1 батарея—4 ор.) наступал с правой стороны жел. дороги Екатеринодар—Тихорецкая, примыкая левым флангом к полотну жел. дороги; 1-й Северо-Кубанский полк (4.200 шт., 24 пул., 1 батар. (3 пол. ор.) и 1 дивизион.

Защита г. Екатеринодара.

Бой у станицы Динской.

Бой под станицей Пластуновской
24 июля.

конницы (300 саб.) наступал левее полотна жел. дороги, оставив один батальон в моем резерве; последний двигался по линии полотна жел. дороги; конный полк (1.400 саб., 8 пул. и 1 взв. артил.—2 ор.) был пущен в обход справа с целью нанести удар противнику в его левый фланг.

В таком боевом порядке части подошли вплотную к противнику и на рассвете атаковали его. Атаку начал 1-й Северо-Кубанский полк, а по его примеру, хотя и с опозданием, перешел в атаку и Екатеринодарский полк. Конный полк с обходом опоздал. Этой атакой противник был сбит и отброшен к станице Платнировской, где расположился на левом берегу реки Карпели, заняв Платнировскую (включительно). Здесь он получил подкрепление в два полка пехоты, вновь сформированных из восставших казаков, численностью около 3.000 чел.

Я потребовал, чтобы все части немедленно выехали из Екатеринодара на фронт под угрозой в случае неисполнения разоружения их. Благодаря энергичным действиям моего помощника, тов. Демуса, которого я оставил в городе для разоружения неподчинившихся частей, а также благодаря энергии войск, мне удалось упрочить положение фронта.

Утром 25 июля на фронт прибыли из Екатеринодара несколько частей: 1) Полк Тавриды (400 шт.), 2) полк Свободы (600 шт.), 3) полк „Борец за Свободу“ (1.000 шт. и 6 пул.) и несколько отдельных рот и команд,—в общем численностью около 4.000 шт., и 1 бронепоезд под командой очень храброго командира, тов. Чикасова. Кроме этих частей, стали прибывать беспрерывно и другие части на фронт.

Прибывшие части я придал Екатеринодарскому и Северо-Кубанскому полкам в виду того, что давать им самостоятельные участки было рискованно из-за отсутствия уверенности в их боевой устойчивости. 25 июля я отдал приказ о наступлении: Екатеринодарскому полку с приданным к нему полком Тавриды и полком Свободы повести наступление на станицу Раздольную и Кирпильскую; Северо-Кубанскому полку с приданным ему полком „Борец за свободу“ наступать на станицу Платнировскую; конному полку выйти в тыл противнику, расположенному в районе Кирпильской; кавдивизиону Северо-Кубанского полка и всем прибывшим командам под общим командованием помощника командира Северо-Кубанского полка тов. Костенко быть в общем резерве и двигаться по полотну жел. дороги на станицу Платнировскую; общую атаку противника произвести на рассвете 26 июля.

В ночь на 26-е части фронта, хотя и с некоторыми затруднениями, подошли вплотную к расположению противника. На рассвете пытались было атаковать его, но он дал сильный отпор, так что некоторые части направились, было, в Екатерино-

дар; пришлось использовать резервный дивизион, который предотвратил бегство и заставил полк подтянуться и вновь занять свой участок.

Ожесточенный бой затянулся до вечера. Успех переходил то к той, то к другой стороне. К вечеру мне удалось сосредоточить батарею на главном участке, т.-е. против станицы Платнировской, после чего при участии бронепоезда была открыта „ужасающая артиллерийская пальба“ по станице и расположению противника. Под грохот орудий с той и другой сторон двинулись вперед части с криком „ура“, а многие с площадной руганью.

Противник был сбит и с большими потерями отброшен в восточном направлении, путь на север был для него закрыт, ибо отступавшая из-под Ростова через Тихорецкую группа советских войск под командой Сорокина заняла к этому времени ст. Выселки, в тылу белых. Об этом я узнал по занятии ст. Кореновская, где мы соединились с Сорокиным.

Таким образом, частями восточного фронта был защищен гор. Екатеринодар. Противник был разбит, и остатки его были отброшены на 100 слишком верст.

В городе восстановился полный порядок, и все советские учреждения принялись за свою очередную работу.

Восстание на Кубани.

Но, несмотря на этот успех, в общем положение на Кубани к этому моменту ухудшилось. В Таманском отделе восстали почти все станицы и некоторые из них, объединившись, начали избивать и вешать станичные советы и иногородних.

Начались восстания и в других отделах, в особенности по следам движения белогвардейцев. Необходимо было послать какие-то части для подавления этих восстаний, в особенности в Таманский отдел.

По моей просьбе, Сорокин решил отпустить меня с Северо-Кубанским полком в Таманский отдел. 9 августа я приступил к исполнению своих прежних обязанностей помощника командира полка, а 10 августа полк был перевезен по жел. дороге до Ново-Титаровской, а вечером прибыл в станицу Старо-Величковскую.

В этот же вечер мы с командиром полка решили послать часть полка на Николаевский участок; другая же часть должна была оставаться в станице Старо-Величковской.

Так как восставших станиц было больше всего в районе Приморско-Ахтарского поселка, то мы решили наступать в двух направлениях: со стороны станицы Старо-Величковской и Ново-Николаевской. 13 августа я прибыл в станицу Ново-Николаевскую с одним батальоном и 2 ор. и здесь соединился с 1 Советским полком, Славянским и Анастасьевским батальонами.

В этот же день состоялось общее собрание командного состава и представителей рот. На этом собрании я был выбран командующим 1 левой колонной соединенных войск на Гривенском участке.

В состав участка входили следующие части: 1 Советский полк (2.800 шт., 6 пул. и 60 саб.), Славянский батальон (2.500 шт., 6 пул. и 170 саб.), Анастасьевский батальон (600 шт., 150 саб. и 6 пул.), Полтавский батальон Северо-Кубанского полка (1.600 шт., 4 пул., 120 саб. и 2 ор.).

Всего около 7.000 шт., 500 саб., 20 пул. и два полевых орудия.

Я пытался, было, повести наступление в район Приморско-Ахтарского поселка, имея в виду, что тов. Рогачев будет наступать со стороны станицы Старо-Величковской. Но вышло другое.

В это время положение в Кубанской области еще больше ухудшилось. Противник, получив подкрепления, занял г. Екатеринодар, отбросил части Сорокина, численностью около 150.000 чел., за Кубань. Очутившись в горах, эти части совершенно потеряли боеспособность; с большим трудом Сорокин стал уводить их по левому берегу реки Кубани, прикрываясь этой рекой, в Терскую область, не считаясь с тем, что все войска, находящиеся в Таманском отделе, окажутся отрезанными и будут обречены на гибель.

Главнокомандующий Сорокин ушел с войсками, не дав никаких распоряжений (см. схему № 2). Так же поступили и высшие советские органы. Тов. Рогачев с остальной частью полка ушел вместе с ними. Когда об этом стало известно, среди отрезанных войск поднялся ропот. Опять начались крики: „Продали нас и пропили!“. Отрезанные войска стали терять боевую устойчивость, которая и так была невелика, и стали разлагаться не по дням, а по часам.

Казаки, узнав, что Екатеринодар уже взят белыми и что Сорокин с войсками ушел из Кубанской в Терскую область, восстали почти поголовно, во всех станицах начали разгонять, уничтожать и публично вешать иногородних. Таким образом, войска, оставшиеся в Таманском отделе, очутились не только отрезанными от главных сил войск Северного Кавказа, но еще и в густо насыщенном стане контр-революции. Жестокая расправа казаков над иногородними толкнула к войскам беженцев; сначала к нам собирались семьи красноармейцев, а потом и все рабочие. Беженцы каждый день прибывали тысячами и стали сильно обременять и разваливать части. Пришлось задуматься о спасении не только войсковых частей, но и беженцев, потому что были уже сведения, что противник, заняв станицу Тимашевскую, в первые два дня публично повесил до полуторы тысячи мужчин, женщин и детей.

Создание Красной Таманской колонны и начало ее похода.

(Схема № 1.)

Необходимо было эту огромную массу трудящихся, переносящих такие тяжкие невзгоды и всевозможные лишения, во что бы то ни стало спасти от нечеловеческой расправы со стороны казаков. Спасти этих погибающих людей возможно было только при условии—ни минуты не медля—взять в твердые руки разлагающиеся части, использовать их как вооруженную силу и быстро двинуться по линии наименьшего сопротивления в более безопасное место, где окончательно привести в полный порядок части, изгнать из их среды всякий негодный элемент и после этого начать планомерное движение на соединение с главными силами войск северного Кавказа, а если их постигнет еще худшая участь, двигаться на соединение с войсками центра, при чем надо было не оставлять и беженцев, использовав их в качестве обоза, так как такового части не имели.

Для осуществления задуманного плана, при отсутствии всякой связи с соседними войсками и полном развале молодой советской власти, я отправил гонцов в станицу Крымскую, где, по сведениям, находился штаб фронта Таманского полуострова, с целью узнать, что предпринимает штаб фронта и существует ли он еще. Но гонцы с выяснением запоздали, и поэтому части вверенной мне колонны пришлось отвести из станицы Ново-Николаевской к ст. Полтавской, а затем к ст. Славянской, чтобы приблизиться к войскам, расположенным на Таманском полуострове, и установить с ними крепкую связь. В станице Славянской я имел в виду говорить со всеми отрезанными войсками и узнать их дальнейшие действия и намерения.

Прибыв со штабом колонны в ст. Славянскую, я связался с командующим фронтом тов. Ойцевым, который просил меня задержаться на реке Протока и сдерживать натиск противника с севера, дабы противник не мог отрезать части, расположенные на Таманском полуострове, в районе Темрюка, Джегинка (или Джигинское) и Анапы. Я приказал частям колонны расположиться в 6 км севернее станицы Славян-

ской с целью отражения нападающего на нас противника, удержания переправы через реку Протока и прикрытия станицы от артиллерийского обстрела.

Вместе с частями колонны двинулись и беженцы, которых уже набралось до 10.000. Беженцев пришлось переправить через реку Протоку и расположить частью в станице, а частью в казармах военного лагеря.

Каждый из них, убегая из своей станицы, брал с собою жену, детей и на два-три дня продовольствия, а все остальное оставлял дома на произвол судьбы, предполагая скоро вернуться. Вскоре беженцы стали голодать, волноваться и бунтовать. Некоторые из них, особенно нуждавшиеся, рискнули возвратиться домой, в занятые белыми станицы. Казаки встречали их недружелюбно и некоторых из них сейчас же вешали. Большая часть беженцев решила ни за что не отставать от войск, несмотря на все невзгоды и лишения, которые царили среди них.

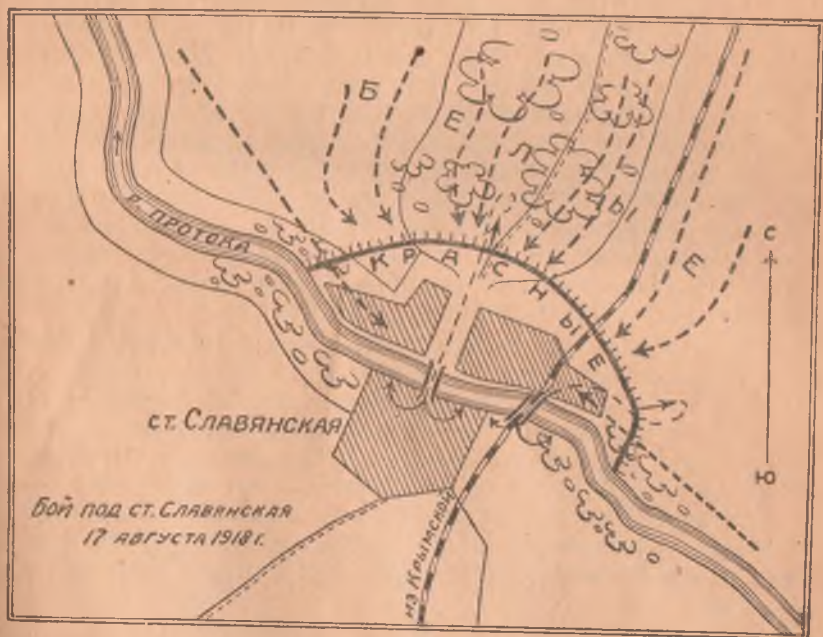
При отходе красных частей из станицы
Бой у станицы Ново-Николаевской казаки всех ближайших
Славянской станиц, кто с чем, бросились их преследовать.
17 августа.

Войска колонны, сдерживая напор казаков, отошли к станице Славянской и заняли оборонительную позицию согласно моего приказа. В это время я получил новые сообщения об общем положении. Они заключались в следующем: из станицы Крымской командующий фронтом сообщил, что он совершенно не знает, что дальше делать, так как с главнокомандующим Сорокиным он не имеет никакой связи.

Из Темрюка командир 2 Северо-Кубанского полка тов. Сафонов сообщил, что он решил из Кубани с полком не уходить, так как на этом настаивает Темрюкский отряд (отряд имел всего 1.000 шт.), да еще и потому, что в его полку к тому времени было около 2.500 шт. и 14 ор., с которыми он обещал завоевать всю Кубанскую область. Но положение было настолько безнадежно, что мечтать с 2.500 штыками завоевать всю почти восставшую Кубанскую область могли только Темрюкский отряд да тов. Сафонов. Другие, хотя и немногие, понимали дело иначе. Казаки после взятия города Екатеринодара переправились на левый берег реки Кубани и в момент получения мною последних сообщений были уже под станицей Крымской и чуть было не взяли тов. Ойцева с его штабом в плен. Таким образом, казаки почти сомкнули края кольца, из которого они намеревались никого не выпустить.

18 авг. к казакам, ведущим бой с частями моей колонны, подошли со стороны станицы Тимашевской организованные белые части, силою около 7000 чел. Этой массой противник повел решительное наступление, нажимая на оба фланга моей

колонны, имея целью отрезать таковые от переправы через реку Протоку. Имея у себя в тылу непроходимую в брод реку, через которую вели два узких моста—пontonный и железнодорожный, части колонны, чтобы не погибнуть, вынуждены были дать белым надлежащий отпор, что привело к ожесточенному бою, затянувшемуся до вечера. С той и другой сторон были большие жертвы. Озверелые да еще совершенно пьяные казаки лезли вперед, пользуясь усадьбами и высоко заросшими хлебом полями.

К вечеру мои части, израсходовав большую часть патронов, ослабили свой огонь. Пополнить патроны было нечем, так как запасов не было, а части и до боя имели их ничтожное количество,—10—15 патронов на стрелка, а у некоторых—и того меньше. Патроны мы получали только из Екатеринодара, когда он был в наших руках. Взвод батареи особой поддержки в решительный момент оказать не мог, в виду того, что у него было всего 130 снарядов на 2 орудия, одно из которых к тому же испортилось.

Противник, заметив ослабление нашего огня, подошел к нашему расположению и с криками „ура“ бросился в атаку, но части колонны не дрогнули и героически стали отражать атакующих, расходуя последние патроны. Казаки, будучи пьяны, надвинулись вплотную, и началась в буквальном смысле

слова рукопашная схватка. Ни у казаков ни у наших частей на винтовках штыков не было; все считали излишним носить таковые.

В результате части колонны, несколько смешавшиеся, под прикрытием Полтавского батальона (бывш. батальон Северо-Кубанского полка), перешли на левый берег реки и заняли там позицию. Мосты через реку были немедленно подожжены, благодаря чему противник не мог пройти на левый берег.

Под прикрытием сильного ружейного и пулеметного огня он пытался было потушить горевшие мосты и по ним переправиться на левый берег реки Протоки, но все его попытки были безуспешны. Понтонный мост сгорел окончательно, а железнодорожный был очень поврежден, так что до исправления его противник перебраться на левый берег не мог. Также были сожжены все имеющиеся в этом районе на реке лодки, баркасы, шлюпки и т. д. Таким образом, сильный напор противника был задержан непроходимой рекой, и, благодаря этому, части колонны удалось привести в порядок, пополнив их из обозов беженцами; среди них нашлось около 2.000 здоровых бойцов.

Таким образом, несмотря на некоторые потери, колонна в численном составе увеличилась, но патронов осталось не больше как по 6—8 штук на стрелка, а у некоторых, в особенности влившихся из обоза, и этого количества не было. В этом бою сыграли большую роль Полтавский и Славянский эскадроны, которые, будучи в резерве, по моему распоряжению врубались в прорвавшегося к понтонному мосту противника, оказав помощь Полтавскому батальону, благодаря чему все части колонны смогли переправиться на левый берег реки.

От пленных казаков после боя удалось выяснить, что они наступали так настойчиво потому, что им перед наступлением было выдано на каждого по целой бутылке казенного вина, найденного в какой-то станице.

После боя я сообщил т. Ойцеву о том, что я перевел части колонны на левый берег реки Протоки и занял оборонительную позицию, прикрываясь рекой, но ответа от Ойцева никакого не получил. Из Темрюка мне сообщили, что 2 Северо-Кубанский полк и Темрюкский отряд остались при прежнем решении: не уходить из Кубанской области. Командиры этих частей просили меня удерживать противника и не пускать к ним. Но на просьбу дать патроны они ответили, что, хотя патроны у них и имеются, но дать мне их они не могут, так как таковые нужны им самим. Я задал вопрос: „как же быть?“ и получил ответ: „как хочешь, так и делай, но мы тебе помочь ни в чем не можем“.

Между тем белые под прикрытием ночной темноты начали переправляться на левый берег реки Протоки по исправленному железнодорожному мосту (его не удалось окончательно уничтожить вследствие отсутствия взрывчатых веществ).

В ту же ночь я вынужден был отвести колонну в станицу Троицкую, переправиться на левый берег реки Кубани, где, заняв оборонительную позицию, закрепился и послал связь в станицу Крымскую, т.-е. в тыл своего расположения, чтобы узнать, там ли штаб фронта.

Утром 19 августа я получил от посланных мною в ст. Крымскую сведения о том, что Темрюкский отряд не захотел оставить свой город и выступить по приказу командующего фронтом тов. Ойцева в ст. Крымскую, чтобы отразить натиск противника, наступающего со стороны Екатеринодара. Вместо исполнения боевого приказа, отряд общим митингом решил: „Из гор. Темрюка ни в коем случае не уходить, а немедленно послать выборных в станицу Крымскую, арестовать командующего фронтом, а штаб его разогнать за то, что командующий приказывал им оставить гор. Темрюк“. 20 августа это решение митинга было приведено в исполнение. Командующий был арестован, а его штаб разогнан. На обратном пути эти предательские посланники заехали и ко мне в ст. Троицкую, очевидно, с такою же целью, но когда я их ознакомил с общим положением, то они тут же раскаялись в своих поступках и немедленно отправились в гор. Темрюк, чтобы передать отряду и полку все, что я им сообщил о противнике и общем положении. Командующий фронтом после отъезда темрюкских представителей был освобожден из-под ареста, но никаких распоряжений уже не отдавал, вследствие проявленного над ним при аресте глумления и издевательства.

К этому времени общее положение было следующее: противник, наступавший из Екатеринодара, был в 8 км от ст. Крымской, сдерживаемый Крымским полком. На моем участке противник, усиленный большим количеством артиллерии, отбитой у наших главных сил при занятии Екатеринодара, занял правый берег реки Кубани. На Таманском полуострове противник держался пассивно, а со стороны станицы Анастасьевской угрожал городу Темрюку.

Бой под станицей Троицкой (с 19 по 24 августа). Вскоре после переправы частей колонны на левый берег реки Кубани появился противник но, в виду уничтожения мостов, залег по правому берегу реки, открыв ожесточенный ружейный, пулеметный и особенно артиллерийский огонь по нашему расположению пытаюсь по не совсем уничтоженному железнодорожному мосту переправиться через реку Ку-

бань. Но части колонны, хотя и щадя остатки имеющихся у них патронов, отражали всякие попытки противника с большими для него потерями.

Противник набрался было смелости, поднялся толпой и ринулся по мосту, не обращая внимания на обстрел наших целей, но был допущен только до половины моста, где вся толпа наповал была срезана пулеметным огнем.

Имея в виду задачу отходить дальше, я задержался под станицей Троицкой, рассчитывая на то, что найдутся в расположенных на Таманском полуострове войсках командиры, которые, учтя положение, чтобы не обречь войска на гибель, выведут свои части, пока еще оставался единственный путь отступления для таманских войск, расположенных в Темрюке, через Варениковскую—Гостогаевскую на Новороссийск. Дабы предохранить их от флангового удара при отходе, я и поджидал их, сдерживая противника.

Но когда части колонн в течение почти пяти суток непрерывного боя израсходовали почти все остатки патронов,—тогда не оставалось ничего делать, как отходить дальше, дабы не быть и самому отрезанным со стороны станицы Крымской.

Отход к станице Крымской. 24 августа, собрав командный состав колонны и посоветовавшись с ним я решил отвести колонну в станицу Крымскую. Вечером того же дня под прикрытием темноты, оставив небольшое количество конницы, я погрузил все войска в поезда и двинул их один за другим в станицу Крымскую.

Здесь мы застали ужасную панику. Белые, потеснив Крымский полк, подтянули артиллерию и начали громить станицу, не давая высаживать наши эшелоны, почему пришлось их двинуть дальше. Появившийся бронепоезд белых заставил нас отойти до ст. Верхне-Баканской (Тоннельная), где колонна и выгрузилась.

Прибытие в Верхне-Баканскую. Здесь собрались со всего Таманского отдела деморализованные части (Темрюкский отряд сдался в Темрюке белым) и окончательно развалились. Командующий фронтом, тов. Ойцев, отказался дальше командовать и скрылся. Его штаб после разгона больше не собирался.

Разбежались и многие командиры развалившихся частей, оставив самые части на произвол судьбы. Здесь же группировались и беженцы, которых насчитывалось до 25.000, с громадными обозами. Возобновился с особенной силой ропот среди разлагавшихся частей. Неслись крики: „Бей командиров!“ „Разбегайся, кто куда может!“. Злостная провокация работала во всю. Начались расправы с оставшимся командным составом.

План прорыва Работая с первых дней моего приезда из окружения. в отпуск в Таманском отделе по организации революционных частей, я был известен во многих станицах отдела и пользовался доверием беднейших масс; благодаря этому, мне удалось удержать от развала части моей колонны. Последняя в это время состояла из трех пехотных полков, одного пехотного отдельного батальона и трех отдельных эскадронов кавалерии (общей численностью до 12 тыс. шт., 600 саб., при одном полевом ор.). Рассчитывая на эти силы, я решил, ни минуты не медля, продолжать осуществление ранее задуманного мною плана, т.е. вести войска дальше на соединение с главными силами войск северного Кавказа или с войсками центра Республики.

Будучи знаком с территорией Кубанской области и Черноморской губернией, их географическими особенностями и имея опыт войны в горах, приобретенный мною в империалистическую войну на Кавказе, я избрал путь по берегу Черного моря через Новороссийск—Геленджик—Туапсе—Белореченская—Армавир, а если явится необходимость, то и дальше: станция Кавказская (хутор Романовский)—Тихорецкая—Царицын.

При выборе этого пути для движения я руководствовался тем, что здесь имелось вполне исправное шоссе Новороссийск—Туапсе—ст. Белореченская, откуда начинались хорошие грунтовые дороги. Кроме того, от г. Туапсе на Армавир шла железнодорожная ветка, что также имело значение. Путь до Туапсе прикрыт с севера кавказским хребтом, с юга—Черным морем и был занят слабым противником—грузинской дивизией (меньшевиков), и, наконец, этот путь окончательно отрывал массу от домашних влияний.

Отрицательные стороны выбранного направления заключались в том, что почти до ст. Белореченской, в виду бесплодности территории, трудно было найти продовольствие и фураж, между тем как части войск никаких запасов не имели. Путь пролегал по узкому, скалистому берегу моря, с трудными подъемами и спусками, и почти до ст. Белореченской не давал простора для действий; наконец, положение осложнялось тем, что с неподготовленными даже и к обыкновенной войне войсками приходилось вести горную войну.

Наметив путь следования и решив, ни минуты не медля, двигаться, дабы не оказаться опять настигнутым противником, а также с целью изолировать части колонны от развала, царившего среди других частей, я предварительно созвал командный состав колонны и оставшихся командиров других частей и предложил им свое решение. Командный состав колонны поддержал мое решение. Несогласным я предложил оставаться при своих мнениях, а командному составу колонны приказал приготовить части к погрузке в поезда.

При погрузке раздалась возражения со стороны разложившихся частей. Раздавались протесты: „Куда удираешь и нас оставляешь“? А некоторые растерянно спрашивали: „А нам как же быть?“ Тогда я еще раз собрал командиров частей и предложил им примкнуть к моей колонне и следовать по намеченному мною пути. Они согласились и приняли решение объединиться вокруг уцелевших двух полков (2-й Северо-Кубанский и 4-й Днепровский), организовать по образцу моей колонны еще две колонны войск и двинуться вслед за мной. Колонны должны управляться каждая своим командующим, но в бою должны друг другу помогать. После этого решения части были наспех сведены в две колонны под командой тов. Сафонова и тов. Матвеева. Численностью эти вновь созданные колонны равнялись моей.

Общая численность 3 колонн (приложение 1. Боевой состав 1 Таманской колонны) составляла около 27.000 шт., до 3.500 саб. и 15 ор. разных калибров, но без боевых припасов. На бойца было от 5 до 10 патронов, а у некоторых и этого не было; точно так же не было никаких запасов продовольствия и фуража, так как части не имели ни кухонь, ни обоза. Обоз был только беженцев, переполненный ранеными и детьми. В таком виде вся эта масса двинулась в наступление на Новороссийск.

Поход таманских войск через Новороссийск — Туапсе — Армавир на соединение с главными силами войск Северного Кавказа.

(Схема № 2).

Препятствия При подготовке этого похода главная для похода. ошибка была в том, что колонны не были объединены под общим командованием, что потом в походе отражалось очень неблагоприятно на успешности продвижения, так как обстановка и условия местности требовали, чтобы все три колонны двигались одна за другой, помогая друг другу. На последнем совещании с командующими колоннами я решил взять на себя главную роль в выполнении этой задачи, так как у меня была более надежная колонна, да к тому же и выполнялся план, задуманный мною. Потому я со своей колонной пошел впереди, пробивая дорогу другим колоннам, которые шли вслед за моей по пути, очищенному от противника.

Препятствий для этого движения было очень много. Прежде всего черноморский ревком был против отступления. Он объявил себя органом отдельной республики и в то время, как противник занял почти всю Кубанскую область, хотел вновь завоевать ее, не имея в своем распоряжении ни войск ни материальных средств. Ревком запретил войскам уходить из станции Верхне-Баканской (Тоннельной) куда бы то ни было. Оказать какую-либо помощь этим войскам он не мог, так как сам не имел ни продовольствия, ни боевых припасов. Для них оставалась единственная возможность—отступить в более безопасное место, чтобы пополниться всем необходимым. Но комитет с этим не хотел считаться и тормозил осуществление задуманного мною плана.

Город Новороссийск, через который, по выработанному плану, должны были проследовать все три колонны, был занят немцами и турками. Необходимы были переговоры с ними о пропуске наших войск. Ходили слухи, что немцы, зная, что почти вся Кубанская область занята белыми и что отрезанные и расстроенные советские войска приближались к Новороссийску, намеревались разоружить их и интернировать. Казаки подошли со стороны станицы Крымской почти

вплотную к ст. Тоннельной и начали обстреливать ее с бронепоездов тяжелой артиллерией.

Начало похода Я решил, не вступая ни в какие переговоры, **26 августа.** действовать смело, и в ночь на 26 авг., пользуясь темнотой, погрузил свою колонну в поезд и в 12 час. ночи эшелон за эшелонами направил в Новороссийск; войска были вполне подготовлены на случай боя с немцами и турками. Все эшелоны, по прибытии на ст. Новороссийск, быстро выгрузились и через $\frac{1}{2}$ часа стройными рядами двинулись через Новороссийск на Геленджик. Немцы и турки опешили при появлении в городе массы войск, стройно проходящей, по наружному виду дисциплинированной, и, возможно, благодаря этому, не рискнули чинить каких-либо препятствий. Колонна проследовала через город и вытянулась по шоссе на дороге, идущей от Новороссийска к Туапсе.

За моей колонной точно так же последовала вторая колонна, которой в это время командовал тов. Лисунов (командующий 2-й колонной, тов. Сафонов, по какой-то причине остался в Новороссийске). За второй колонной следовала уже утром, 26 авг., и третья колонна, преследуемая казаками. Хвост этой колонны обстреливался артиллерийским и пулеметным огнем, даже тогда, когда вошел в город. С началом стрельбы немецкий капитан, начальник гарнизона г. Новороссийска, приказал своим и турецким войскам немедленно погрузиться на пароходы, на которых они прибыли в Новороссийск. Выйдя в море и отойдя на некоторое расстояние, пароходы открыли сильный артиллерийский огонь из тяжелых пушек сначала по спускающимся с гор в город казакам, а потом и по нашей третьей колонне, выходящей из города (большая часть ее уже вышла на шоссе и была прикрыта от обстрела горами). Затем немцы вновь перенесли огонь по казакам, и вскоре у них завязалась сильная перепалка. Пока они дрались, наши части успели уйти на порядочное расстояние от города ¹⁾.

Немцы и турки покинули Новороссийск и ушли в Севастополь, а Новороссийск заняли казаки и принялись за расправу с оставшимися там красноармейцами, моряками и советскими работниками.

Из Новороссийска часть раненых красноармейцев, те, кто мог ходить, ушли с нашими войсками, раненые, неспособные ходить, были погружены в обоз беженцев, а остальные, не погруженные в обоз, остались в городе, так как полную эвакуацию было произвести не на чем. Кроме того, в городе осталось большое количество матросов, надеявшихся где-ни-

¹⁾ Об отступлении таманских войск из Новороссийска очень живо и ярко написан рассказ Серафимовича „Отступление“ в журнале „Прожектор“ № 1 и в брошюре „Железный поток“.

будь скрыться; осталось также много беженцев и советских работников. Белые, заняв город, построили на самых видных местах и площадях большое количество виселиц, ловили всех оставшихся и под конвоем рядами подводили к виселицам. Тут же городские извозчики через некоторое время собирали трупы повешенных и свозили в море. Остальные, стоящие в строю перед виселицами, должны были наблюдать, как расправляются с их товарищами и ждать своей очереди. Если обреченных было очень много, то казаки использовали вместо виселиц телеграфные столбы. Бежавшие от казни сообщили еще такой случай. Когда белые заняли гор. Майкоп, то в нем взяли около 800 пленных красноармейцев и под конвоем пригнали их к начальнику гарнизона, какому-то полковнику, который приказал вывести их за город и ждать распоряжения. Их вывели за город. Вскоре появился и полковник; подойдя к конвою, приказал всех пленных построить в две шеренги, одна от другой на 20 шагов, лицом к лицу. Когда перестроение было закончено, он подал команду всем пленным стать на колени и наклонить головы вперед, а конвою рубить „этим босякам головы“, что конвоем и было исполнено. Трупы полковник приказал не убирать три дня, для острстки местного населению. Таких характерных случаев было очень много.

Ужасающая расправа белых в городе Новороссийске продолжалась три дня. Офицеры и казаки, перепившись, превратились в каких-то разъяренных хищных животных, насилующих тысячи невинных женщин и детей. В эти три дня белым командованием было разрешено вступившим в Новороссийск частям делать, что кому нравится. Впоследствии выяснилось, что белые за эти три дня изрубили всех оставшихся раненых красноармейцев как в лазаретах, так и в эшелонах, находившихся на станции, матросов и советских работников, которым не удалось скрыться. Почти такую же расправу белые учинили над оставшимися беженцами, отпустив только некоторых женщин, раздетых и изнасилованных.

После трехдневного разгула и расправы белые бросились в погоню за нами.

Пройдя благополучно через город Новороссийск, я полагал, что дальше уже путь будет свободнее, хотя и имел сведения, что в районе Туапсе находится грузинская дивизия, но где она расположена, было неизвестно. На полпути от Новороссийска до Геленджика из авангарда донесли, что со стороны Геленджика появились какие-то разъезды и обстреляли его ружейным и пулеметным огнем. Я приказал авангарду продолжать движение дальше и постараться выяснить, кто его обстрелял; через некоторое время из авангарда были доставлены ко мне двое пойманных из разъезда, из опроса коих выяснилось, что разъезды эти входили в состав грузинской

дивизии, которая, недавно прибыв из города Тифлиса на помощь белым, заняла город Туапсе, передовые же ее части расположились по берегу Черного моря до Геленджика (включительно).

Дивизия состояла из четырех пехотных полков, одного конного полка и одной артиллерийской бригады с 16-ю орудиями.

Положение моих войск было в высшей степени тяжелое: колонна была сосредоточена по шоссе на дороге, вьющейся по узкому ущелью, справа — море, слева — непроходимые отроги кавказского хребта. Свернуть было некуда. Я признал, что единственное решение в этом случае — движение вперед по ранее намеченному пути, который нужно было очистить от грузин (меньшевиков) как для собственного движения, так и для движения 2-й и 3-й колонн.

Занятие Геленджика. После того как авангардный полк отбросил разъезды противника, колонна беспрепятственно подошла почти вплотную к мест. Геленджик, где противник, численностью около одного кавдивизиона в 250 сабель, залег на небольшом хребте и, подпустив передовые части авангардного полка, начал их обстреливать ружейным и пулеметным огнем. Авангардный полк (1-й Полтавский), под командой бывш. фельдфебеля тов. Литвиненко, почти не разворачиваясь, ударом сбил противника с занимаемого им гребня и очистил путь главным силам. 26-го августа, ночью, части колонны достигли мест. Геленджик, где и расположились на ночлег.

Передовые части грузинской дивизии отошли в деревню Пшадскую. Вторая и третья колонны не дошли до мест. Геленджик, а остановились на ночлег на полпути.

За эту ночь в Геленджике скопились все беженцы, которых насчитывалось до 25.000 чел., и окончательно запрудили как местечко, так и окружающие его ущелья. Беженцы, раненые красноармейцы и матросы (5.000 матр.), следовавшие за колонной, но отказывавшиеся вступить в ее ряды, страшно обременяли части колонны.

Учитывая, что предстоит очень долгий путь следования и столкновение с организованным противником, я пришел к тому заключению, что с войсками неорганизованными, не имеющими твердого боевого духа и дисциплины, да еще без боевых припасов и продовольствия, надеяться на полное осуществление задуманного плана не приходится. Необходимо было принять какое-то более радикальное решение, чтобы задуманный план во что бы то ни стало осуществиться.

27-го августа, утром, перед наступлением я приказал построить колонну и стал говорить ей о создавшейся обстановке. Я сообщил о проделках белых в Новороссийске, о том, что впереди нас расположена грузинская дивизия и часть казаков, пришедших из города Майкопа, о том, что идти нам

не ближе, как до Терской области, чтобы соединиться с главными силами войск Северного Кавказа. Затем я потребовал от войск полного подчинения и точного безупречного выполнения моих боевых приказов и распоряжений и указал, что только при этом условии можно будет преодолеть все препятствия и лишения и осуществить задуманный план; в противном же случае мы погибнем здесь все.

Красные бойцы, сознавая трудность своего положения между непроходимой стеной покрытых лесом гор и берегом моря, и притом в окружении врагом, в один голос закричали: „Мы все повинемся во всем!“ Я еще раз подтвердил, что выведу их, и все они будут спасены, и подал команду: „Вперед!“

После данной мне клятвы с этого же места части пошли дальше вперед стройными рядами, бодро неся свои винтовки на усталых плечах. Узнав общее положение и цель действий, войска приняли надлежащий воинский вид и, казалось, как будто переродились. Виден был большой поворот в лучшую сторону. Воспрянул дух, повеселели лица. Но, несомненно, после этого пришлось еще много и основательно поработать над сколачиванием и политическим просвещением масс, благодаря чему в конце концов и удалось выработать вполне сознательного, революционного, прославившегося потом таманца. Создавшаяся обстановка дала возможность применить все способы для отрезвления частей, за основание чего было взято их обещание. Благодаря ему, никто не имел права возражать и нарушать осуществляемый план и вмешиваться в работу.

Пройдя полперехода до д. Пшадской, передовые части колонны вошли в соприкосновение с противником, коротким ударом сбили его и двинулись дальше. Опрокинутые части противника отошли и заняли оборонительную позицию по правому берегу реки Пшада, на линии деревень Пшадская—Береговая. Здесь у противника оказалось около одного батальона (до 700 шт.). При подходе почти вплотную к Пшадской авангардного полка (Славянский полк под командой бывш. подпрапорщика тов. Белогубцева), противник с занимаемой им позиции открыл неожиданно сильный ружейный и пулеметный огонь, но полк, развернувшись в боевой порядок, прямо из походных колонн, не взирая на огонь и на трудность преодоления занятых противником высот, перешел в атаку, пустив в охват справа приданный ему эскадрон кавалерии. Противник, очевидно, не ожидал такой энергичной атаки, так как знал, что мы несколько дней тому назад представляли из себя вооруженную толпу.

Встретив атаку только на участке Пшадской, с остальной части позиции он отвел свои войска к главным силам. В этой атаке противник понес небольшие потери (всего около 40 чел. убитыми и ранеными). Наши потери—двое убитых и четыре

Бой у дер.
Пшадской.

раненых. После этого короткого боя части колонны к вечеру вошли в Пшадскую, где и расположились на ночлег, выставив сторожевое охранение во всех направлениях.

Об этом коротком бое я сообщил 2-й и 3-й колоннам, чтобы они продвигались вперед, так как путь мною очищен от противника, но от них не получил никакого ответа.

Отброшенный от д. Пшадской, противник Бой у деревни Архип-Осиповской 28 августа. отошел в район деревни Архип-Осиповки. Получив подкрепление, прибывшее из Туапсе морем на пароходах, в количестве одного полка пехоты, около 2.000 шт., с морской батареей, находящейся на небольших траллерах, противник занял оборонительную позицию по правому берегу реки Вулан.

28 авг., утром, колонна двинулась с места ночлега вперед; к 12-ти часам дня передовые части авангарда беспрепятственно подошли почти под самую деревню Архип-Осиповку. Противник, расположенный по вершинам горных отрогов, которые подходили близко к деревне и оканчивались у берега моря скалистыми отвесными стенами, повторили тот же способ действий, т.е., не обнаруживая своего присутствия, подпустил на близкое расстояние передовые части нашего авангарда, а потом открыл залповый ружейный и пулеметный, а также и артиллерийский огонь с моря. Этим огнем были остановлены передовые части авангардного полка (Советский полк, под командой бывшего младшего унтер-офицера тов. Яворского), попавшие в узкое ущелье, по которому шла шоссе́нная дорога. Ущелье это было с крутыми, обрывистыми скатами; из него нельзя было никак развернуться; к деревне это ущелье подходило в виде узкого коридора, с крутым поворотом на железный мост через реку Вулан. Здесь у противника оказалась очень выгодная позиция, потеря которой ему казалась невероятной. Я собрал все три эскадрона кавалерии, в которых в общем было до 500 сабель, придал им повозки с пулеметами и, под прикрытием нескольких выстрелов из единственной пушки, которая была в моем распоряжении, в сомкнутом строю (потому что двигаться можно было только по шоссе), приказал им карьером проскочить занимаемую противником позицию, выскочить в его тыл, где и уничтожить все, что встретится. Общее командование этой кавалерийской группой было возложено на командира полтавского эскадрона тов. Куксу. Эскадроны, не взирая на губительный огонь противника, лихо двинулись без крика вперед, быстро скрылись за узким поворотом ущелья и, очутившись в тылу противника, с громкими криками „ура“ ворвались в деревню Архип-Осиповку, уничтожая резервы и руководящие органы противника. Этого противник, возможно, совсем не ожидал и, услышав громкие крики „ура“ в своем тылу, а с фронта только редкий огонь, бросился с вершин

хребтов сначала к деревне, а потом к берегу моря. Этими удачными действиями наших частей противник был почти весь уничтожен, за исключением немногих офицеров, которые успели сесть на пароходы и отойти от берега в море. Наши потери за весь этот бой составили около 30 человек убитыми и ранеными. После боя части колонны расположились в деревне на ночлег. О всем происшедшем я сообщил в тыл 2-й и 3-й колоннам и советовал им продвигаться вперед, но от них и на этот раз не получил никакого ответа.

29 августа, утром, части колонны выступили на деревню Михайловскую ¹⁾, которую вечером заняли, встречая по пути к ней только небольшое сопротивление противника.

В самой деревне Михайловской противника не оказалось.

Части уже научились героически отражать противника и, несмотря на голод, быстро шли вперед. На всем пройденном от Новороссийска пути продовольствия нигде нельзя было добыть, в виду бесплодности страны. Войска питались так называемым подножным кормом, т.-е. собирали в лесах жолуди, кислицы (дикие яблоки и груши) и на немногих полях зеленую кукурузу, которую ели вместе с соломой. Голод продолжался и дальше. Такой же голод испытывали и все беженцы, которых теперь уже насчитывалось до 30 тыс., включая раненых и моряков. Вся эта масса беженцев всегда лепилась к частям. С большим трудом удавалось отделять беженцев от боевых частей. Кроме того, большие недостатки оказывались в обмундировании. Почти каждый красноармеец вышел из дому в чем был и, действуя в горах и лесах, все изорвал, в виду чего многие оказались совершенно голыми.

Обувь по шоссе и по каменистым горам быстро изнашивалась. Большинство было совершенно босыми. Все эти недостатки неблагоприятно отражались на ходе военных действий. Пополнить недостающее было нечем; нужно было идти и где-то завоевать необходимое. Хуже всего было то, что к этому времени патроны были израсходованы. У многих осталось по два, по три патрона, а почти у половины не было и по одному. Вторая и третья колонны далеко отстали. Они, дойдя до Геленджика, остановились и избрали себе командующего двумя колоннами тов. Матвеева. Последний решил, было, не идти на город Туапсе, а свернуть на север, через Дефанскую, Ставропольскую на Ключевую, рискуя лишиться всей своей артиллерии (за неимением необходимых дорог), которой у него насчитывалось до 20 орудий. Но от этого бесцельного и губительного решения отговорил т. Матвеева его начальник штаба, тов. Батурин, который безусловно верно учел, что лучше идти на город Туапсе по шоссе и дороге, очищенной от противника первой колон-

¹⁾ На схеме Ново-Михайловская.

ной, чем пойти по неизвестному пути и потерять артиллерию и обоз.

Несмотря на все эти неприятности, необходимо было двигаться дальше. 30 августа первая колонна выступила из деревни Михайловки по направлению к городу Туапсе.

По пути к Туапсе были добыты сведения, что противник сильно укрепил Михайловский перевал, находящийся в 4—5 верстах северо-западнее Туапсе, расположил на нем всю дивизию и выслал конный полк, который должен сдерживать наше движение, пока его главные силы окончательно не укрепятся на перевале.

К вечеру 31 августа части колонны, имея небольшие столкновения с конным полком противника, подошли к Михайловскому перевалу.

2 и 3 колонны отстали почти на два перехода. Противник, подпустив части колонны близко к своей позиции, начал обстреливать их сильным артиллерийским огнем. К перевалу подходящих подступов не оказалось, за исключением узкого ущелья, по которому тянется шоссе. В 3 от этого перевала образуются узкие ворота, на которые противник направил целую батарею. Выхода, казалось, не было.

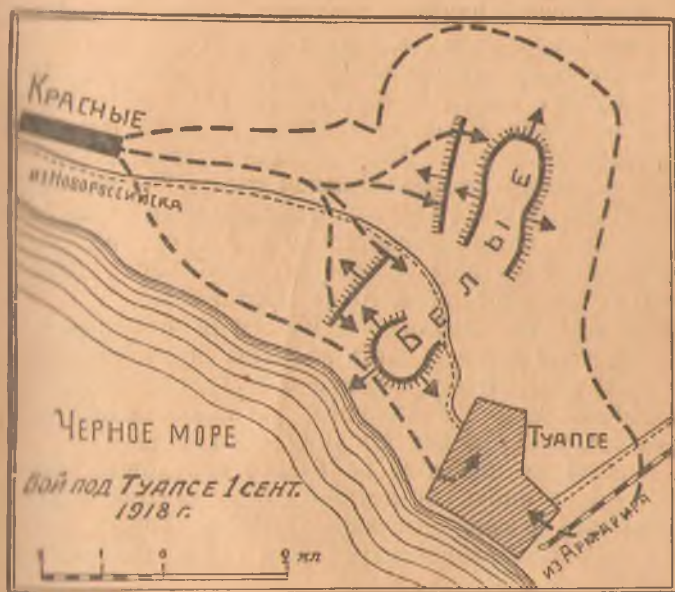
Рассмотрев карту, тщательно изучив район этой местности я решил произвести ночную атаку, которой и взять укрепленный перевал, так как днем к нему подойти не было никакой возможности,—перевал был высок и обрывист. С него противник мог поражать все ближайшее пространство. Да, откровенно говоря, перевал и брать-то нечем было, в виду отсутствия патронов; была одна полевая пушка и к ней 16 снарядов. Нужно было прибегнуть к хитрости.

Вечером, собрав и опросив проводников из местных жителей, я составил такой план действий: трем эскадронам за ночь во что бы то ни стало обойти незаметно для противника Михайловский перевал и к рассвету быть с восточной стороны г. Туапсе, откуда ворваться в город, захватить его и в нем расположенный штаб грузинской дивизии. Эскадронам придал хорошо знающих все окружающие хребты и возвышенности пять проводников.

Один пехотный полк с наступлением темноты я спустил по обрывистому, скалистому берегу к морю и приказал ему перебираясь по камням, к рассвету добраться до Туапсинской бухты, атаковать ее и захватить пароходы. С остальными тремя полками я решил под прикрытием ночной темноты атаковать перевал в лоб (см. схему на след. странице).

Части, обходящие перевал справа и слева, достигли своих пунктов, а полки, назначенные для атаки противника, расположенного на самом перевале, с наступлением темноты со-

и решено скрытно стали пробираться по густому лесу, а потом по каменистому, крутому подъему, и подошли к почти отвесному подъему, высотой 3—4 сажени. Казалось, здесь не туник, но таманцы, полные самоотверженности, нашли выход—стали взбираться один по другому, а где не было и такой возможности, пускали в ход штыки, втыкая их в трещины скалы, и так постепенно накоплялись перед самым носом спящего в окопах противника. Когда большая часть наших войск скопилась в удобных для атаки местах, перед

Вой под Туапсе 1 сент. 1918 г.

подсветом мною была подана общая команда: „В атаку, вперед!“ По всему перевалу поднялся громкий и несмолкаемый крик „ура“. Без стрельбы (потому что не было патронов) наши ворвались в окопы противника, избивая их прикладами и штыками. В это время обходящие части, услышав громкое „ура“ на перевале, тоже перешли в атаку и ворвались в город. Противник растерялся от такой неожиданности, бросил свои позиции и, спускаясь с перевала, направился к морской бухте, имея в виду сесть на пароходы и уплыть в море, но бухта была уже занята пущенным в обход полком, который всех бегущих забирал в плен. Часть противника бросилась было, в город, но там встречала сабли таманцев, которые, обойдя перевал слепа, ворвались в город с его восточной стороны. В этой ожесточенной схватке почти вся грузин-

ская дивизия была уничтожена (численность ее доходила до 10.000 штыков и сабель), за исключением начальника дивизии и некоторых офицеров, которые еще накануне вечером уехали в Сочи. Наши потери были незначительны — всего несколько десятков человек убитыми и ранеными.

Занятие г. Туапсе. 1 сентября части колонны расположились в городе на ночлег. Тут представилась возможность свободнее вздохнуть, так как с занятием Туапсе и с разгромом целой дивизии противника нам досталось 16 пушек, 6 тысяч снарядов к ним, 800.000 русских патронов, 10 пулеметов, 1 паровоз, 100 вагонов и много очень ценного военного имущества. Части колонны были вооружены, и, кроме того, был образован запас боевых припасов. Попрежнему плохо было в отношении продовольствия, так как оно почти совсем отсутствовало. Грузины, находясь в городе Туапсе, голодали так же, как и таманцы; но, хотя мы и были голодны, зато стали хорошо вооружены. Теперь каждый таманец имел 200—300 патронов.

Эта победа над грузинской дивизией еще более отрезвила части, и они, приняв окончательно воинский вид, были способны на самые трудные операции, имея перед собой даже во много раз превосходящего их противника.

Сделав дневку, снабдив части всем необходимым, 2 сентября утром я двинул части колонны по направлению к ст. Белореченской. К этому времени к г. Туапсе стали подходить передовые части 2 и 3 колонны; расположившись там, они сделали дневку на два дня и в виду этого отстали от 1 колонны.

На первом же переходе от Туапсе передовые части авангардного полка вновь встретили сопротивление противника. Это были уже казаки, высланные на поддержку грузинской дивизии со ст. Белореченской ген. Покровским, но они опоздали.

Ген. Покровский, успевший к этому времени организовать в Екатеринодарском отделе несколько частей с примкнувшими к нему повстанцами, всего численностью до 15.000 чел., был выслан генералом Деникиным в район ст. Белореченской с целью перехватить наш путь к главным силам войск Северного Кавказа. Покровский имел сведения, будто идет многочисленная банда, которая несет много оружия и других ценностей и у которой легко будет все это отобрать; белые же в это время испытывали особую нужду в оружии. Но тут он скоро убедился, что это была не банда, как он предполагал, а испытанные революционные бойцы, способные даже без патронов, с налета, взять такую неприступную природную крепость, как Михайловский перевал, и уничтожить целую неприятельскую дивизию, несмотря на то, что в течение 10 суток они не видели никакой пищи, кроме желудей, кукурузы и кислиц.

Части, высланные ген. Покровским, при первом соприкосновении с нашими передовыми частями были отброшены и беспощадно преследуемы до самой станицы Пшехской, где генерал Покровский успел устроить более крепкую оборонительную позицию. В ночь на 11 сентября части колонны подошли и к этой позиции и вступили в решительный бой за обладание ею.

Голод. Здесь необходимо отметить те трагические явления, которые были в этот период похода. Для войск, также и для беженцев, большинство которых двигалось при частях первой колонны, наступила вторая неделя голода. Голод принял самые широкие размеры. Войска, питаясь исключительно кукурузой, желудями и кислицами, выбились из сил, вследствие чего в их среде начались сильные заболевания; было много отсталых, не только одиночек, но и целых групп; ряды войск стали редеть. Еще большие бедствия испытали беженцы, так как с ними были дети, которым родители не успевали добывать даже такой пищи, в виду быстрого следования за войсками; поэтому среди беженцев развилась смертность; умирали от голода больше дети, но были случаи смерти и взрослых. Еще больший голод постиг лошадей, которые почти поголовно стали падать. Беженцы, у коих пали лошади, совершенно лишились перевозочных средств для дальнейшего следования, и дети их обрекались на гибель, ибо родители брали детей, которые могли итти, а малых детей бросали вместе с подводами. Были даже и такие исключительные случаи, когда мать, не желая оставлять своего ребенка на муки голодной смерти, умертвив его, закапывала в щель скалистых гор; некоторые матери просто бросали малюток в глубокие овраги. Наплыв пеших беженцев стал еще больше обременять войска. Отделить беженцев от войск было трудно, в виду того, что в рядах войск были их сыновья или отцы, а присутствие беженцев среди войск слишком подрывало дух и настроение войск и, кроме того, страшно мешало им в выполнении боевых задач.

Непосредственно соприкасаясь со всеми этими бедствиями, постигшими как войска, так и беженцев, я должен был задуматься над тем, как же быть дальше? Ведь путь еще далек, что же будет впереди? Я решил не делать никаких дневок, двигаться не только днем, но и ночью и, во что бы то ни стало, в кратчайший срок вывести колонну на территорию, где возможно было бы добыть средства для питания людей и лошадей.

После этого решения части колонны стали двигаться днем и ночью и через трое суток вступили вновь в Кубанскую область, где, хотя с большим трудом, стали добывать немного продуктов и фуража, благодаря чему как люди, так и лошади были избавлены от смерти. Кроме того, ночные

передвижения войск дали возможность окончательного подготовить войска к ночным боевым действиям, которые сыграли решающее значение в достижении полного успеха. Со вступлением частей колонны вновь в Кубанскую область, в районе Хадыжинской, отроги главного Кавказского хребта стали значительно понижаться, и вместе с тем миновали все те трудности, которые пришлось испытывать при переходе через гребень главного хребта, где были растрочены силы войск в борьбе с природой. Здесь было возможно свободнее вздохнуть, имея перед собою некоторый простор действий, и избавиться от шума и треска повозок громадного обоза,двигающегося по узкому и глубокому ущелью среди гор. Этот шум и треск наводил на многих особый ужас.

По пути к станице Пшехской удалось выяснить, что противник, кроме Белореченской группы, сосредоточил группу почти такого же количества в районе города Майкопа под командой генерала Геймана.

Станица Пшехская расположена среди невысоких отрогов главного Кавказского хребта, поросших редким лесом. С восточной стороны, возле самой станицы, протекает небольшая река Пшеха, которая течет на север и в 8 — 10 км. севернее станицы Пшехской впадает в реку Белую.

Укрепленная позиция противника была расположена в 3—4 км. южнее этой станицы.

Авангардный полк колонны, подойдя вплотную к позиции противника, вступил с ним в перестрелку.

Изучив подробно расположение противника и узнав, что противник во много раз превосходит нас численностью, я решил произвести атаку с наступлением темноты, дабы не обнаружить свои силы; вторая и третья колонны отстали от первой к этому времени почти на два перехода.

В 7 часов вечера, развернув части колонны в боевой порядок, я выслал три пехотных полка для лобового удара, а один оставил в резерве; кавалерийскому полку, образовавшемуся из сведенных трех отдельных эскадронов, я приказал обойти правый фланг противника, у железной дороги выйти в его тыл и отрезать противнику пути отступления на ст. Белореченскую. Противник с наступлением темноты прекратил перестрелку, благодаря чему части спокойно совершили соответствующую перегруппировку, продвижение к его позиции и обход. В 9 часов части колонны достигли исходных пунктов, откуда бросились в атаку на спокойно сидевшего в небольших окопах противника. Не выдержав атаки, белые бросились бежать к ст. Белореченской, но на пути к ней они встретили полк, который беспощадно расправился с бегущими; благодаря этому, части противника вынуждены

были рассыпаться в более мелкие группы и под прикрытием темноты пробираться окольными путями и тропинками. Части колонны, увлеченные преследованием бегущего противника, были двинуты дальше, на ст. Белореченскую. Противник оставил на месте раненых и убитых, 4 полевых 3-х дюйм. вполне исправных пушки и до 16 пулеметов.

Достигнув почти самого левого берега реки Белой в районе ст. Белореченской, части моей колонны, встретив сильное сопротивление резерва противника, расположенного на правом берегу реки, были мною остановлены, дабы разобраться в новой обстановке и подтянуть свой резерв. Но к этому времени ночь уже прошла, настал день, почему пришлось скрытно расположить части, заняв левый берег реки, и ждать следующей ночи.

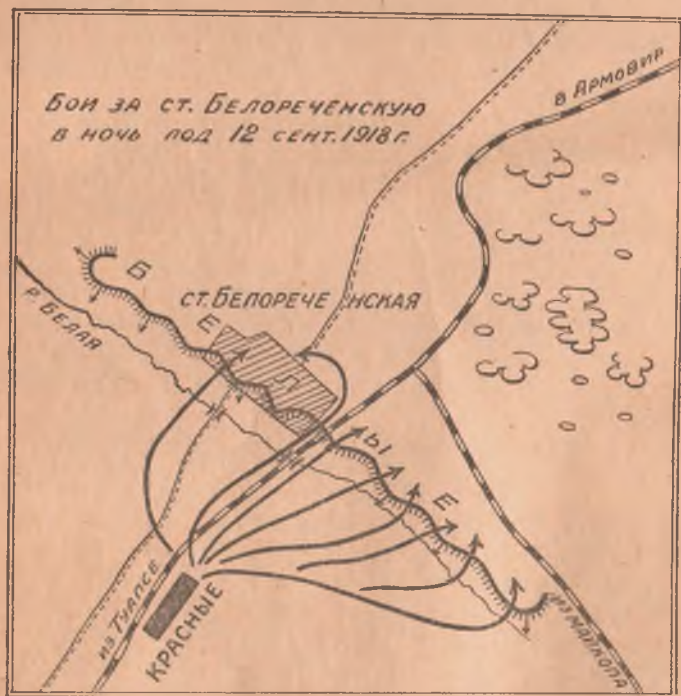
11-го сентября генерал Покровский успел получить подкрепление из города Майкопа от генерала Геймана и укрепился в районе ст. Белореченской, на правом берегу реки Белой, от устья реки Пшихи до ст. Ханской.

Здесь он наспех вырыл окопы и, прикрываясь рекой Белой, возможно, не думал нас пустить дальше. В течение всего дня он не проявил активности, а только сосредоточил большое количество артиллерии в районе ст. Белореченской и целый день вел беспорядочную стрельбу, не принесшую нам никакого вреда.

Сделав лично разведку местности, я решил вновь повторить ночной бой с атакой на рассвете. Но для того, чтобы противник не ожидал повторного ночного боя, необходимо было вечером, с наступлением темноты, повести демонстративное наступление по всему фронту мелкими частями, которые должны были дойти до берега реки и залечь, а с наступлением темноты прекратить всякую перестрелку, чтобы противник вполне успокоился. Но для самого-то ночного боя нужно было придумать что-то новое, так как противник был расположен за рекой, а имеющиеся через эту реку мосты (железнодорожный и один деревянный) находились под действительным наблюдением противника, почему пройти по ним войскам не было никакой возможности. Необходимо было назначить район атаки и переправы частей колонны правее мостов и перейти реку в брод, несмотря на то, что река в это время года была трудно проходимая в брод, имея глубину от 2-х до 3-х аршин.

Частям колонны было приказано до рассвета приготовиться к следующим действиям: двум пехотным полкам (Славянский и Полтавский) за ночь совершенно незаметно подойти к самому обрыву левого берега реки, на участке ст. Ханская и железнодорожный мост, а на рассвете одновременно броситься с обрыва в реку, быстро переплыть ее

и атаковать противника, находившегося в окопах. 3-му пехотному полку (1-й Советский) оставаться на самом краю берега, откуда открыть сильный ружейный и пулеметный огонь по ст. Белореченской, дабы противник не мог дать частям, атакованным нами в окопах, подкрепления из станицы. 4-му пехотному полку (Анастасьевский) и артиллерийскому дивизиону с орудиями оставаться в резерве. Кавалерийскому полку во время атаки, когда наши пехотные части достигнут правого берега, быстро проскочить по железнодорожному

мосту, ворваться в ст. Белореченскую и захватить резерв противника. Артиллерии в момент атаки развить сильный огонь по северной части ст. Белореченской.

Противник, отразив вечернее наше демонстративное наступление, к рассвету совершенно успокоился. Части колонны за ночь ознакомились со своими участками. Как только начало светать, 2 полка, предназначенные для атаки, одновременно бросились с отвесного 5 саженого обрыва в реку, быстро, без выстрела, переплыли ее и ворвались в окопы противника. Одновременно, кавалерийский полк быстро проскочил по железнодорожному мосту и с налета ворвался в ст. Белореченскую, где захватил часть штаба ген. Покров-

ского и около 300 пластунов. Вслед за кавалерийским полком вошел в станицу 3-й пехотный полк, который и занял ее окончательно. Противник, понеся крупные потери, в беспорядке отступил в ст. Гиагинскую. Он потерял около 700 раненых и убитых; сам генерал Покровский едва успел ускакать на неоседланной лошади и почти раздетый. На ст. Белореченской было захвачено до 400 вагонов подвижного состава и 4 исправных паровоза под парами. Об этом успешном для нас деле противник опубликовал в своей газете „Кубань“ от 4 сентября (по ст. ст.) в оперативной сводке штаба добровольческой армии следующее: „К утру 1 сентября (ст. ст.) 1918 года:

**Майкопское
направление.**

Бои в районе Белореченской продолжаются. Подробности боя у Белореченской были таковы: ночью с 28-го на 29-е августа (ст. ст.) и в течение всего следующего дня противник вел настойчивые атаки на Белореченскую с юго-запада, пытаясь форсировать реку Белую. С большими для противника потерями все атаки отбивались нашей конницей. К вечеру 29-го августа (ст. ст.), подтянув свежие подкрепления, противник с новой силой возобновил наступление по всему фронту, и на участке между Ханской и Белореченской ему удалось форсировать реку. Обходя затем наш левый фланг по восточному берегу реки Белой, при поддержке редкого по силе огня с западного левого берега, значительно командующего над правым, противник вынудил наши части отойти первоначально к окраине ст. Белореченской, а потом и вовсе очистить станицу.

Подлинную подписал Генерал-Квартирмейстер Штаба Добровольческой армии, Генерального Штаба полковник Сальников.

Верно: Генерального Штаба полковник (подпись).

Из этой оперативной сводки противника видно, что, хотя и умаленные, сведения о его неудачах на Майкопском направлении все же были опубликованы.

Заняв станицу Белореченскую, мне удалось выяснить, что несколько дней тому назад главные силы войск Северного Кавказа занимали станицу Белореченскую, но ген. Покровским были выбиты и отброшены в северо-восточном направлении. Находясь пока, якобы, в районе города Армавира, они намеревались уходить дальше в Терскую область. Дабы, наконец, догнать главные силы Северного Кавказа и соединиться с ними, я решил 13-го сентября двигаться дальше, но тут явилась задержка: 2-я и 3-я колонны, несмотря на то, что они шли по очищенному от противника пути и почти уже не были преследуемы, отстали на два перехода. Зная о том, что обе колонны мало боеспособны, так как в них влиты различные части на ст. Тоннельная, и дабы при уходе

первой колонны дальше противник их не отрезал занятием вновь станции Белореченской, было решено их подождать. Частям своей колонны я приказал выдвинуться на 5—6 км от станции Белореченской на север и занять оборонительную позицию, огибая станицу и упираясь флангами в реку Белую.

Противник, получив подкрепление, перешел в наступление. Имея достаточное количество патронов и снарядов, отбитых у грузинской дивизии, части колонны успешно отражали все попытки противника. Оставшись на один день, я надеялся, что вторая и третья колонны к вечеру подойдут, но их не оказалось. Не было их ни на второй, ни на третий день. Тогда я решил больше не ждать и двигаться дальше, так как противник значительно усилился и грозил нам окружением, притом патроны у нас были на исходе. Белые, между тем, настолько осмелели, что на третий день нашего ожидания, сосредоточив сильную кавалерийскую группу на нашем левом фланге, вечером ворвались, было, в западную часть станицы Белореченской, но все же нам удалось отбить их конницу. Таким образом, оставался единственный исход: больше не ожидать отставшие колонны, а двигаться вперед. Было решено прибегнуть опять к ночному бою, в виду того что противнику успел к этому времени окопаться на окружающих станицу Белореченскую возвышенностях, которые находятся от станицы в 7—8 км. Имея точные сведения о расположении и группировке противника, я созвал командиров частей, посоветовался с ними и тут же после совещания отдал им следующие распоряжения.

С наступлением темноты постепенно прекратить стрельбу и дать противнику успокоиться; после этого совершенно скрытно подвести части сомкнутым строем, без выстрела, к позиции противника, где и залечь. Начальнику артиллерийского дивизиона до наступления темноты точно пристреляться по окопам противника. Атака — в 2 часа ночи. Все передвижения частей закончить к 1 часу 30 минут, а в 1 час 45 минут из всех наведенных орудий выпустить беглым огнем по 10 снарядов, после чего частям колонны ворваться в окопы противника. Главный удар нанести по окопам, расположенным с правой и левой сторон железной дороги, для чего были назначены Славянский и Полтавский полки. Кавалерийскому полку — находиться в резерве и быть готовым к поддержке и преследованию противника.

К вечеру противник пробрался в наш тыл, бросив кавалерийскую группу на ст. Пшехскую, где были расположены наши обозы и беженцы. Но тут произошел курьезный случай: находящиеся среди беженцев раненые, а также и сами беженцы, мужчины и женщины, видя приближение казаков (которых легко было отличить от своих, так как они носили белую ленту на шапках), подняли ужасающий крик; сначала

этот крик носил характер переполоха, а потом превратился в восклицание: „Бей казаков“! и с этим криком многотысячная толпа, предводимая ранеными, кто с чем ринулась навстречу своей смерти, на приближающихся казаков. Казаки сразу, было, ускорили приближение, но когда увидели, что этой толпе нет конца, стали уходить обратно, чем ободрили толпу, и она двинулась дальше. Тогда казаки быстро отступили, покинули наш тыл, оставив в покое ст. Пшехскую. Так ранеными вместе с беженцами был отражен набег казаков.

С наступлением темноты противник прекратил свои попытки и успокоился. Части колонны начали скрытно подходить к исходным пунктам ночной атаки.

В сумерки ко мне в штаб привели отпущенного генералом Покровским пленного красноармейца с его письмом на мое имя. В письме после тысячи проклятий он писал: „Ты, мерзавец, опозорил всех офицеров русской армии и флота тем, что решился вступить в ряды большевиков, воров и босяков; имей в виду, что тебе и твоим босякам пришел конец: ты дальше не уйдешь, потому что окружен моими войсками и войсками генерала Геймана. Мы тебя, мерзавца, взяли в цепкие руки и ни в коем случае не выпустим. Если хочешь пощады, т.-е. за свой поступок отделаться арестантскими ротами, тогда я приказываю тебе исполнить мой приказ следующего содержания: сегодня же сложить все оружие на ст. Белореченской, а банду разоруженную отвести на расстояние 4—5 верст западнее станции; когда это будет выполнено, немедленно сообщи мне на 4-ю жел.-дор. будку!“

Подписано это письмо было самим генералом Покровским. Задумываться мне над ним было нечего. Ответ у меня был готов, оставалось лишь дожидаться двух часов ночи.

В 1 час 10 минут я получил донесения от командиров частей, что их части благополучно подошли вплотную к позиции противника, где и залегли. К этому же времени подошли к ст. Белореченской передовые части второй колонны, с которыми прибыл тов. Матвеев и его начальник штаба тов. Батурин. Я поспешил к ним и в короткой беседе изложил им подробно всю обстановку и свои намерения, прося тов. Матвеева оказать мне помощь в ночной атаке. Тов. Матвеев в этом отказал, мотивируя усталостью войск и тем, что они еще не подошли. Тогда я стал его просить помочь теми частями второй колонны, которые в данный момент вступают в станцию. Тов. Матвеев и в этом отказал. Тогда на помощь пришел его начальник штаба, тов. Батурин, который, уговорил Матвеева вторую колонну не располагать в станице, а располжить на ст. Белореченской в виде резерва моей колонны и помочь своей артиллерией. Такое расположение второй колонны дало мне возможность снять свой резерв и усилить атакующие части и артиллерию.

Ночной бой.

В 1 час 45 минут ночи я приказал батареям открыть огонь. После артиллерийского огня раздалось „ура“, а потом послышалась небольшая ружейная стрельба; постепенно крик стал затихать, начались частые залпы. Противник оказался приглушенным в окопах нашим артиллерийским огнем и сидел в них до тех пор, пока его там не настигли наши перешедшие в атаку пехотные части. После этого он, было, пытался покинуть окопы и уйти, но было уже поздно. Для преследования успевших отступить белых были посланы пехотные и конные части. Преследование продолжалось до ст. Гиагинской. За эту ночь противник понес большие потери; в особенности пострадали его части, находившиеся в окопах; половина их состава осталась в окопах, а отступившие были настолько расстроены, что Покровский вынужден был отойти по направлению к г. Екатеринодару, очистив нам путь для дальнейшего следования.

Занятие ст. Гиагинской и Дондуковской.

Вечером 15 сентября части колонны, отбросив противника в западном направлении, достигли ст. Гиагинской, где и расположились на ночлег, а к глубокой ночи подошли 2-я и 3-я колонны.

Утром 16 сентября я приказал частям колонны выступить по направлению ст. Дондуковской; подходя к самой станции, авангардный полк отбросил части белых из тех, которые преследовали нашу главную группу войск Северного Кавказа.

Белые отошли, колонна, заняв станицу, расположилась на ночлег, а к утру 17 сентября подошли в станицу Дондуковскую и части 2-й и 3-й колонны.

Здесь мне удалось выяснить, что некоторые части войск Северного Кавказа находятся в станицах Михайловской, Курганной и Лабинской. Эти части, согласно приказа главного командующего Сорокина, должны были 17-го сентября покинуть занимаемые ими станицы и уйти дальше в Терскую область. Получив эти сведения, я вызвал из частей охотников, чтобы связаться с этими частями и попросить их задержаться до соединения с нами.

На эту отважную задачу вызвался мой помощник, бывший подпрапорщик тов. Смирнов; он поместил в легковой автомобиль пулемет и 2-х красноармейцев, и в ночь на 17-е сентября проехал на автомобиле через расположение противника до ст. Лабинской, где захватил уже готовые к уходу наши части и сообщил им о нашем приближении. Они были задержаны, но, не веря тов. Смирнову, прислали эскадрон кавалерии в ст. Дондуковскую убедиться в точности его сообщения, так как у них были сведения, мы совершенно уничтожены противником на берегу Черного моря.

Противник в эту же ночь ушел в западном направлении, очистив нам путь. Тов. Смирнов на обратном пути сообщил

о нашем прибытии и частям, расположенным в станицах Михайловской и Курганной, которые также прислали свои эскадроны, чтобы убедиться в сообщенном.

Здесь и произошла встреча таманцев с войсками главными силами Северного Кавказа (см. схему на стр. 52).

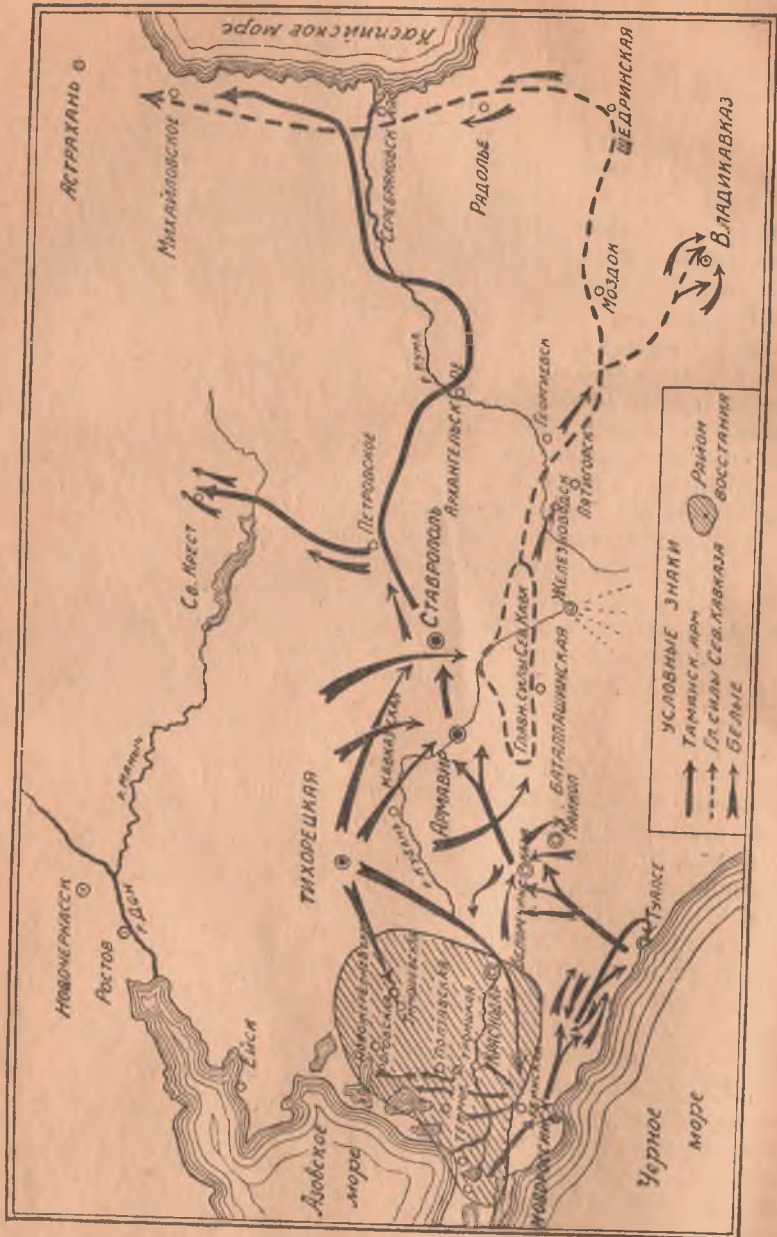
Каждый таманец почувствовал, что он, наконец, вышел из тесного созданного коварным врагом стального кольца, которым он шел около 500 км, голодный, босой и раздетый, преодолев трудно одолимые скалистые горы главного Кавказского хребта, разбив на своем пути крупные полчища белогвардейцев и грузин, и наконец, выйдя на широкий простор, вновь встретился со своими братьями по классу, крови, идее, такими же революционными бойцами. Войска в радости кричали: „Да здравствует Советская власть!“. Это была картина торжества и ликования, каких, наверно, каждый таманец в своей жизни не видал. Все эти радостные переживания глубоко запечатлелись в душе у каждого, о них революционные бойцы будут помнить до своей смерти. Этот великий праздник был 17-го сентября 1918 г.

В этот знаменательный день произошло соединение брошенной на произвол судьбы 40-тысячной массы рабочих и крестьян, которые не отдались на позорное издевательство, избение и насилие врагам трудового народа, перенесли все трудности, потеряв все, что имели у себя дома, достигли своей цели, побрились и влились в общую семью рабочих и крестьян РСФСР.

Утром 17 сентября, когда только что появились части главных сил, собрался грандиозный митинг. Здесь ораторы подробно рассказывали о походе таманцев. Чуть не все присутствующие плакали. Плач этот вызывался и радостью соединения и печалью о наших бойцах-товарищах. Кроме собравшихся войск, на митинге присутствовали и беженцы, которые испытывали такую же радость.

На этом же митинге публично раскаивались все те, кто чинил какие-либо препятствия во время выполнения задуманного плана для спасения жизни их же самих, а таких было очень много (в этом отличались в особенности моряки), но за их чистосердечное признание им все было прощено.

Части главных сил, прибывшие для того, чтобы убедиться в нашем приходе, сообщили мне, что только они остались на занимаемых ими позициях, а все остальные части ушли дальше по направлению ст. Невинномысской; войска, находившиеся в г. Армавире, численностью до 20.000, накануне были выбиты противником и также отошли по направлению той же станицы; город теперь находится в руках белых. Сам главнокомандующий Сорокин находится со своим штабом в станице Невинномысской; я послал туда гонцов с подробным

докладом о своем выходе, но не получил никакого ответа от Сорокина. Мне стало также известно, что Сорокин нас всех считает погибшими; вследствие этого, когда части первой колонны брали у противника станицу Белореченскую, ближайшие части главных сил слышали сильную артиллерийскую стрельбу в этом направлении, но не знали, кто с кем дерется. Когда же об этом сообщили Сорокину, он в это время получил перехваченную радио-телеграмму ген. Покровского, в которой последний сообщал Деникину, что от города Туапсе идет многотысячная масса босяков, или, как он иначе нас называл, „бронированных свиней“, которые на своем пути сметают все, бьют всех: большевиков, меньшевиков и кадетов, и состоят из моряков и русских пленных, возвратившихся из Германии. Эта телеграмма еще больше уверила Сорокина в том, что со стороны города Туапсе своих, сочувствующих Советской власти, ему ожидать нечего (из телеграммы Покровского он видел, что масса бьет и большевиков). Поэтому главнокомандующий Сорокин в своих боевых приказах подчеркивал, что при уходе частей с позиции надо взрывать за собою все мосты, вследствие чего частям моей колонны пришлось исправлять мосты, взорванные нашими же войсками.

Выслушав все эти сведения и имея в виду, что мое сообщение не дошло до главнокомандующего, я, дабы Сорокин не ушел дальше и мне не пришлось бы опять его догонять, решил, не теряя ни минуты, отправиться со своей колонной и взять у противника недавно потерянный войсками главных сил город Армавир.

Рано утром 18 сентября я приказал частям колонны выступить через станицу Курганную по направлению к городу Армавиру. Вторая и третья колонны остались на месте в станице Дондуковской и заняли оборонительную позицию в южном и северо-западном направлениях.

В станице Курганной я встретил свой старый полк, Северо-Кубанский, который потерял уже своего командира, тов. Рогачева (умер, отравленный белыми злодеями), им командовая в это время тов. Костенко. Полк этот был выстроен на церковной площади. После свидания с полком я был приглашен на обед.

Во время обеда, на котором присутствовал почти весь командный состав полка и представители от рот, мне рассказали, как они вместе с главными силами отступали и сколько пережили за этот период невзгод. Все присутствующие просили меня взять их полк с собой, но я им заявил, что смогу это сделать только с разрешения главнокомандующего. К концу обеда стали проходить через станицу Курганную части вверенной мне колонны, направленные мною для взятия города Армавира; но оказалось, что за это время, пока я обедал, полк, по распоряжению командира полка, был вновь

собран. Когда я стал прощаться и уезжать, то командир полка доложил мне, что его полк готов к выступлению и выступает за частями моей колонны. Я его предупредил, что без разрешения главнокомандующего этого делать нельзя, ибо это будет признано преступлением, но командир полка ответил, что это делает не он лично, а этого выступления требует весь состав полка, который бесповоротно решил идти за нами. Узнав, что полк находится в резерве 8-й колонны, я обратился к командующему этой колонной, прося его разрешить этот вопрос, в виду настойчивого желания полка идти со мной, тем более, что это было желательно для выполнения задачи по овладению городом Армавиром. Последний отпустил полк и возбудил ходатайство перед главнокомандующим о том, чтобы этот полк был придан моей колонне.

**Бой под г. Арма-
пиром.**

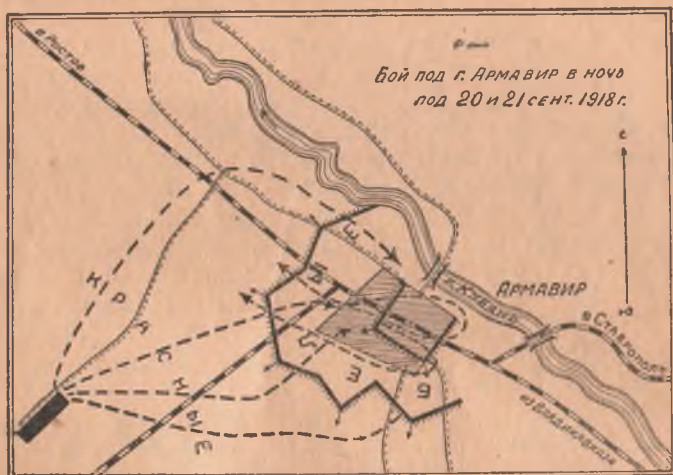
Город Армавир расположен в низине на левом берегу реки Кубани; возле него имеется узел железной дороги, соединяющий туапсинскую ветвь с Владикавказской. Правый берег реки Кубани в этом районе возвышен и обрывист. Бродов через реку нет, и для переправы на правый берег реки имеется только один понтонный мост у самого города. Город своей северной окраиной касается берега реки. Противник, подтянув свои лучшие офицерские части, выбил из города наши войска и занял город, наводя в нем свои порядки, пьянствуя и производя разгромы.

К вечеру 19 сентября части колонны скрытно подошли с южной стороны почти вплотную к Армавиру, но у самого города были обнаружены противником, почему и остановились до подхода хвоста колонны. Когда колонна подтянулась, я, ознакомившись с окружающей местностью, решил взять город ночной атакой, для чего отдал частям колонны следующее распоряжение: „3-му пехотному полку с двумя батареями под прикрытием ночной темноты за ночь подойти вплотную к городу и на рассвете атаковать его! Кавалерийскому полку, на рассвете ворваться в северную окраину города и захватить переправу через реку Кубань! Остальным двум пехотным полкам оставаться в колонном резерве, двигаясь по направлению железнодорожной ветви!“

Противник, как только заметил появление передовых частей колонны, сейчас же занял с южной стороны города оборонительную позицию и за ночь окопался, а в центре города ту часть его, которая прилегает к мосту через реку Кубань, забаррикадировал, на всех остальных улицах устроил баррикады и в них бойницы; для этих работ он привлек сочувствующий ему элемент—буржуазию. На баррикады противник поместил более стойкие резервные части, состоявшие из 3-х офицерских полков; на фронте же у него оказалась одна Корниловская дивизия, состоявшая из 4-х юнкерских

полков, 3-х батальонов пластунов, 2-х марковских кавалерийских полков и одного бронепоезда,—всего приблизительно свыше 10.000 штыков и сабель при 12 орудиях.

За ночь части колонны подошли почти вплотную к занимаемой противником позиции и на рассвете с громким криком „ура“ бросились в атаку. Сбив противника и энергично его преследуя, части колонны заняли туапсинскую железнодорожную станцию и почти половину города, дошли до самых баррикад, а противник, выбитый с его оборонительной позиции, скрылся за баррикады.

Засевши за ними, противник отчаянно защищался и, вместе с тем, некоторые части переправлял через реку Кубань на правый берег.

Баррикады были настолько усовершенствованы, что к ним противник не подпускал ни одного человека, развивая сильный ружейный, пулеметный и бомбометный огонь. Ожесточенный бой за баррикады продолжался целый день до глубокой ночи, и все же взять баррикады не удалось. Тогда я приказал к 3 часам ночи Славянскому и Полтавскому полкам собрать из всех частей колонны ручные бомбы и к 3½ часам приготовиться к атаке баррикад. Артиллерийскому дивизиону подтянуть поближе к баррикадам все пушки и открыть из них сильный беглый огонь сначала зажигательными снарядами, а потом гранатами, переходя в конце концов на шрапнель и картечь. Полкам, назначенным для атаки, после артиллерийской подготовки, подойти вплотную к баррикадам, забросать их ручными бомбами (а таковых нашлось во всех частях до 3.000 штук), после чего во что бы то ни стало взять их и очистить остальную часть города от засев-

шего там противника. Батареи, подтянутые благодаря ночной темноте почти вплотную к баррикадам, открыли ураганный огонь по продольным забаррикадированным улицам, благодаря чему баррикады разрушались и воспламенялись. Вспыхнул пожар. Но, несмотря на пожар, полки Славянский и Полтавский после бомбометания ворвались на баррикады и окончательно уничтожили находящегося за ними противника. Противник в этом ночном бою потерял свои лучшие силы, почти целиком весь свой резерв, который состоял почти исключительно из кадровых офицеров, численностью до полуторы тысяч. Наши потери—около двухсот человек раненых и убитых.

Этим славным боем за баррикады и закончился великий и очень трудный поход Красной Таманской армии. Заняв город Армавир, мне удалось тесно связаться со штабом главнокомандующего Сорокина, которому я по телеграфу сообщил подробно о своем прибытии с частями и от которого я получил распоряжение пока оставаться на месте в г. Армавире и ждать дальнейших его распоряжений.

О том, какую роль сыграла Красная Таманская армия после того, как она соединилась с главными силами войск Северного Кавказа, член краевого комитета Северного Кавказа РКП тов. Баян-Мальцев писал в своем докладе от 25-го ноября 1918 года следующее: „Перелом этой эпохи поражений и самоорганизации дисциплины наступил в конце октября—в начале декабря, когда, наконец, долгий ряд испытаний и поражений закалил массу и показал ей, что так дальше продолжаться не может. Этот перелом в настроении массы совпал с присоединением к остальным войскам Таманской армии, пробившейся с Таманского полуострова через вражеский стан и привившей остальным войскам закаленность и дисциплину, приобретенные ею в бесчисленных боях и трудностях перехода“.

Действия Красной Таманской армии после соединения с главными силами войск Северного Кавказа.

Состояние Красно́й армии. Главнокомандующий Сорокин отдал распоряжение оставаться в г. Армавире, а 2-й и 3-й колоннам таманских войск расположиться в станицах Дондуковской и Курганной, имея задачей оборонять линию Армавир—Михайловская—Дондуковская. Этим расположением он намеревался прикрыть части главных сил Красной армии, которые в то время были в весьма плачевном состоянии. Отступая почти непрерывно от самого Екатеринодара, они потеряли совершенно боеспособность и не были в состоянии выдержать нажима противника. Кроме того, непрерывное отступление давало войскам повод считать, что с Советской властью на Кубани покончено. Это действовало разлагающе: красноармейцы покидали свои части и одиночным порядком направлялись через Терскую область в Святой крест ¹⁾, откуда мечтали попасть в гор. Астрахань. Революционный военный совет Северного Кавказа, под председательством тов. Полуяна в составе членов: т.т. Одарюка, Петренко, Мансурова и Сорокина, учел создавшееся положение и, прикрываясь частями таманских колонн, начал энергичную реорганизацию частей Красной армии.

Некоторые войсковые части были сведены в одну, и из всех красных войск было образовано пять колонн, кавалерийский корпус и особая Ставропольская группа. Общее количество этих войск доходило до 150 тыс. шт. и саб. и около 200 орудий разного типа и калибра.

С прибытием таманских колонн все эти войска ободрились и вновь приняли надлежащий воинский вид. Многие красноармейцы, покинувшие свои части, возвратились в них, явились надежды попасть в Кубанскую область, очистив ее от белых.

Но командование этот перелом в лучшую сторону не смогло использовать. Во-первых, потому, что не было во что

¹⁾ 200 км восточнее г. Ставрополь в дол. р. Кумы.

одеть и чем снабдить все реорганизованные части для того, чтобы послать их на фронт, а во-вторых, потому, что не было средств содержать такую массу войск. Поэтому, приведя войска в порядок, необходимо было, не медля ни минуты, передвинуть их на территорию, где возможно было бы обеспечить их всем необходимым, и тогда с ними можно было бы идти обратно на Кубань. Но переформированные части остались на месте и заняли: первая колонна район станицы Лабинской, седьмая колонна—от Армавира до Невинномысской, восьмая колонна—ст. Михайловка, десятая колонна была предназначена на усиление других колонн; кавалерийский корпус—район ст. Невинномысской и Куршавки. Ширятская колонна повела наступление на Владикавказ для ликвидации Бичерахова, наконец, Ставропольская группа действовала в Благодаринском уезде, Ставропольской губернии. Все вышеупомянутые войска должны были снабжаться боевыми припасами и обмундированием из г. Астрахани—пункта, удаленного на 400 км пути по бесплодному краю. План—оставаться на месте, невзирая на отсутствие боевых припасов и других предметов снабжения, а также и чрезвычайно невыгодные пути снабжения и послужили началом той трагедии, которая разыгралась на Северном Кавказе в начале 1919 года.

Из таманских колонн была образована **Сформирование Таманской армии.** Красная Таманская армия, состоящая из двух пехотных и одной кавалерийской дивизии, общей численностью до 25 тыс. шт. и 4 тыс. саб. при одной артиллерийской бригаде с 30 орудиями. Командующим этой армией приказом РВС Сев. Кавказа был назначен я, начальником штаба—тов. Батури́н, военным комиссаром армии тов. Ивницкий. Командующий второй и третьей колоннами тов. Матвеев был расстрелян по распоряжению РВС.

Приказ об организации Таманской армии и о своем назначении я получил 24 сентября, а 26 сентября части колонн были уже распределены по дивизиям, которые получили названия: 1-я и 2-я пехотные дивизии, 3-я Таманская кавдивизия и Таманская артбригада; начальниками их мною были назначены: первой дивизии тов. Науменко, 2-й—тов. Поляков, кавдивизии—Литуненко и артиллерийской бригады—тов. Лисунов (Приложение 2. Боевой состав Красной Таманской армии).

Штаб армии составили: начальник штаба—тов. Батури́н, его помощник по оперативной части—тов. Аников, по административной части—тов. Сирченко, интендант армии—тов. Коцуро, его помощник—тов. Чурсов, начальник санитарной части и главный хирург армии—тов. Америков, его помощник—тов. Апполонников, председатель армейского революцион-

ного суда—тов. Рой-Бондаренко, начальник связи—тов. Григорий Ковтюх, мои адъютанты: тов. Гладких и Георгий Ковтюх.

Все вышеупомянутые лица потом были утверждены приказом реввоенсовета Северного Кавказа и с 25 сентября уже приступили к исполнению своих обязанностей. Штаб армии был создан по штатам старой армии, так как новые штаты в то время еще не были получены.

Здесь необходимо отметить, что неожиданный расстрел тов. Матвеева чувствительно отразился на таманских войсках, в особенности на 2-й и 3-й колоннах, которыми он командовал. Части были успокоены мною при объезде войск. Переформированная армия была готова к дальнейшим действиям.

Противник, выбитый из Армавира и **Бои за г. Арма-** дальше не преследуемый, получив в подкре-
вир. пление алексеевскую офицерскую дивизию, численностью до 6.000 шт., задумал вернуть город. Почти каждый день он пытался атаковать его, но всякий раз был отражаем с большими потерями.

30 сентября противник, сосредоточив две пехотные дивизии и одну кавалерийскую бригаду, общей численностью свыше 10.000 шт. и сабель, при поддержке большого количества артиллерии и двух бронепоездов, окружил город и ворвался в него с северо-западной стороны, но первая Таманская дивизия, созданная из 1-й Таманской колонны, не раз уже бывавшая в таком положении, решительным ударом выбила противника с западной окраины города и отбросила его, уничтожив около двух пехотных офицерских полков; в плен было взято около 700 чел. офицеров и юнкеров.

Этот ожесточенный бой с неравными силами противника хорошо известен председателю революционного военного совета войск Сев. Кавказа, тов. Яну Полуяну, который в это время находился в распоряжении штаба армии, т.-е. в городе Армавире.

В то же время противник делал попытки наступать на станицы Курганную, Михайловку и Дондуковскую, но все его попытки были отражены. Потерпев несколько неудач на всем фронте Таманской армии, противник, очевидно, потерял надежду преследовать дальше войска Северного Кавказа и оставался пассивным до новой перегруппировки наших войск.

Потребности армии в предметах снабжения **Снабжение.** РВС войск Северного Кавказа удовлетворялись далеко не в достаточном количестве—вместо сотни тысяч патронов, потребных для армии, высылали пять-десять тысяч; из обмундирования и обуви армия за время стоянки в районе Армавира не получила ни одного комплекта, несмотря на то, что почти половина красноармейцев в частях армии были голы и босы; единственным способом снабжения

красноармейцев было снимать обмундирование и обувь с пленных, которых взамен красноармейцы одевали в свои лохмотья, но, несмотря на это, все же много было совершенно раздетых. Части армии, пройдя около 500 км на соединение с главными силами, надеялись, что их оденут, обуют и дадут патроны. На самом деле дали очень мало, и это отрицательно действовало на войска, тем более, что наступала осень.

Реввоенсовет выработал новый общий план действий, и 13 октября 1918 г. были получены **Наступление к Ставрополю.** в штабе армии директивы, которые сводились к следующему: 23 октября Таманской армии, передав оборону города Армавира и остальных участков оборонительной позиции 1 Кубанской пехотной дивизии, срочно погрузиться в эшелоны и по железной дороге ехать до станции Невинномысская, где выгрузиться и, наступая через Темнолесскую—Татарку, взять город Ставрополь. Обозы, артиллерию и кавалерийские части армии двинуть походным порядком. Правее армии должна действовать 10 колонна, а левее 7 колонна, составляющая армавирский фронт. (См. схему на стр. 62).

Цель этих действий, как указывалось в директиве реввоенсовета, сводилась к тому, чтобы с движением на гор. Ставрополь и с занятием его двинуть войска Северного Кавказа на соединение с войсками центра Республики; однако же, распоряжение ограничивалось взятием гор. Ставрополя, после чего было приказано ждать новых распоряжений реввоенсовета.

23 октября Таманская армия рано утром передала занимаемую оборонительную позицию 1 Кубанской дивизии, и к вечеру того же числа почти все части были перевезены на ст. Невинномысскую, а обозы, артиллерия и кавалерийские части подошли ночью. Утром 24 октября части армии, опрокинув противника, стали переправляться через реку по железнодорожному мосту.

Здесь они были распределены на две наступательные группы. В состав левой входила 1 Таманская дивизия из полков: 1, 2, 3, 4 и 8 полка 2 дивизии с двумя кавалерийскими полками при 18 ор.; в состав правой вошли: 5, 6 и 7 полки 2 Таманской дивизии, 1 кавалерийский полк и 12 ор. Общего резерва не было, но частные резервы имела каждая группа. Левая группа, как более сильная, должна была двинуться на Ставрополь через Барсуковскую на Татарку и держать связь с частями армавирского фронта, которые к этому времени должны были быть расположены на реке Лабе, а правая группа, двигаясь на Темнолесскую, а затем на горы Холодную и Острую, должна была держать связь с частями 10 колонны, шедшей правее. Штаб армии был в Невинномысской.

В это же время части 1 Кубанской дивизии не сдержали натиска противника, сдали город Армавир и отошли за реку Лабу. Противник стал теснить их дальше.

Бой под Барсуковской 25 октября. Левая группа подошла к утру 25 октября к ст. Барсуковской, перед которой на высотах укрепился противник, и вступила с ним в бой. Противник держался здесь чрезвычайно упорно и для достижения успеха пришлось израсходовать весь резерв группы. Выбитый с позиции противник засел в самой станице и ожесточенно сопротивлялся, уступая лишь с боем квартал за кварталом. Наступили уже холода, а плохо одетые и обутые, а некоторые даже совсем босые красноармейцы в этом бою лежали в цепях, прижимаясь друг к другу от холода и дрожа всем телом, но ропота и упреков не было слышно. Таково было настроение и дух таманцев.

Отойдя из Барсуковской, противник укрепился на возвышенностях впереди деревни Татарка и по линии Армавир—Ставрополь, где получил сильное подкрепление (почти весь Ставропольский гарнизон).

Бой под г. Ставрополем. Левая группа 26 октября двинулась дальше и дошла до хутора Пашкурина, где и оставалась, давая время правой занять Темнолесскую и выдвинуть свой правый фланг к северу для занятия возвышенностей Холодная и Острая.

Отсутствие патронов и снарядов не позволяло вести упорного и продолжительного боя. Поэтому надо было прибегнуть к прежним методам действий, т.-е. ведению боя ночью. Для этого были вызваны охотники снять ночью неприятельские секреты и сторожевое охранение.

Начальнику артиллерии был дан приказ без пристрелки определить точно расстояние до позиции противника и в ночь под 28 октября, произведя наводку всех орудий, ждать условного сигнала.

Главный удар намечался по шоссе на Татарку. В этом направлении должны были находиться наготове две штурмовые колонны, и туда же были посланы два оркестра музыки для поднятия духа. В 23½ часа 27 октября Холодная и Острая были заняты 2 Таманской дивизий. После этого дан был сигнал начать общее наступление до обозначенных заранее пунктов. Ровно в 24 часа по сигналу наша артиллерия открыла огонь и била по позиции противника ровно полчаса из 18 орудий.

Слышны были выстрелы в направлении Темнолесской возвышенности, Холодной и Острой; это работала артиллерия 2 дивизии. В половине первого показалась из-за возвышенностей луна. Артиллерийский огонь был прекращен, а пехотные наши цепи, подойдя вплотную к расположению противника, с криком „ура“ ворвались в его окопы и уничтожили почти всех находившихся там. В это время под звуки марсельезы две наши штурмовые колонны вломились в главные опорные пункты противника и, заняв их, разделили его на

две части. Взяв первые линии укреплений, части рассыпались у подножья второй возвышенности и густыми цепями полезли на высоты.

Неожиданность нападения создала у противника панику. Расстройству его частей способствовал подготовительный огонь нашей артиллерии, оказавшийся настолько метким, что снаряды ложились прямо в неприятельские окопы.

Начальнику артиллерии был дан приказ без пристрелки определить точно расстояние до позиции противника и в ночь под 28 октября, произведя наводку всех орудий, ждать условного сигнала.

Главный удар намечался по шоссе на Татарку. В этом направлении должны были находиться наготове две штурмовые колонны, и туда же были посланы два оркестра музыки для поднятия духа. В 23 $\frac{1}{2}$ часа 27 окт. Холодная и Острая были заняты 2 Таманской дивизией. После этого дан был сигнал начать общее наступление до обозначенных заранее пунктов. Ровно в 24 часа по сигналу наша артиллерия открыла огонь и била по позиции противника ровно полчаса из 18 орудий.

Слышны были выстрелы в направлении Темнолесской возвышенности, Холодной и Острой,—это работала артиллерия 2-й дивизии. В половине первого показалась из-за возвышенностей луна. Артиллерийский огонь был прекращен, а пехотные наши цепи, подойдя вплотную к расположению противника, с криком „ура“ ворвались в его окопы и уничтожили

почти всех находившихся там. В это время под звуки марсельезы две наши штурмовые колонны вломились в главные опорные пункты противника, и, заняв их, разделили его на две части. Взяв первые линии укреплений, части рассыпались у подножья второй возвышенности и густыми цепями полезли на высоты.

Неожиданность нападения создала у противника панику. Расстройству его частей способствовал подготовительный огонь нашей артиллерии, оказавшийся настолько метким, что снаряды ложились прямо в неприятельские окопы.

После того, как была взята вторая линия возвышенностей, мы стали преследовать противника до самого Ставрополя и к вечеру ближайшие кварталы Ставрополя были заняты частями нашей армии.

Занятие г. Ставрополя. В город были посланы разъезды, которым была дана задача занять железно-дорожную станцию. На утро Таманская армия с музыкой, стройными рядами входила в Ставрополь, приветствуемая трудовым населением города. В городе противником были оставлены многочисленные трофеи, в особенности было много обмундирования и кожи для обуви; боевые припасы были, но немного; продовольствия было в изобилии.

Кроме всего этого, на железной дороге нами были отрезаны и взяты два бронепоезда с пятью дальнобойными орудиями.

Так был занят Таманской армией город Ставрополь, за что ВЦИК наградил армию Красным знаменем.

27 октября я заболел брюшным тифом и был увезен сначала в станицу Невинномысскую, а потом в гор. Пятигорск; временно командование армией я передал своему помощнику тов. Смирнову.

После занятия г. Ставрополя части армии преследовали противника в северном и западном направлениях и подошли было вплотную к станице Кавказская (Хут. Романовский), но, не имея дальнейших распоряжений реввоенсовета, мой заместитель вынужден был остановить продвижение армии и ждать дальнейших указаний.

Смерть главнокомандующего Сорокина.

В это время произошло следующее. Главком Сорокин совершил тяжкое преступление, расстреляв несколько видных членов Цик'а Северо-Кавказской республики, в числе которых оказался председатель Цик'а тов. Рубин и член реввоенсовета тов. Крайний, а сам Сорокин после этой проделки из Пятигорска бежал неизвестно куда. Уцелевшие и успевшие скрыться от расправы Сорокина т. т. направились в ближайшие части фронта и собрали в станице Невинномысской второй фронтовой съезд, постановлением которого Сорокин был объявлен вне закона и подлежал немедленному аресту с доставлением его в станицу Невинномысскую на съезд, где и

должен был состояться над ним суд. Сорокин появился 1 ноября в гор. Ставрополе, где на него некоторые части Таманской армии имели особую злобу за расстрел тов. Матвеева. Здесь Сорокин был арестован и помещен в городскую тюрьму, а на другой день, при опросе, убит из „Нагана“ командиром 3-го Таманского пехотного полка т. Высленком. Этот период безвластия тяжело отразился на всей участи Северного Кавказа. Таманская армия, заняв Ставрополь, около 20 суток стояла на месте, отражая попытки противника вернуть Ставрополь, и ждала дальнейших распоряжений.

Противник, воспользовавшись нашим бездействием, собрал мощный кулак—около 14 г. Ставрополя. кавалерийских полков под командой Шкуро и бросил их со стороны Баталпашинской через Невинномысскую в тыл Таманской армии и этим окончательно отрезал армию от Пятигорска, откуда должны были приходиться дальнейшие распоряжения, а равно и снабжение армии боевыми припасами. Ген. Шкуро с полками быстро подошел с южной и юго-восточной сторон к гор. Ставрополю и стал угрожать самому городу. Благодаря создавшемуся положению, т. Смирнов вынужден был оттянуть части из-под Кавказской (хут. Романовского), укрепить город и все же ждать дальнейших указаний реввоенсовета. Таким образом, Таманская армия опять оказалась окружена тесным кольцом противника.

Противник в район Ставрополя стянул все лучшие свои силы, как, например, корпуса генералов Шкуро, Врангеля и Попова, и задался целью уничтожить Таманскую армию.

Таманская армия, будучи окружена со всех сторон, ведя около десяти суток непрерывные ожесточенные бои, израсходовав все боевые припасы, потеряв лучших бойцов из командного состава и красноармейцев, разорвала тесное кольцо противника и 14 ноября отошла от Ставрополя в северо-восточном направлении, в направлении на с. Благодатное, потеряв почти половину своего состава, и 20 ноября закрепились по линии Петровское—Донская балка—Высоцкая.

Остальные войска Северного Кавказа с уходом Таманской армии из г. Ставрополя также были сбиты противником с занимаемых ими позиций и преследуемые отходили к Пятигорску.

Это и была исходная линия кошмарного похода войск Северного Кавказа через сыпучие астраханские пески к устью реки Волги.

Состояние Таманской армии в конце 1918 г. Таманская армия, отойдя в район Петровского, восстановила связь с реввоенсоветом и вскоре получила небольшое количество боевых припасов, благодаря которым противник был задержан; но этих боевых припасов было очень мало; их досталось не более как по пять или десять патронов на

красноармейца, несмотря на то, что в это время части армии были очень малочисленны. Настала глубокая осень. Пошли дожди, черноземная почва вязла и тянулась за ногами красноармейцев и колесами обозов. Среди войск, находящихся почти беспрерывно на позициях, в окопах, подчас залитых дождевой водой, пошли сильные заболевания: тифом, цынгой и черной оспой, в виду чего еще сильнее стали редеть ряды Таманской армии, а также и всех войск Северного Кавказа. Противник, имея инициативу в своих руках, все больше и больше прижимал Таманскую армию к бесплодным астраханским степям.

Перенося свою тяжкую болезнь, я находился на излечении в г. Пятигорске. Ко мне на квартиру собрался весь реввоенсовет и предложил мне принять должность главнокомандующего всеми вооруженными силами Северного Кавказа (вместо убитого Сорокина). Я от этого назначения отказался, так как еще не выздоровел от тифа и считал себя неподготовленным и слабым принять такой великий пост.

Тогда реввоенсовет приказал мне, не считаясь с болезнью, выехать для спасения положения и принять северный фронт, в состав которого входила Таманская армия.

25 ноября я прибыл на фронт в район Петровского (сх. стр. 62), где увидел печальную картину. От Таманской армии остались жалкие остатки, разутые, раздетые и без патронов; в таком же положении были и остальные части, входящие в состав вверенного мне фронта. Настроение среди войск было подавленное. Осеннее ненастье и выпавший снег добивали войска фронта.

Нужно было спасти положение.

Первым долгом, по предписанию реввоенсовета, я объявил мобилизацию всей незанятой противником части Ставропольской губернии до 40-летнего возраста.

Эта мобилизация была жестокой ошибкою, ибо она повела только ко влитию контр-революционного элемента в пошатнувшиеся войска. Затем я объявил мобилизацию теплых вещей (с каждого двора одну теплую вещь); таким образом, мне удалось одеть почти половину армии.

До некоторой степени положение на фронте было восстановлено, и части фронта (в особенности Таманская армия) перешли в наступление. Но в половине декабря к еще не прошедшему у меня тифу добавилось воспаление легких, и меня вновь увезли с фронта, а в январе месяце 1919 года на подводе через астраханские пески перевезли в гор. Астрахань. После моего отъезда с фронта командование им принял тов. Ригельман (присланный из Астрахани).

С наступлением зимы положение войск Северного Кавказа еще более ухудшилось. Таманская армия редела, эпидемия уносила лучших бойцов и верных сынов революции,

но всякий раненый и больной таманец, выбывая из строя, уходил не дальше, как в обоз своей армии; каждый счи ал большим позором ехать в лазарет; это потом гибельным образом отразилось на таманцах.

Когда началось общее отступление войск Северного Кавказа, Таманская армия (потом переформированная в 3-ю стрелковую дивизию XI армии), совместно с другими частями войск Северного Кавказа, вновь прошла пятьсот верст по голодной степи, заматаемая сыпучими песками и буранами, до города Астрахани, где и поступила в распоряжение Каспийско-Кавказского фронта, но уже не в виде армии, а лишь жалких остатков ее.

Так окончила свое существование Таманская армия.

Заключение. Во время своего тысячеверстного тяжелого похода красная Таманская армия вела почти непрерывные бои с противником, во много раз ее превосходящим. Боевыми припасами она почти не снабжалась и имела лишь то, что захватывала с боя у противника. Красноармейцы были разуты, раздеты, не имели и не получали никакого обмундирования. Они вынесли невероятный голод и долгое время пигаались только желудями да кислицей. На всем долгом и мучительном пути их косили беспощадные болезни, от которых пало лучших бойцов не меньше, чем от кровопролитных боевых схваток. За время продолжительного и трудного пути были многократно проявлены чудеса стойкости, храбрости и революционной сознательности. Таковы — бой за Михайловский перевал или многократные ночные атаки. Ни ропота ни протестов не было слышно.

В истории северо-кавказской Красной армии, да и вообще гражданской войны, Таманская красная армия сыграла выдающуюся роль. Ее заслуги велики. В то же время со скорбью приходится наблюдать, что деятельность Таманской армии частью совершенно неизвестна, а частью освещена совершенно неправильно.

Для подтверждения всего вышеизложенного я привожу некоторые выдержки из белогвардейских газет, которыми белые ярко характеризуют со своей стороны Таманскую армию. В газете „Кубанец“ № 53 от 15 ноября 1918 г., в обзоре военных действий с 29 сентября по 14 ноября, белые пишут следующее: „В Ставрополе и непосредственно примыкавшем к нему районе сосредоточилось 300.000 большевиков, составлявших резко отличавшиеся между собою группы—так называемую Таманскую армию, некогда проходившую через Новороссийск и Туапсе с рядом упорнейших боев в районе Майкопа—Белореченской и проложившую себе дорогу на восток, и Армавирскую группу, оборонявшую некогда Армавир.

Первая группа, в значительной мере укомплектованная матросами, наиболее упорная и хорошо организована; в Та-

танской армии были проведены меры к установлению дисциплины и, надо сказать, не безуспешные; в ней был принят деловой суровый режим.

Армавирская группа—менее стойкая, пополненная насильственно мобилизованными, слабо подчинявшимися дисциплине.

Таманская армия, в случае капитуляции, никаких шансов на пощаду не имела. Наоборот, Армавирская группа, в случае добровольной сдачи, могла рассчитывать на снисхождение. Из этих нескольких строк легко сделать вывод о том, какое значение имела красная Таманская армия среди других наших войск Северного Кавказа.

Она вела беспощадную борьбу с врагами, и они заблаговременно определили ее судьбу в случае сдачи к ним в плен.

В заключение всего сказанного привожу письмо бывшего председателя реввоенсовета Северного Кавказа, в котором он, с своей стороны, Таманскую армию характеризует так: „Таманская красная армия была самой славной, дисциплинированной, организованной и боеспособной частью всей Северо-Кавказской армии, впоследствии—XI Северо-Кавказской.

Таманцы были цементом, крепко спаявшим между собою все честные революционные элементы на Кубани—Тереке и Ставрополии.

Таманцы не знали трусости, с открытым радостным взором шли на смерть в бой с белыми насильниками за дело трудящихся, за дело коммунизма.

Это были воистину честные, благородные сыны и воины революции, коим чужды были не только крупные, но и мелкие проступки, в роде пьянства, матерщины и т. п.

Велико значение в истории гражданской войны на Кавказе немногочисленной, но славной духом Таманской армии.

Долго они сдерживали натиск банд Деникина, давая тем самым большую подмогу всей Красной армии и особенно южному фронту (Царицын и др. районы).

Не одну сотню и тысячу уничтожили таманцы белогвардейской генеральско-офицерской своры.

И не сломить бы врагу великих безыменных таманцев, да одолел их тиф и другие невзгоды. Голые, босые, голодные без патронов и снарядов в рукопашном бою отбивались они в последнем знаменитом бою под Ставрополем.

А дальше Астраханские степи, нечеловеческие страдания, физические и моральные (побитые не врагом, а тифом, безпатроньем, нищетою военного снаряжения).

Астраханские пески устланы могилами героев и мучеников таманцев и северо-кавказцев (рабочих и крестьян Кубани, Терека и Ставрополии).

Но их труды не пропали даром: их право и дело восторжествовало,—трудящиеся массы победили.

Слава и вечная память дорогим жертвам, борцам и мученикам, героям Таманской Красной армии, убитым в боях, умершим от тифа, замученным и расстрелянным озверелой бандой белых и, наконец, погребенным в сугробах астраханских песков.

Благодарное потомство освобожденных рабочих и крестьян не забудет своих освободителей, жизнь отдавших за други своя. С коммунистическим приветом Ян Полуян“.

Попытка возрождения Таманской армии.

(Схема № 3.)

В период тяжелого положения на южном фронте, когда противник подходил к г. Орлу, а Мамонтов, совершая свой рейд, доходил до Козлова, угрожая центру и сердцу Советской страны, я после своего выздоровления возвратился в г. Москву и в РВСР сделал подробный доклад о жизни и боевой деятельности Таманской армии.

В своем докладе я просил РВСР разрешить мне в срочном порядке вновь создать Таманскую армию, имея в виду объединить уцелевшие таманские части путем выпуска звания к таманцам и кубанцам собраться из частей, тылов и госпиталей для нового формирования и похода на Кубань.

РВСР, выслушав мой доклад, согласился с моим предложением и разрешил мне сформировать таманскую дивизию, имея в виду с приближением ее к Кубани развернуть в армию, для чего и был отдан соответствующий приказ.

Согласно приказа РВСР от 9 сентября 1919 г. за № 1431/286 в мое распоряжение для формирования дивизии поступило:

- 1) имущество бывшего Донского кав. корпуса, который в это время расформировывался;
- 2) таманские части (стрелковая бригада из 33 дивизии, кавалерийский полк из бригады Жлобы и кавалерийский полк из 7 кавалерийской дивизии), и
- 3) знамена частей Таманской армии.

Этим же приказом РВСР разрешил мне выпустить звание к таманцам и кубанцам с призывом явиться на сборный пункт для формирования дивизии. Выбор места формирования был поручен мне. Непосредственное наблюдение за формированием было поручено члену Р.В.С.Р., т Смилге.

Срок окончательного формирования дивизии был назначен полтора месяца.

Принимая во внимание, что после нашего отхода с Северного Кавказа большинство таманцев и кубанцев влились в части и госпиталя южного фронта, местом формирования дивизии я выбрал город Вольск Саратовской губ.

Получив все указания от РВСР и необходимое имущество, я выехал из Москвы и 22 сентября прибыл в Вольск, где и приступил к выполнению возложенной на меня задачи.

Первой работой было подыскание достаточного количества помещений для размещения частей, штабов и учреждений, которых в городе не было достаточно. Необходимо было в срочном порядке отпечатать и разослать воззвания. Воззвания были быстро распространены по тылу Южного фронта, которые потом проникли на другие фронты и в центр.

Таманцы и кубанцы, услышав мой и Яна Васильевича Полуяна (бывш. предреввоенсовета войск Сев. Кавказа) призыв для сбора и похода на Кубань, быстро начали со всех концов РСФСР прибывать в город Вольск. Сначала прибывали одиночным порядком, а потом партиями и командами.

У всех прибывающих, как красноармейцев так и командиров, было одно общее желание—скорее закончить формирование и отправиться на фронт для исполнения большой и ответственной задачи: „поход на Кубань и скорее освободить истекающие кровью семьи от кошмарного белого террора“.

Некоторые из прибывших, бывшие в тылу у белых, рассказывали кошмарные картины о жизни оставшихся семей красноармейцев на Кубани. Они приводили ряд фактов публичного повешения белыми карательными отрядами иногородних мужчин, женщин и детей, порки шомполами, насилия и открытого грабежа. Все эти сведения чрезвычайно действовали на каждого таманца и кубанца и превращали его в железного бойца—бойца готового драться до полной победы над всей контр-революцией и в первую очередь над южной.

Кроме того, большое значение имело еще и то, что каждый из таманцев ясно понимал, что при совместной их работе, имея старый закал походов и боев, они смогут скорее достигнуть желаемых результатов в борьбе с белой армией.

Таким образом, имелась полная возможность из такого людского материала сформировать крепкую и боеспособную дивизию, если бы полностью был выполнен приказ РВСР о возврате таманских частей и имущества донского кав. корпуса. Все, кого это касалось, начали доносить в РВСР, что ни одной части с фронта они послать не могут, так как положение на фронтах тяжелое, а командарм запасной арестовал посланных мною за получением имущества донского корпуса приемщиков и имущества не дал. Таким образом, формирование дивизии было грубо нарушено и в срок не выполнено. В установленный срок, при отсутствии предначеченных таманских частей и имущества донского корпуса, удалось собрать около 3.000 человек, из которых и была сформирована таманская дивизия в составе: двух пех. бригад, 1 артдивизиона, 1 кав. дивизиона, штадива, подива и отдела снабжения. Частям дивизии было дано самое необходимое имущество.

К концу ноября месяца положение на южном фронте ухудшилось. Решался вопрос о необходимости взять г. Ца-

рицын, так как он являлся стыком двух армий X и XI, и от занятия его зависело дальнейшее движение этих армий. Задача эта троекратно возлагалась на 28 дивизию, очень сильную по численности и технике, но всякий раз она разрешалась без успеха, и последний раз с большими для нее потерями. Кроме того, еще ряд других причин вызывал необходимость подкрепления фронта свежими частями. В виду этого, таманская дивизия, не окончившая своего формирования, была срочно переброшена на фронт под Царицын в распоряжение командарма XI.

По прибытии в район сел. Владимировка, где всей дивизии было приказано сосредоточиться, я получил приказ командарма XI, из 48 Таманской и 50 стрелковой дивизий образовать 50 Таманскую дивизию, коей после реформирования поручалось взять г. Царицын.

50 стр. дивизия, в конце октября 1919 года действовавшая на правом берегу р. Волги, после упорных боев оказалась прижатой противником к реке и, не имея достаточно переправ в своем тылу, понесла тяжелое поражение, потеряв всю дивизионную артиллерию, пулеметы, обоз и лучших бойцов, которые, защищаясь до последней возможности, погибли в р. Волге.

Уцелевшие части дивизии переправились на левый берег и постепенно отходили на гор. Царев, преследуемые противником.

После такого поражения и потерь дивизия потеряла боеспособность и морально была потрясена, но большая часть людского состава сохранилась. Таманская же дивизия была малочисленна, но надежная, хорошо сколоченная и боеспособная. Из слияния этих двух дивизий получилась одна вполне боеспособная и достаточной численности 50 Таманская дивизия, в составе 3-х стр. бригад и 4-й кав. бригады, 2 дивизионов легкой артиллерии и одной гаубичной батареи. Общая численность доходила до 10.000 штыков и сабель.

Прежде чем приступить ко взятию гор. Царицына, необходимо было очистить от противника левый берег Волги, что частями дивизии было исполнено к половине декабря.

Дальнейшее движение частей задержалось отсутствием переправ на Волге, которая к тому времени еще не покрывалась льдом.

В это время произошла смена командармов (вместо т. Бутягина командование XI армией принял т. Василенко).

Новый командарм задачу дивизии оставил прежней, но 2 пех. бригады приказал временно передать в Черноярковскую группу, действовавшую на правом берегу Волги.

Таким образом, для непосредственного выполнения поставленной задачи дивизии осталось всего лишь 2 бригады (одна пехотная, а другая конная), общей численностью 2.100 шт.,

700 саб. и 6 ор. (4 ор. 3-х *дм* и 2 ор. 6-ти *дм.*), что, конечно, было недостаточно для выполнения задачи, принимая во внимание далеко превосходящий численностью царицынский гарнизон противника. Последний состоял из двух пех. дивизий, численностью до 7-ми тысяч и 16 орудий. Однако, несмотря на это, бригады заняли исходное положение; пехотная—хут. Букатин, а кавалерийская—участок от хут. Букатина до хут. Пьяного. 1 и 2-я бригады были переправлены на правый берег р. Волги и поступили в подчинение командующего группой, заняв позицию у Райгорода. Здесь они получили задачу дальнейших действий совместно с 34 стр. и 7 кавал. дивизиями в направлении станции и колонии Сарепты, всемерно содействуя частям, предназначенным для взятия Царицына.

Частям дивизии было приказано немедленно установить наблюдение за покрытием реки льдом и при первой возможности перейти по льду через реку и атаковать царицынскую позицию противника, а до того использовать время на тщательную подготовку к атаке, а также изучить подробно местность, обратив особое внимание на позицию противника, которую легко было наблюдать невооруженным глазом.

Общая обстановка на фронте X и XI армий к концу декабря мес. 1919 года. Противник силою около 3 пехотных и 3 кавалер. дивизий к 25 дек. был расположен в районах: ст. Котлубань (1 кавказ. кав. дивизия), Карповка (Кабардин. кав. дивизия), Светлый-Яр (1 Кубанская кав. дивизия), Райгород (Астраханская пех. дивизия) и в Царицынском укрепрайоне (1 Кавказ. и Гренадерская пех. дивизии).

Общая численность частей противника была около 17.800 шт., 12.200 саб. и 214 ор.

К этому времени наши части располагались: X армия в составе 6 пех. и 1 кав. дивизий на фронте Усть-Медведицкая—Качалинская—Дубровка.

XI армия в составе 2 пех. и 2 кав. дивизий на фронте: хут. Букатин (что в 3 км. восточнее Царицына), хут. Пьяный, сел. Старицкое, Черный-Яр и отдельный отряд двигался по берегу Каспийского моря на Кизляр.

Общая численность в обеих армиях (примерно) 31.400 шт., 5.430 саб. и 160 ор. В общем, в штыках превосходство было на нашей стороне, а в коннице и артиллерии противник превосходил нас.

Командующий Кавказским фронтом приказал армиям с 25 дек. перейти в наступление, имея целью разбить Кавказскую армию и нанести удар правому флангу Донской армии противника.

X армия должна была наносить главный удар противнику своим правым флангом в направлении Нижне-Чирская, а левым флангом ликвидировать противника в районе Качалинской и,

в случае ослабления его между Доном и Волгой, перейти в общее наступление.

XI армии было приказано всемерно содействовать наступлению X армии, имея задачей—перехватить железную дорогу Царицын—Тихорецкая занятием ст. Тингута.

Командарм XI отдал приказ левобережной группе (2 бригады 50 Таманской див.) взять Царицын, Черноярской группе наступать на колонию Сарепту, а коннице занять ст. Тингута.

30 декабря правофланговые части X армии перешли в наступление и, не встречая сопротивления противника, заняли линию фронта: Калачевско-Куртианский—Калмыково—Майорской—Осиповский и Набатов.

Черноярская группа (XI армии) в результате упорных боев к 30 декабря вышла на линию: Каменный Яр—Вязовка.

Левобережная группа (XI армии) оставалась на месте, ожидая возможного перехода по льду через р. Волгу, ведя усиленную артиллерийскую подготовку.

Противник, испытывая сильный натиск правого фланга X армии и ежедневный обстрел Царицына, намеревался разбить ударную группу X армии, для чего сосредоточил в районе Котлубанской всю 14 кав. дивизию и части 4 Кубанского корпуса.

После выяснения группировки противника командарм X отдал 1 января 1920 года приказ об овладении Царицынским укрепленным районом противника.

2 января дивизии X армии после упорных боев вышли на линию фронта: 32—хут. Самохин, 20—Еруслановский—Голубинская; 39—Котлубань, 38—Грачи и Грачевский и 37—Рынок—Орловка.

Черноярская группа 2 января достигла линии Райгород, но, встретив сильное сопротивление противника, дальше продвинуться не могла. Левобережной группе, т.е. 3 пех. бригаде и кав. бригаде 50 таманской дивизии, представилась возможность начать атаку гор. Царицына.

Атака Царицынской укре- XI армий к 2 января настоятельно требовала пленной позиции и взятие Царицын, будучи в руках противника, раз- гор. Царицына. единял продвижение X и XI армий на юг. Со взятием его обе армии входили в тесную связь между собою.

Правый фланг XI армии должен был выйти из чрезвычайно неудобной лесисто-болотистой местности левого берега Волги. Задачу захвата Царицына могла выполнить X армия, как находившаяся на более доступных подступах к городу.

XI же армии взять Царицын было гораздо труднее потому, что на правом ее фланге, т.е. против Царицына, не

было достаточно сил, и притом он был отделен р. Волгой, через которую не было никаких переправ, и устроить таковые было не из чего, к тому же и местность левого берега Волги затрудняла действия войск. Лесисто-болотистая и очень пересеченная реками, ручьями и озерами, она не имела дорог, удобных для движения, за исключением одной грунтовой—Царев—Безродное—Букатин.

Противник в отношении местности имел следующие выгоды: во-первых, занятый им правый берег р. Волги, довольно возвышенный и обрывистый, доступен в тех местах, где проделаны проходы к самой воде; во-вторых, он имел хорошие дороги, а отсутствие болот и рек давало возможность маневрировать его частям; и, в третьих, противник имел хороший обзор и обстрел, в то время как мы этого не имели.

Противник все время укреплял занятую им позицию частями гарнизона. Главное внимание в смысле укрепления позиции было им обращено на участки севернее и западнее Царицына, где имелось несколько рядов окопов, в то время как на восточном его участке, была лишь одна линия окопов. Наступления с левого берега р. Волги противник меньше всего ожидал, и поэтому восточный участок его позиции был укреплен слабее других.

В общем, однако, занятая противником с восточной стороны города позиция, несмотря на ее слабое укрепление, имела почти все выгоды и возможности для упорной и продолжительной обороны (при нашем наступлении с восточной стороны), единственным ее недостатком было то, что она не имела соответствующей глубины, так как с потерей окопов вся оборона сводилась к уличным боям в городе. Кроме того, недостатком было и то, что ее нельзя было скрыть от местных жителей, через которых нам легко было получить самые точные сведения как об укреплениях, так и о расположении частей противника.

Что касается позиции, занятой частями 50 таманской дивизии, которая являлась исходной линией для предстоящей атаки, то таковая имела ряд неудобств. Главным и трудноодолимым препятствием при переходе в наступление была р. Волга, которую при отсутствии переправ возможно было форсировать лишь после того, как она покроется льдом.

Были и некоторые выгоды у этой позиции: во-первых, кратчайшее расстояние к Царицыну, а во-вторых, противник, прикрытый р. Волгой, на этом участке меньше всего ожидал наше наступление и, в третьих, легко было организовать разведку, благодаря близости города.

Разведка позиции противника производилась путем посылки разведчиков в самый город, из которого разведчики подробно рассматривали как позицию, так и расположение на ней не-

приятельских войск. В течение двух дней были получены точные сведения о позиции и о численности войск, занимающих ее.

Этого удалось достичь, благодаря сочувствию нам местного населения.

Рабочие быв. французского пушечного завода, сочувствуя нашим войскам, начали пробираться в наше расположение, сначала по несколько человек, а потом и целыми партиями, принося с собой ценные сведения о противнике. На обратном пути рабочие брали с собой наших разведчиков, сначала на французский завод, где их переодевали, снабжали всем необходимым и провожали в город. Этот способ разведки только и был возможен в той обстановке и дал блестящие результаты, что в значительной степени облегчило самую атаку. Других способов разведки применить не удалось (воздушная не производилась, не было разведывательных аппаратов, организовать конную не позволяла местность).

**Артиллерий-
ская подго-
товка.** При тех скудных средствах, которые имелись к тому времени в частях Красной армии, особых результатов в отношении артиллерийской подготовки достигнуть было невозможно.

С момента занятия хут. Букатина артиллерия группы была подвезена к этому хутору, где заняла соответствующую позицию и вела обстрел участка позиции противника, предназначенного для атаки. Кроме обстрела окопов, очень часто наша артиллерия вступала в состязания с артиллерией противника; сначала было успешно, но к моменту атаки противник, имея на своей стороне превосходство в артиллерии, заставил нашу артиллерию отказаться от состязания.

Поэтому окончательной подготовки артиллерийским огнем участка атаки достигнуть не удалось, благодаря чему большинство окопов осталось не разрушенными, и их потом пришлось нашей пехоте атаковать.

**Инженерная
подготовка.** Инженерная подготовка была очень слабой, в виду отсутствия специальных инженерных частей и имущества. Средствами полков из подручного материала были произведены следующие работы:

1) имея в виду возможность начать атаку в то время, когда р. Волга покроется льдом еще не вполне, а только в некоторых местах, для образования переходов в местах еще неокрепшего льда были устроены перекладки в виде небольших мостов, эти перекладки были устроены из разобранных на хут. Букатин заборов.

2) Для переправы артиллерии были устроены из бревен длинные полозья (в виде лыж), чтобы при переправе тяжесть давления орудия распределить на большую площадь еще неокрепшего льда. Это был единственный способ переправить артиллерию, чтобы не оторвать ее от своей пехоты.

3) Разведка выяснила, что противник в наиболее доступных местах заложил фугасы; для изоляции таковых собранным из полков специалистам, знающим подрывное дело, была дана задача — взорвать фугасы до начала нашей атаки.

Что касается моральной подготовки войск, то в этом отношении была проделана большая работа над теми красноармейцами, которые поступили в качестве пополнения из частей 50 стр. дивизии, у которых еще не сгладились те потрясения, которые они испытывали при переходе р. Волги без переправ. Некоторые из них были оставлены в обозе до успеха атаки. Главная надежда в атаке была возложена на старых таманцев, не раз многое испытавших и закаленных в ночных боях во время пятисотверстного похода в тылу у белых.

Очень большую помощь в смысле моральной подготовки частей оказали рабочие французского завода, с которыми почти каждый красноармеец имел возможность лично беседовать о том, что противник из Царицына собирается уходить и что при первом нашем наступлении он покинет город. Эти сведения, передаваемые в личной беседе, ободряюще действовали на красноармейцев, которые желали скорее перейти в наступление.

Таким образом, к моменту атаки моральное состояние частей было крепкое, и та опасность, которая могла быть при неудачной атаке среди красноармейцев, совершенно исчезла.

Общая задача атаковать противника была возложена на 3 Таманскую пех. бригаду, состоявшую из 3 полков (448, 449 и 450 полки).

Бригада для атаки была разделена на следующие части:

1) главная атакующая колонна, 450 полк, должна была атаковать противника со стороны хут. Букатина, на участке от северной окраины города до бол. собора;

2) вспомогательная колонна, 449 полк, как ранее переправившийся через р. Волгу в районе дер. Рынок (что в 20 км. сев. Царицына) и находящийся к моменту атаки в 8—10 км. сев. Царицына, должна была атаковать противника с севера в стык северного и восточного участков позиции противника;

3) 448 полк был назначен для развития атаки, составляя резерв атакующих частей. Ему была поставлена задача поддерживать атаку на случай замедления штурмующих колонн, после чего, не входя в город, по правому берегу быстро выйти на южную окраину города и перехватить пути отхода противника на юг.

Кав. бригаде была дана задача обеспечить левый фланг и тыл и при первой возможности перейти через Волгу у колонии Сарепты.

Артиллерии, в виду ее малого количества, были поставлены задачи, какие она могла выполнить, т.-е. борьба с артилле-

рией противника, разрушение окопов, уничтожение живых целей, борьба с воздухофлотом и т. д. В момент самой атаки артиллерия должна была открыты ураганный огонь по центру города и тем улицам, по которым возможно было ожидать движение частей на поддержку.

Атака была рассчитана на внезапность, и поэтому начало ее было назначено ночью, после того, как Волга покроется льдом. Здесь возникал вопрос, не лучше ли было бы в главную атакующую колонну назначить 449 полк, как ранее переправившийся на правый берег Волги. Эти выгоды были учтены, но так как движение этого полка с первого же момента обнаруживалось, то этим терялась всякая возможность внезапности атаки. на чем был построен весь ее успех.

К утру 1 января ударил сильный мороз, плавающие по реке льдины начали цепляться одна за другую, накапливаясь в более узких местах реки. К полудню движение льда по реке прекратилось, а к вечеру начался сильный треск льда. Это сильный мороз скреплял поверхность реки и готовил переход для нашей неожиданной противником атаки.

2 января мороз еще более усилился, и можно было надеяться, что вечером одиночным разведчикам удастся перебраться на правый берег реки. С наступлением темноты была произведена тщательная разведка реки, и были найдены переходы в более узких местах реки в направлении острова, что северо-восточнее города.

Окончательное решение. После разведки и отыскания путей было окончательно принято решение атаковать противника. Приказ о переходе в атаку был отдан в 18 часов 2 января. Самая атака была назначена по сигналу ровно в 23 часа 2 января, а до этого часа части должны были произвести соответствующую перегруппировку. В последнем приказе частям были поставлены следующие задачи:

1) главной колонне (450 полк), проложив несколько переходов (из приготовленных перекладин), перейти к обрыву правого берега реки путем накопления сначала на острове, а потом у подножья обрыва, откуда броситься на берег и атаковать позицию противника на ранее указанном участке, после чего ворваться в город и разбить части противника, не выпуская его из города;

2) вспомогательной колонне (449 полк) совершенно скрытно приблизиться к французскому заводу, а в 23 часа одновременно с главной колонной атаковать противника в ранее указанном направлении, затем ворваться в город и быстрым движением по городу выйти на его южную окраину, уничтожая по пути части противника;

3) резерву (448 полк) сосредоточиться на острове и быть готовым для поддержки главной колонны, а при удачной ее

атаке немедленно перейти на правый берег и выйти на южную окраину города, где отрезать пути отхода противника на юг;

4) кав. бригаде одновременно с атакой пехоты переправиться на правый берег и отрезать пути отхода противника на юг, заняв станцию и колонию Сарепта, и восстановить связь с Черноярской группой.

Противник, повидимому, совершенно не ожидал нашей атаки, так как его позиция попрежнему занималась небольшими частями, а большая часть его сил, в виду сильного мороза, была расположена в ближайших домах города, и поэтому он не заметил наше движение по реке и был застигнут врасплох.

Атака. До назначенного часа общего наступления части сделали необходимые передвижения и заняли исходное положение.

Ровно в 23 часа был произведен оружейный выстрел (это был условный знак для общей атаки), после которого колонны с громким криком „ура“ бросились в атаку (см. схему стр. 79), ворвались в окопы, уничтожив слабые части противника (так как из домов в окопы попасть на поддержку не успели), и двинулись к городу.

В это время наша артиллерия открыла по центру города беглый огонь; на крики „ура“ и артиллерийский огонь, части противника быстро начали выбегать из домов, и завязался ожесточенный уличный бой, переходящий в рукопашные схватки, чем наше дальнейшее продвижение начало замедляться. Вдруг в разных местах города с потрясающей силой раздались сильные взрывы.

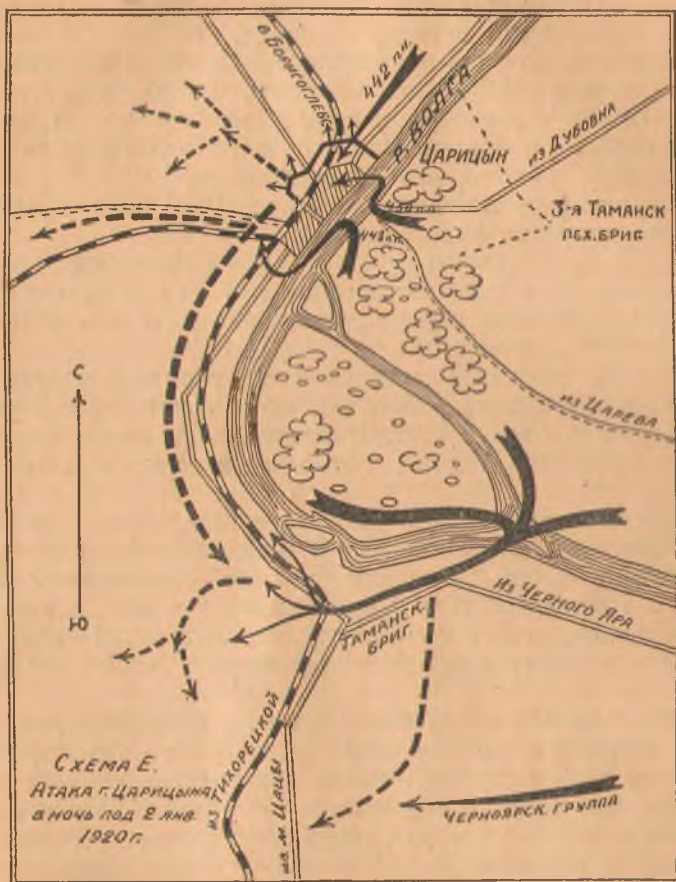
Это были взорваны противником железнодорожные водокачки, станция и заводы, о чем наши части были своевременно поставлены в известность перебежчиками, и поэтому на них взрывы особенно не отразились. Части же противника после взрыва начали отходить в глубь города, где, подвергаясь обстрелу нашей артиллерии, начали разбегаться, что дало возможность нашим частям преследовать отходящего противника.

В дальнейшем противник упорного сопротивления не оказал и поспешно в беспорядке начал разбегаться по улицам и дворам и далее за город.

К 24 часам обе колонны соединились и, очищая город, двинулись к южной окраине. Но к этому времени 448 полк, уже вышел на южную окраину и преградил путь отхода противнику на юг. К 1 ч. 3 января город был очищен от противника, а к 6 ч. пех. полки заняли ст. Елшанку, что южнее Царицына.

Кав. бригада одновременно с общей атакой перешла в районе Сарепты на правый берег и перехватила железную дорогу Царицын—Тихорецкая, благодаря чему были захва-

чены шедшие из Царицына 60 эшелонов с войсками и имуществом.

Заключение. В заключение, необходимо отметить отрицательные моменты этой операции: назначение непосильной задачи, не считаясь с силами войск и местностью, на которой они будут действовать; полную необеспеченность операции и слабую артиллерийскую и инженерную подготовку. С положительной стороны обращают на себя внимание хорошая организация разведки, использование частей с подорванным духом за счет частей с хорошим настроением, использование настроения местного населения для достижения успеха и отличное боевое сотрудничество пехоты, артиллерии и конницы.

В общем же эта операция, представляя блестящий пример ночной атаки почти неприступной позиции, дала колоссаль-

нейшие результаты, помимо большого количества пленных и трофеев. Наши армии, X и XI, после взятия таманскими частями г. Царицына получили тесную связь и почти без особых препятствий двинулись вперед.

Противник, потеряв Царицын, почти безостановочно отступал за реку Маныч на протяжении 250 км в глубину своего фронта, пре ледусмый нашими частями. При этом продолжительном отступлении его части окончательно деморализовались и потеряли боеспособность.

Московский пролетариат за взятие Царицына преподнес Таманской дивизии красное знамя.

Преследование Около 9 ч. 3 янв. с северной стороны противника от в г. Царицын вошла 37 див. X армии. после г. Царицына до чего была установлена связь между X и XI р. Маныч. армиями.

Части 50 Таманской дивизии после короткой передышки, преследуя противника, двинулись по направлению к Сарепте.

Противник, отойдя к ст. Бекетовка, занял возвышенности, что западнее этой станции, и пытался задержать наше движение.

Коротким ударом части дивизии сбили противника с занятой позиции и отбросили его в западном направлении.

К вечеру 4 янв. эти части дивизии соединились в Сарепте с остальными (1 и 2 бригадами) частями дивизии.

Противник, потеряв Сарепту, окончательно оторвался от Волги и постепенно по всему фронту начал отступать на юг.

В кол. Сарепта по прямому проводу от командарма XI получил следующее распоряжение: „В виду того, что противник разбит на всем фронте XI армии и поспешно отступает, приказываю вам собрать всю конницу XI армии, составить сводный кав. корпус, с которым немедленно начать преследование отступающего противника, дабы не дать ему возможности остановиться и вновь укрепиться. Командование дивизией передать временно своему заместителю“. Приказ командарма мною был выполнен. В дер. Цацы был собран кавалерийский корпус в составе Таманской кав. бригады и 7 кав. дивизии со всеми ее тыловыми частями. 6 янв. корпус приступил к выполнению возложенной на него задачи.

Необходимо отметить, что 7 кав. дивизия состояла из кубанцев, таманцев и ставропольцев, которые так же, как и таманцы, рвались к себе на родину для освобождения своих семей и уничтожения врагов Советской власти. Полученными от разведки сведениями было установлено, что на фронте корпуса действуют 1 астраханская гренадерская дивизия и кубанская кав. дивизия, под общим командованием ген. Бабиева. Этим дивизиям была поставлена задача во что бы то ни стало задержать наше продвижение до подхода подкреплений.

В виду того, что от дер. Цацы в общем направлении по линии жел. дороги Царицын—Тихорецкая на юг шло два пути, части корпуса пришлось разделить на две колонны, поставив каждой из колонн отдельные задачи для осуществления общей задачи корпуса.

11/1 правая колонна к вечеру подошла вплотную к дер. Аксай и пыталась овладеть этой деревней, но, встретив противника на заблаговременно приготовленной позиции, расположенной у самой деревни, получила сильный отпор и вынуждена была отойти на 5—7 км. в северном направлении.

В ночь под 12/1 была подтянута левая колонна с задачей сделать глубокий обход правого фланга противника, расположенного у дер. Аксай, и нанести ему удар во фланг и тыл. Части правой колонны, со своей стороны, за ночь сделали соответствующие передвижения и утром 12/1 перешли в наступление.

Противник, примерно, до полудня упорно держался, и успех колебался то на ту, то на другую стороны. Был с той и другой стороны целый ряд конных небольших атак, но эти атаки к решительным результатам ни ту, ни другую сторону не привели.

К полудню левая колонна совершила свое обходное движение и появилась с южной стороны, т.-е. в тылу противника. В это время тов. Савельев, боевой и лихой командир Таманской бригады, со своей колонной перешел в решительное наступление. Противник, дабы не быть окончательно окруженным, вынужден был покинуть свою позицию и уходить в западном направлении, но группа его, настигнутая частями левой колонны, была частью взята в плен, частью изрублена.

После этой неудачной остановки противник, потеряв около $\frac{1}{3}$ своего состава, очевидно, решил больше нигде не задерживаться и, оставляя еще большее количество своего имущества по пути, ушел за р. Маныч.

Части корпуса, несмотря на их усталость, разбросанность, оторванность вследствие быстрого движения от своих тылов, двигались днем и ночью с короткими остановками для отдыха, разбивая в беспорядке отходящие части противника, забирая пленных и обозы (последние за войсками не успевали двигаться, в виду большой грязи, образовавшейся от дождей). Таким образом, к концу января корпус, преследуя противника, достиг р. Маныч. В результате этого движения оказалось, что, несмотря на полное отсутствие снабжения артиллерийского и продовольственного, несмотря на оттепель и скверные дороги, совершенно не пригодные для движения частей, и особенно пехоты и обозов, конный корпус в течение 20 дней с боями прошел около 270 км. (от дер. Цацы до р. Маныч) и на своем пути почти окончательно уничтожил две неприятельские дивизии.

Достигнув р. Маныч и с подходом пехотных дивизий, части XI армии, согласно новой директивы комфронта, должны были сделать соответствующую перегруппировку, так как армия в дальнейшем должна была быть направлена на Ставрополь и Тихорецкую. Вследствие этого, кавалерийский корпус был расформирован, а его части получили самостоятельные задачи. Мне было приказано вернуться к исполнению своих прямых обязанностей начальника 50 Таманской дивизии, находившейся в то время на р. Сал. Дивизия, в виду новой группировки, вошла в подчинение командарма X и двигалась без сопротивления противника в направлении ст. Великокняжеской, но уже не в полном своем составе, а лишь 2 пех. бригад. (Кавалерийская и одна пех. бригада, находившаяся в армейском резерве, остались в XI армии и потом были переименованы в отдельные.) Разделение дивизии на две части болезненно отразилось на дивизии в целом и, кроме того, покончило с вопросом и разрушило решение РВСР о развертывании Таманской дивизии в Таманскую армию. Хотя потом некоторые ответственные работники пытались доказать, что этого требовала боевая обстановка, но, по моему мнению, вполне возможно было обойтись без такого разделения дивизии и осуществить решение РВСР.

В начале февраля дивизия сосредоточилась в Великокняжеской, где ей была дана дневка. Малочисленный 2 Кубанский корпус, под командой ген. Крыжановского, заняв все переправы на р. Маныч, решил, видимо, дальше не уходить. В день дневки от командарма X был получен приказ, которым дивизиям предписывалось перейти в наступление: 28—правее жел. дороги Царицын—Тихорецкая, 50 вдоль полотна дороги, 20 и 32 левее его. Общая задача, поставленная дивизиям, была: сбить противника на своих участках, после чего преследовать его, имея в виду в дальнейшем занятие Тихорецкого узла. Приказ этот, в виду плохой связи, был получен дивизиями разновременно, почему и наступление было начато ими не одновременно.

Первой начала наступать 20 дивизия, которая, дойдя до дер. Екатериновка и встретив сильное сопротивление противника, перешедшего в контр-наступление, несколько отошла; второй выступила 50 Таманская дивизия и затем выступили 28 и 32 дивизии.

Так как ко дню общего наступления X армии выпал глубокий снег, а в самый день наступления был сильный мороз и снежная метель, то связь между частями и в особенности между дивизиями трудно было поддерживать. Вследствие этого 28 дивизия, увлекая за собой одну бригаду Таманской дивизии, поддерживавшую с ней связь, ушла далеко вправо и потеряла со мной совершенно связь, а я с одной бригадой, совершая движение по глубокому снегу, к вечеру 12/II по-

дошел вплотную к ст. Шаблиевка, потеряв совершенно связь со своей правой бригадой и с левым соседом—20 дивизией.

Противник, занимая Шаблиевку частями 2 Куб. корпуса, к моему подходу к таковой уже успел оттеснить 20 дивизию и намеревался, повидимому, то же сделать и с моей бригадой, но этому помешала ночь. Он успел только до наступления темноты оказать бригаде упорное сопротивление, вынудив ее остановиться и зарыться в снег.

При отсутствии связи справа и слева, имея одну немногочисленную бригаду, ночью, да еще в ненастную погоду,

положение было чрезвычайно трудное. Пришлось принять ряд соответствующих мер к восстановлению утерянной связи, для чего были посланы конные посыльные. Оторвавшейся бригаде было приказано за ночь к рассвету подтянуться к Шаблиевке путем ее обхода с запада, двигаясь в направлении к ст. Торговая и тем самым облегчить 2 бригаде на рассвете атаку Шаблиевки. Связь еще не была налажена, как вдруг около 19 часов в тылу бригады, со стороны Великоконьяжеской совершенно, неожиданно появилась чрезвычайно многочисленная и очень быстро движущаяся колонна каких-то войск. Предполагая, что это противник, я собрал части бригады и приготовился для отражения этой колонны, но прискакавшие конные разведчики донесли, что это движется армия т. Буденного, совершающая свой рейд из Ростова к Тикорской.

Конная армия, подойдя вплотную к расположению Таманской бригады и совершенно не останавливаясь даже для ознакомления с обстановкой, перешла в наступление на стан-

цию и станицу Шаблиевку. Обстрелянные ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем из 4 бронепоездов, расположенных у станции, части конной армии отошли. Предпринятая через некоторое время новая попытка занять Шаблиевку оказалась такой же безуспешной, и, наконец, в третий раз на рассвете совместно с Таманской пех. бригадой Шаблиевка была взята.

Противник свои бронепоезда и части отвел в район ст. Торговая, где и закрепился.

После занятия ст. Шаблиевка командарм X приказал 50 Таманской и 20 стр. дивизиям, совместно с конной армией, занять ст. Торговая.

Во исполнение последней задачи необходимо было безостановочно продолжать движение на ст. Торговую, но, в виду необходимости кормежки лошадей и предоставления некоторого отдыха людям и лошадям, командарм конной армии расположиться в Шаблиевке на отдых. Так как части конной армии заняли все теплые помещения в дер. Шаблиевка, то, в виду невозможности расположить части моей бригады на отдых, а также в силу приказа командарма X, я решил с таманцами наступать на Торговую, находившуюся всего в 8 км. 20 стр. дивизия также перешла в наступление, двигаясь левее жел. дороги на Торговую.

28 стр. дивизия в то время, как наши части ночью пытались занять Шаблиевку, дошла до Зимовников, в 15—20 км. западнее Шаблиевки и остановилась на ночлег.

Противник, учитывая переброску нашей конной армии с ростовского направления на Тихорецкую, со своей стороны, перебросил конный корпус, ген. Попова. Корпус, совершая свое движение, совершенно неожиданно для 28 дивизии вышел ей в тыл, ночью атаковал и взял большую часть дивизии с начдивом т. Азиным в плен.

Такая же участь предстояла и Таманской бригаде, оторвавшейся от 2 бригады, но за несколько часов до пленения частей 28 дивизии комбриг Таманской тов. Шмелев, получив приказание соединиться со мной, успел уйти от грядущей катастрофы и, подойдя, с бригадой к Торговой, принял участие во взятии станции и дер. Торговой.

Противник, потеряв Шаблиевку, отошел в Торговую, занял позицию и, очевидно, ожидал прибытия корпуса Попова, но Попов, повидимому, увлекшись 28-й дивизией, к бою у Торговой опоздал.

Наши части, несмотря на их усталость, успешно продолжали движение и, подойдя к Торговой, завязали бой с противником. К моменту подхода 2 Таманской бригады к ст. Торговая, правее ее, с западной стороны Торговой, появилась 3 Таманская бригада, вышедшая в тыл противнику. Коротким ударом Таманской бригады с поддержкой 20 стр. дивизии

к вечеру были заняты станция и станица Торговая, и взят в плен в полном составе 3 гренадерский полк Астраханской дивизии противника. С наступлением темноты в Торговую прибыли и расположились Конная армия и 34 дивизия.

Противник отошел в Песчанокопскую. Между тем, корпус Попова, ничего, видимо, об этом не зная, подошел к Торговой, совершенно незамеченный, и решил ее атаковать. В виду сильного мороза, наши части плохо несли сторожевую службу, что дало возможность конным частям противника ворваться в центр станицы.

Но так как противник ввел в станицу лишь небольшие части, оставив главную массу своих сил на северной ее окраине, то наши части, собранные по тревоге, вскоре уничтожили ворвавшуюся в станицу конницу противника и заняли со всех сторон окраины Торговой.

Противник, произведя еще несколько упорных, но безуспешных атак, перед рассветом ушел в направлении Средне-Егорлыкской, оставив на поле боя около 1.000 человек убитыми, ранеными и замерзшими.

После этого не особенно удачного боя части, расположенные в Торговой, командармом X были сведены в группу под командой командарма Конной, которой была поставлена задача двигаться вперед в направлении железной дороги с целью занятия ст. Тихорецкая. После совещания с командирами и комиссарами частей командующий группой отдал приказ для наступления. Правая колонна, Конная армия,—на Средне-Егорлыкскую; средняя колонна, 50 Таманская дивизия, на Богородицкое; левая колонна, 20 и 34 дивизии,—на Песчанокопскую. Части группы, не встречая сопротивления противника, в два перехода достигли намеченных пунктов.

Корпус ген. Крыжановского, покинув Песчанокопскую, отошел в Бело-Глинскую (Белая-Глина), а конный корпус Попова, оставив Средне-Егорлыкскую, отошел в западном направлении.

Командующий группой решил 50, 20 и 34 пехотные дивизии двинуть на Бело-Глинскую, а конную армию послать в обход этой деревни справа для выхода в тыл противнику. Эта операция удалась как нельзя лучше. Пехотные дивизии, подойдя со стороны Песчанокопской к станице, завязали бой с противником, а конная армия, выйдя в тыл противнику, отрезала ему отход на юг.

Противник, упорно обороняя ст. Белая Глина, задерживал продвижение наших пехотных дивизий, но с появлением конной армии в его тылу он пытался было уйти, но уже было поздно. Станица была окружена со всех сторон, и корпус Крыжановского целиком с комкором и его штабом был взят в плен.

Командир корпуса со своим штабом пытался было проехать сначала на бронепоезде, но затем, уйдя в поле, и будучи окружен нашей конницей, покончил самоубийством, а его штаб был взят в плен.

С уничтожением корпуса Крыжановского дальнейший путь на Тихорецкую был совершенно открыт.

Командующий группой созвал командиров и комиссаров частей для решения вопроса идти ли дальше вперед на Тихорецкую или на Средний-Егорлык.

Станция Тихорецкая для нас имела чрезвычайно важное значение, во-первых, как важный железно-дорожный узел, во-вторых, как база снабжения, где противник имел большие запасы огнеприпасов и продовольствия, почти никем не охраняемые. В этих предметах наши части имели острую нужду, так как обоз отстал и мог подвезти не ранее как через 10 суток, а до Тихорецкой оставалось всего два перехода. Наконец, самое важное было то, что мы без сопротивления противника могли занять ст. Тихорецкую, с занятием которой противник терял всю свою железно-дорожную сеть.

На совещании было сообщено донесение командира бригады, оставленной в Средне-Егорлыкской для прикрытия фланга, который сообщил, что противник силою около 4 конных корпусов атаковал его бригаду, занял Средне-Егорлыкскую, и что бригада отходит на Богородицкое. Эти сведения оказали влияние на выработку решения о дальнейших действиях, хотя приказ командарма X определенно говорил, что группа должна двигаться на Тихорецкую. После долгих рассуждений выяснилось два решения: предложенное мною и поддержанное членом РВС конной армии т. Ворошиловым и начдивом 20,—о движении всей группы на Тихорецкую, и предложенное тов. Буденным и рядом других товарищей другое решение: на Тихорецкую не идти и, руководствуясь сообщением командира бригады, всей группой двинуться на Средне-Егорлыкскую.

На своем решении т. Буденный настоял, и части группы двинулись на Средне-Егорлыкскую.

С занятием частями группы Средне-Егорлыкской и после нескольких боев конной армии и 20 стр. дивизии выяснилось, что противник в районе Средне-Егорлыкской имел не 4 конных корпуса, а два Донских корпуса с примкнувшими к ним восставшими казаками.

В начале марта месяца началась сильная оттепель, дороги испортились до такой степени, что движение войск и в особенности артиллерии стало почти невозможно.

Противник, отвлекая наше внимание от Тихорецкой, все время после неудачных для него боев отходил в Ростовском направлении. Выигранное им время около двух недель он использовал для новых группировок своих частей и взорвал все огнеприпасы, находившиеся на ст. Тихорецкой.

В последних числах февраля был получен приказ командарма Х, в котором он вторично приказывал частям группы не позднее 1 марта взять ст. Тихорецкую, но группа, ведя бой с противником, оставалась в районе ст. Егорлыкской.

5 марта был получен приказ командарма Х о расформировании группы и в третий и последний раз было приказано частям 20, 34 и 50 дивизий с поддержкой конной армии не позднее 8 марта занять ст. Тихорецкую.

Во исполнение последнего приказа части 50 Таманской дивизии вышли из Средне-Егорлыкской и к 14 часам 7 марта сосредоточились в ст. Колниболотской, и начали готовиться к наступлению на ст. Тихорецкую. Согласно приказа командарма Х непосредственно ст. Тихорецкую должны были брать 50 и 20 дивизии; конная армия, оказывая поддержку, должна была обойти ст. Тихорецкую справа, а 34 дивизия слева. Поэтому я, сосредоточив части дивизии в Колниболотской, до вечера 7 марта поджидал подхода 20 дивизии и соседних справа и слева, но к вечеру никто из них не подошел. Необходимо было или в третий раз не исполнить приказ командарма Х или наступать на ст. Тихорецкую без поддержки 20 дивизии и обоих соседей. Было принято последнее решение, т.-е. идти вперед и во что бы то ни стало взять ст. Тихорецкую.

Бой под ст. Станицу Тихорецкую занимал кавалерийский Тихорецкой, корпус ген. Попова численностью около в ночь на 8/III. 7.000 сабель.

Имея всего около 4.000 штыков и сабель и сильную артиллерию (32 пушки) и учитывая непригодность дорог, необходимо было операцию построить так, чтобы она для противника была неожиданной, и поэтому атака противника в Тихорецкой была назначена на рассвете 8 марта.

а) Разведка. Для точного выяснения сил и места расположения противника с момента прибытия частей дивизии в ст. Колниболотскую была выслана в направлении Тихорецкой конная разведка, которая к вечеру 7 марта донесла, что противник в составе конного корпуса занимает станицу и станцию Тихорецкую и что сторожевые его части расположены в 2—3 км. севернее станицы. Опросом пленных было установлено, что противник намерен Тихорецкую удерживать и с подходом подкрепления со стороны Ростова имеет в виду перейти в наступление. Со стороны Екатеринодара подошли три бронепоезда. Один из них был вооружен тяжелой артиллерией. Пленные кубанские казаки в большинстве случаев заявили, что они решили покинуть фронт и больше не воевать.

Перебежчики сообщали, что части противника, в виду длительного отступления и ряда неудачных боев, начали разлагаться, но офицеры на месте расстреливают уклоняющихся от боя.

б) Подготовка. При наличии совершенно непригодных для движения артиллерии дорог необходимо было усилить упряжку за счет местных средств, для чего был использован рабочий скот по 10—12 пар на каждую пушку.

Части дивизии, в виду большой грязи, были облегчены; оставив при себе только огнеприпасы, все свои вещи красноармейцы сложили на обывательские подводы.

в) Движение. Выступление частей дивизии было назначено с таким расчетом, чтобы за ночь пройти 13 км и на рассвете внезапно атаковать противника. С наступлением темноты части дивизии выступили из Колниболотской, выслав необходимое походное охранение, и, не встречая сопротивления, к 3 часам 8/III подошли вплотную к станице.

Противник, в виду ненастной погоды и, очевидно, не ожидая нашего ночного наступления, расположившись по квартирам, спокойно отдыхал. Его сторожевое охранение, находившееся ночью на северной окраине станицы, также расположилось по домам и также отдыхало.

Части дивизии, подойдя к станице, начали ее обходить с обеих сторон, не нарушая покоя противника, и к 4 час. 30 мин. все передвижения были закончены.

Атака. Для атаки станицы части дивизии были расположены: 2 бригада с восточной стороны станицы, 3 бригада—с западной, артиллерия была разделена поровну по бригадам, имея в резерве 2 легких батареи с прикрытием одного пехотного батальона. Резерв был расположен с северной стороны станицы.

Начало атаки было назначено ровно в 5 часов, а за полчаса приказано было всей артиллерии дивизии открыть беглый огонь по станице до 5 часов, после чего перенести весь огонь на южную окраину станицы; бригадам с криком „ура“ стремительно ворваться в станицу и атаковать противника.

Противник, встревоженный нашим артиллерийским огнем, выскакивал кто в чем был из домов, пытался собрать свои части и привести их в порядок, но было поздно. Наши части ворвались в станицу, расстреливая противника по улицам.

Противник, видя свое безвыходное положение, начал сдаваться в плен, а части его, успевшие сесть на лошадей, начали в беспорядке уходить в направлении станции Тихорецкой, неся тяжелые потери от перекрестного огня нашей артиллерии.

К 7 часам бой закончился. Было взято около 600 пленных, большое количество верховых лошадей, много оружия, обоза и боеприпасов. Наши потери были незначительны.

После атаки необходимо было преследовать противника. Но чтобы не обнаружить свою малочисленность, а также и в виду того, что много белых оставалось еще в домах станицы, частям дивизии было приказано занять окраину станицы и обеспечить свой тыл путем вылавливания пленников.

Противник, не преследуемый нами, занял станцию Тихорецкую и вскоре, видимо, заметив нашу малочисленность, перешел в наступление, но все его попытки окружить нас не увенчались успехом. К 13 часам части дивизии, собрав пленных и трофеи, перешли в наступление на станцию Тихорецкую и к вечеру после короткого боя заняли таковую, где и расположились на ночлег.

Вечером в станицу Тихорецкую подошли части 20-й дивизии, выслав свои передовые части на станцию Тихорецкую.

Таким образом, станица и станция Тихорецкая были взяты ночной атакой частями 50 Таманской дивизии без непосредственного участия в этом бою всех тех частей X армии, которые для этого предназначались. Чрезвычайно опасная и совершенно ничем не обеспеченная операция была блестяще выполнена.

Потеря Тихорецкой для противника явилась потерей его устойчивого положения на последнем рубеже, после чего он почти безостановочно по всему фронту начал отходить к берегам Черного и Азовского морей, преследуемый нашими армиями.

О взятии Тихорецкой я донес командарму X, который к вечеру 9 марта прибыл на станцию и, совершенно не заинтересовавшись исполнением операции, приказал двигаться вперед вдоль полотно жел. дороги в направлении Екатеринодара. Письменный приказ обещал выслать дополнительно.

Утром 10 марта части дивизии выступили в новый поход, держа связь справа с частями IX армии, слева с 34 дивизией и к вечеру 12 марта подошли к станции Кореновской. В это время 22 и 23 дивизии IX армии вели бой за овладение этой станцией. Совместными действиями 50, 22 и 23 дивизий к вечеру противник был выбит из северной части станицы и отброшен за реку Бейсуг, где и укрепился на ночлег. 22 и 23 дивизии в части занятой нами станицы также расположились на ночлег. Частям же 50 Таманской дивизии располагаться было негде, что отчасти и заставило освободить остальную часть станицы от противника ночью.

Станица Кореновская разделяется рекой Бейсуг на две равные части. Все переправы на ней были уничтожены противником. Хотя железнодорожный мост был взорван, но по остаткам моста представлялась возможность переправить пеших людей. Этим и решено было воспользоваться.

С наступлением темноты, 3 Таманская бригада была подведена к самой реке и начала производить демонстративную попытку переправиться через реку. 2 бригада тем временем начала переправляться по уцелевшим рельсам железнодорожного моста и накапливаться в непосредственной близости станции Кореновки. Когда большая часть бригады переправилась, комбриг, тов. Ковалев, приказал атаковать станцию.

Артиллерии дивизии было приказано атакующие части поддержать своим огнем, а 3 бригаде поддержать ружейным

и пулеметным огнем. В 2 часа ночи после сильного артиллерийского обстрела части 2 бригады с криками „ура“ атаковали станцию, а затем и станицу Кореновскую.

Противник не выдержал нашей ночной атаки, покинул станцию и станицу Кореновскую, оставив убитых и раненых, и отошел в станицу Платнировскую.

Части дивизии, не останавливаясь после атаки, продолжали преследовать противника, благодаря чему ушли вперед на целый переход от частей IX армии и 34 дивизии.

Обещанный командармом X письменный приказ так и не был получен, но, дабы не дать опомниться отступающему противнику, необходимо было продолжать движение. Быстрому движению способствовало еще и то, что таманцы, приближаясь к центру Кубани, рвались вперед, невзирая ни на большую усталость ни какие бы то ни было опасности.

Таким образом, пришлось дивизию двигать безостановочно вперед по направлению Екатеринодара, через Платнировку, Пластуновскую и Динскую, которая была занята к вечеру 16 марта. До Екатеринодара оставался один переход—всего 21 километр. В Динской были получены сведения от перебежчиков, что противник спешно эвакуирует Екатеринодар и что среди его частей царит паника и беспорядок. Необходимо было преследовать противника дальше, дабы не дать ему возможности перейти на левый берег реки Кубани и закрепиться. Несмотря на отсутствие указаний от командарма X и на то, что дивизия к тому времени ушла почти на два перехода вперед от частей IX и X армий, но, принимая во внимание полный развал армии противника, я решил идти вперед и 17 марта занять город Екатеринодар.

Рано утром войска выступили с Динской, и к 13 часам передовые части подходили уже к Пашковской. Как вдруг неожиданно галопом подскочил ко мне ординарец, лично посланный от командарма XI с пакетом. В пакете было приказание командующего фронтом следующего содержания: „Комфронтом приказал командарму IX с частями армии 18 марта вступить в Екатеринодар, после чего выставить твердый заслон на северную опушку города и ни одного таманца в город не впускать.“

Надчиву 50 категорически воспрещаю вступать с дивизией в город, дивизию немедленно вернуть в станицу Динскую и ждать дальнейшего распоряжения. При неисполнении настоящего приказа виновные будут преданы суду Ревтрибунала“.

Получив такое категорическое приказание, я вынужден был дивизию из-под самого города вернуть в станицу Динскую в ожидании дальнейших распоряжений.

Благодаря этому, прижатые к Кубани части белых получили возможность спокойно переправиться через реку Кубань, после чего в город вошли части IX армии.

Таким образом, таманцы, пройдя от Царицына походом с непрерывными боями около 1.000 километров по какой-то и до сих пор невыясненной причине были лишены возможности боем взять Екатеринодар, это сердце контр-революции на северном Кавказе.

В станции Динской был получен приказ комфронтом о переходе дивизии в подчинение командарма IX. Командарм IX приказал дивизии перейти в Старо-Корсунскую, расположиться и ждать дальнейших распоряжений. 20 марта был получен приказ командарма IX, которым дивизии было приказано в четырехдневный срок перейти через главный Кавказский хребет и занять деревню Джугбу, имея в дальнейшем движение на Туапсе и Сочи. Назначенный путь движения дивизии был настолько трудным, что дивизия, идя по нему, вынуждена была оставить свой обоз и большую часть артиллерии. Двигаясь в горах, Таманская дивизия, борясь с природой и с отступающим противником, с честью выполнила и эту задачу. Дивизия преодолела главный Кавказский хребет и вышла на тот хребет, по которому таманцы шли и героически сражались в 1918 году, будучи в Таманской армии.

От деревни Джугба дивизия двинулась на город Туапсе и после короткого боя заняла таковой, а затем, совместно с частями 34-й дивизии, после ряда упорных боев 50 Таманская дивизия заняла гор. Сочи, прижав противника к берегу Черного моря, принудила его в количестве 53.000 штыков и сабель и около 20.000 лошадей во главе с генералом Морозовым сложить оружие и сдаться в плен.

После блестящего окончания борьбы с деникинской армией новый командарм IX тов. Василенко влил 50 Таманскую дивизию в 34 стрелковую дивизию, не спросив на это разрешения главкома, и тем самым прекратилось существование крепкой, боеспособной и непобедимой Таманской дивизии. Ее 8 боевых знамен, облитых кровью героев таманцев, были сданы в отдел снабжения 34 дивизии.

(Окончательная ликвидация дивизии прошла без меня, так как я под Екатеринодаром заболел возвратным тифом и остался на излечение.)

Боем под Сочи и взятием остатков армии противника в плен таманцы закончили свой вторичный героический поход на Кубань, и, хотя не исполнилась их заветная мечта восстановить вновь Таманскую армию, но зато они исполнили свою мечту—очистить Кубань от противника и освободить свои семьи от расправ контр-революции.

Во время двух боевых походов таманцы не имели поражений (за исключением тех, что закон боя требовал), разбивая на своем пути лучшие части противника, и вписали славные страницы в историю нашей революции.

Третья и последняя организация и боевая деятельность красных таманцев.

(Схема № 1)

В августе 1920 года, после окончательной ликвидации армии Деникина на Кубани, не все благополучно было в Крыму. Крымская контр-революция под руководством барона Врангеля пыталась вновь расширить свои пределы вообще и в частности на Кубани и Черноморьи. К этому времени на Кубани армия Деникина хотя и была ликвидирована, но не был ликвидирован еще политический бандитизм. К 14 августа на учет числились следующие крупные банды, расположенные преимущественно в полосе, прилегающей к Азовскому и Черному морям:

- 1) полковник Сухенко (800 чел., 1 тран. ор.) в районе Привольной около лиманов Горький и Сладкий;
- 2) полковник Скаун (150 чел., 70 винтовок) в плавнях;
- 3) полковник Цыганков (60 чел.) у лимана Чубурголь;
- 4) сотник Милько-Калеников (100 штыков, 60 сабель) в районе ст. Полтавской;
- 5) полковник Поддубный (500 чел., 3 пулемета) у пос. Черноморский;
- 6) Короленко (300 чел., 2 пул.) в районе Гостагаевская — Натухайская;
- 7) Три отдельных банды в районе Ахтырской—Эриванской—Холмской под общим командованием полковника Тытарова.

Мелкие банды исчислялись сотнями и заполняли все плавни и камыши приморской полосы.

В пригородной полосе Кубанской области в отделах: Майкопском, Лабинском и Баталпашинском, остатки недавно ликвидированной деникинской армии, разбежавшиеся из своих частей, скрывались в горах, и в это время генерал Хвостиков приступил к формированию из них так называемой „армии—правды“ для изгнания большевиков из Кубани и Черноморья. К нему примкнул ряд банд и отрядов (полковника Крыжановского, Улагая, Крым-Хангирея и других).

Население Кубани, в особенности та часть его, которая принимала активное участие в борьбе с Советской властью, оставалось еще враждебной ей.

Взятая в плен и большей частью распушенная по Кубани деникинская армия, распространившись по станицам и хуторам, вновь восстанавливала население против Советской власти.

Врангель, учитывая эту политическую обстановку на Кубани, решил послать свой десант и вновь поднять казачество. Но в своих расчетах он упустил историю разгрома кубанской рады с публичным повешением депутата ее, руководителя партии, не шедшей за добрармией, Калабухова, совершенным по его же приказу в конце 1919 года, что сделало имя Врангеля ненавистным для кубанских казаков и компрометировало задуманное им дело с десантом.

Не считаясь с этим, Врангель всемерно стремился использовать настроение Кубани. Уже в июле он предпринял несколько неудачных высадок десантов на донском побережье, потерпевших крушение из-за равнодушия населения.

Слухи о возможности десанта из Крыма целое лето бродили по Кубани. Эти слухи имели твердую почву, ибо Кубань для Врангеля имела чрезвычайно важное значение. Захват Кубани, расширяя территорию крымского правительства и фронт борьбы с Советской властью, должен был дать увеличение живой силы войск Врангеля и, что еще важнее, хлеб, необходимый для дальнейшего существования крымских контр-революционных войск и для расплаты с Антантой за предметы вооружения и обмундирования, получаемые от последней.

В последнем случае Врангель имел в виду повторить историю немцев в 1918 г., которые через Керченский пролив явились из Крыма за кубанским хлебом. Конечно, были и серьезные стратегического характера причины. Переход Кубани в руки белых, вызывая разделение наших сил, сосредоточенных на Украине, требовал переброски части сил на Кавказ, что облегчало бы для белых операции в Крыму; во-вторых, тяга кубанцев на родину побуждала Врангеля к высадке десанта, для чего в первых числах августа кубанские части были стянуты частью в Феодосию, а 1 Куб. кав. дивизия — на ст. Джанкой.

В Феодосию же на формирование десантов прибыл 1 Алексеевский полк и Константиновское воен. училище, а в Керчь — юнкера-корниловцы (600 чел.). Для нас не были секретом все приготовления и стягивание Врангелем войск для высадки десанта на Кубани, так как целая серия агентов, посылаемых из Крыма для агитации и связи с различными бандами, нами задерживалась, и от них получались самые точные сведения о целях и намерениях крымской контр-революции. Усиленное циркулирование в Керченском проливе судов, полет аэропланов и сбрасывание воззваний, также говорили о близости десанта, что и случилось 14 августа.

Высадка де- 14 августа близ ст. Приморско-Ахтарской, санта белых. где в то время находился лишь наш один кар. батальон, высадился отборный десантный отряд численностью в 7—8 тысяч человек, в состав которого входили: 1 Кубанская конная дивизия (начдив. ген. Бабиев)—4 полка—2.500 чел. при 7 орудиях; 4 Сводно-Кубанская пех. дивизия (ген. Казанович) с приданными военными школами и отдельными частями—2.650 чел., 63 пулемета при 4 орудиях. 2 Кубанская конная дивизия (начдив. Шифер-Маркевич)—2.000 чел., 80 пулеметов, 6 орудий.

Вновь сформированная дивизия имени ген. Улагая (начдив полковник Буряк)—750 чел., полки: Полтавский, Гривенский и другие.

Кроме того, в десанте было 3 броне-автомашины и 3 самолета.

Штаб десанта: нач. штаба ген.-майор Драценко; генерал-квартирмейстер ген. Соколов; нач. снабжения—ген. Корольков; нач. артиллерии полковник Расторгуев.

Командование десантом было вручено ген. Улагаю.

Ген. Улагай, пользуясь районом высадки, недостаточно обеспеченным с нашей стороны, рассчитывал, повидимому, на то, что с появлением его отряда в Кубани поднимется все недовольное казачество, уничтожит одиночно разбросанные красные части. Он хотел повторить историю маневра 1918 г., когда Деникин наступал на Екатеринодар с севера, а скрывающиеся в горах банды—с юга. Последнюю роль на этот раз должен был исполнить ген. Хвостиков, объединивший к тому времени под именем „армии правды“ до 15.000 чел. из разных банд.

Вся десантная операция была рассчитана на быстрое продвижение в глубь Кубани и поднятие массового восстания казаков, из коих предполагалось сформировать Кубанскую армию в составе 2 конных и 1 пех. корпуса, для чего и был сделан в составе десанта соответствующий подбор генералов, офицеров, юнкеров и казаков (кубанцев). Таким образом, высадившийся десант представлял из себя кадры предполагаемой Кубанской армии с соответствующими штабами, хозяйством, обмундированием и боеприпасами.

Улагай, очевидно, учел свои прежние ошибки и, дабы их не повторять, он, еще будучи в г. Феодосии, начал вводить в десантном отряде строгую дисциплину, что видно из его приказа (за № 4, от 20 июля 1920 года): „Офицеры, казаки, солдаты, вам поручено великое дело освобождения Кубани от коммунистов.

Кубанцы! развал армии Деникина совершился исключительно благодаря грабежам и насилиям войск над мирным населением. Все освобожденные вами города встречали вас с радостью, а провожали с ненавистью, так как своими гра-

бежами войска показали, что они недалеко ушли от большевиков. Для спасения родины, для спасения Кубани надо идти к населению с чистыми руками и совестью, иначе мы вновь погубим то, что создавали тяжелыми усилиями и потерями.

Для тех, кто слаб, кто с легкой думой готов посягнуть на чужую собственность, я отдаю следующий приказ: за частями группы будут непосредственно следовать военно-судебные комиссии, и всякие грабежи, даже если будет взята курица, и ничтожнейшие насилия будут караться растрелом. Никакой пощады, никаких снисхождений грабящим и насильникам не будет. Начальникам немедленно расплачиваться за ущерб, нанесенный грабителями.

Командир части или начальник, укрывшие или не предавшие суду виновных, подлежат суду, как за укрывательство.

Ни родство, ни боевые заслуги, ни другие какие-либо заслуги или причины совершенно не будут приниматься во внимание. Смерть всем, кто мешает очистить Кубань, спасти Россию!

Для привлечения населения Кубани Улагай начал усиленно распространять свои приказы, листовки, воззвания среди населения путем агентуры и сбрасывания с аэропланов. В своих листовках и воззваниях генерал Улагай так излагал цели прихода десанта:

„Мы пришли в родной край, чтобы освободить его от угнетателей, установить законность и порядок, дать возможность мирному населению отдохнуть от кошмара большевизма и зажечь спокойной жизнью“.

„Мы не имеем завоевательных стремлений“.

„Мы будем бороться только с вооруженным противником. Все служившие в большевистских организациях, если за ними нет уголовного прошлого, а также сдавшиеся и добровольно перешедшие, будут освобождены от всяких преследований и ограничений в правах“.

„Наша армия несет с собой действительную неприкосновенность личности, жилища, семьи, свободу слова и печати. Мы общими усилиями должны создать жизнь светлую и свободную. Никакой мести в отношении насильников и злодеев, никаких зверств и репрессий,—мы должны победить правдой, а не насилием!.. Если мы идем с оружием в руках, то потому, что это является единственной активной пропагандой“.

„Мы идем обеспечить населению, без различия классов и национальностей, спокойную жизнь, возможность мирного труда и тишину, права человека и гражданина“.

„Казаки, крестьяне, горцы и иногородние! Час восстания настал, все к оружию! Соединяйтесь в отряды! Перервите железнодорожную, телеграфную и телефонную связь красных! Захватывайте отряды красных поодиночке. Не давайте соединяться разбросанным частям красноармейцев и комму-

нистов. Сдающихся красноармейцев разоружайте, но не преследуйте и не позволяйте их грабить“.

Касаясь дисциплины в десантных частях противника, следует отметить, что грозными приказами, как потом выяснилось, Улагаю удалось до некоторой степени добиться ее.

Большие обещания Улагаю существенного значения для успеха противника не имели. Казаки и в особенности иногородние к тому времени достаточно себе уяснили и на практике убедились, что Улагай несет капиталистическую кабалу и рабство. Те кошмарные насилия, которые при владычестве Деникина производились над мирным населением, были у всех в памяти и в особенности у иногородних: публичные повешения, насилия над женщинами, порка шомполами—вот из чего складывалось и в чем выражалось отношение „освободителей“ к мирному населению.

Самую высадку десанта противник произвел довольно удачно. Суда подошли к Приморско-Ахтарской, остановились и после нескольких артиллерийских выстрелов по станице, начали высаживать десант, проходивший около 2-х км в брод по отмели морского берега. Десант без боя занимает указанную станицу и по железнодорожной ветке устремляется к узловой станции Тимошевской, которую вскоре и занимает.

Красные части, бросаемые в бой, по мере их подхода, были разбиты по частям. Особенно печальную участь в этом отношении испытали 1 Кавказ. кав. дивизия (бывш. Гая) и образцовая Уральская пех. бригада Семашко, в неудачных боях потерявшие почти половину своего состава, артиллерию и технические средства, а Кавказ. дивизия и своего славного героя, начдива т. Меера. По занятии ст. Тимошевской белые начали распространяться к Тихорецкой и Екатеринодару, стремясь отрезать их от Ростова. Эти первые успехи десанта противника можно объяснить разбросанностью наших частей, подачей их пачками и некоторой затяжкой в сосредоточении достаточных сил и средств.

Но успех противника на этом и закончился. Ошибочная политическая оценка Кубани скоро сказалась. Мобилизация 20 станиц занятого десантом района дала очень мало пополнения,—кубанские казаки уклонялись от мобилизации, и десанту пришлось драться в печальном одиночестве.

При отсутствии достаточного пополнения от мобилизации и одновременном расширении фронта успешное продвижение десанта начало замедляться.

С приходом свежих красных частей 20—25 августа положение противника резко меняется. Ударом с севера наши части пробивают образовавшийся кордон и перехватывают Приморско-Ахтарскую жел. дорогу, захватив часть грузов в вагонах; с другой стороны, подошедшие с юга, с Кавказа, части начали дроби́ть десант.

Хвостиков со своими повстанцами хотя также перешел к активным действиям, но, не имея тесной связи с Улагаем, не мог оказать ему надлежащей поддержки. Все же, появившись в 35 км от Краснодара, он отвлек на себя часть наших сил. Высаженные на Таманском полуострове и в районе Анапы мелкие отряды широко распространиться не могли и были своевременно сброшены в море.

Отсутствие благоприятной политической обстановки, в частности плохая поддержка населения, заставляет изменить хорошо задуманный план. Улагай решает занять выжидательное положение и уводит свой десант в сторону наименьшего сопротивления—в камыши. Штабы переходят походным порядком в ст. Ново-Ниже-Стеблиевскую (Гривенскую), а пароходы переходят к новой стоянке (базе) у пос. Ачуева.

Подход резервов с Кавказского фронта и из XI армии дал возможность 25 августа сосредоточить для ликвидации десанта 26 пех. бригаду—800 шт., 43 пул., 3 ор.; 2 Моск. бригаду курсантов—2.919 шт., 385 саб., 43 пул., 6 ор.; 2 Донскую дивизию—8.181 шт., 75 саб., 140 пул., 32 легк. и 6 тяж. ор.; 1 бригаду 1 Донской див.—2.006 шт., 30 пул., 8 ср.; 100 бригаду—4.052 шт., 366 саб., 30 пул., 4 ор.; Кавказк. бригаду 22 дивизии—409 саб., 16 пул.; 3 отд. кав. бриг.—1.296 саб., 26 пул., 2 ор.; кав. бригаду 14 стр. див.—400 саб., 15 пул., 4 ор.; 7 кав. дивизию—648 шт., 1.175 саб., 76 пул., 12 ор.; Таманскую кав. бригаду—189 саб., 7 пул., 4 оруд. Общая численность доходила до 17.000 шт., 4.000 саб., 443 пул. и 81 ор. После сосредоточения большей части наших сил командарм IX т. Левандовский выехал на фронт и приказал частям перейти в решительное наступление. Коротким ударом противник был выбит из Тимошевской и начал уходить в камыши. Наши части, преследуя его и охватывая с обоих флангов, заняли линию: Степная, Поповичевская, Полтавская, Славянская, но дальше продвинуться не могли, так как противник перешел в контр-наступление и начал вновь теснить некоторые наши части. Одновременно зашевелился и Хвостиков. Было весьма вероятно, что они оба стремятся к Краснодaru, чтобы здесь соединиться. Между тем, резервы наши были израсходованы, а поддержка фронту была необходима, и вот в этот момент, когда успех противника мог грозить новой опасностью, в Краснодаре зарождается идея отправки нашего десанта в тыл противнику.

Непосредственная опасность, угрожавшая Краснодaru, заставила штаб IX армии 25 августа эвакуироваться в Тихорецкую и Ростов. За ним последовали областные советские, профессиональные и партийные учреждения. Эвакуация производилась настолько спешно, что многие учреждения оставили

Действия крас-
ного десанта
в тылу белых.

свое имущество в городе, что дало возможность части населения заняться хищением.

Оборона города после ухода штарма IX была поручена мне, как начальнику гарнизона и коменданту екатеринодарского укрепрайона. В виду того, что для защиты города в моем распоряжении было всего лишь три роты пехоты и одна запасная батарея, то я решил в этот трудный момент еще раз обратиться к таманцам с призывом спешно собраться для спасения положения и защиты своих халуп от нового нашествия известных им палачей. На призыв таманцев я получил разрешение от командарма IX, для чего было отпечатано и распространено несколько тысяч воззваний.

Таманцы и вообще кубанцы, услышав мой призыв, начали собираться частью в Краснодаре (Екатеринодаре), где они усилили гарнизон, а частью в ст. Славянской (быв. центр Таманского отдела), где из них была сформирована Таманская пехотная бригада.

Кроме того, в целом ряде станиц прифронтальной полосы таманцы организовали из себя станичные гарнизоны, задачей которых было всемерно препятствовать противнику продвигаться и распространяться в глубь Кубани. Примерно, через неделю в Екатеринодаре, Славянской и по станицам было собрано около 6.000 человек, которые оказали существенную помощь в борьбе с противником и, главное, с частями десанта.

В момент усиленной организации таманских частей и поспешной эвакуации гражданских учреждений из города на станцию Екатеринодар 25 авг. в 21 час. прибыл в своем поезде председатель Революционного Военного Совета Республики тов. Троцкий. После моего доклада о положении на фронте и о подготовке города к обороне тов. Троцкий задал мне вопрос: „Удержите-ли вы город?“ Я ответил: „Удержу“. — „Хватит-ли у вас сил для обороны“ — Я ответил: „Хотя сил для обороны и недостаточно, но среди них большая часть старых таманцев, испытанных и закаленных во многих боях, на которых покоится вся надежда успешной обороны“. Т. Троцкий задал мне еще несколько вопросов и после предупреждения о восстановлении связи с поездом отпустил меня. В 9 час. 26 авг. я был срочно вызван в кабинет штарма Чернышева, где находился член РВС кавказского фронта тов. Розенгольц, который после моего рапорта задал мне вопросы: „Вы—бывший офицер?“, я ответил: „Да“. — „Умеете язык держать за зубами?“ Я ответил: „Умею“. После чего тов. Розенгольц отдал мне следующее словесное приказане:

„При соблюдении полной секретности тов. Троцкий поручил мне возложить на вас задачу: с отборным отрядом на пароходах и баржах по реке Кубани и Протоке пробраться в глубокий тыл противника в ст. Ново-Нижне-Стеблиевская

(Гривенская), где сосредоточены его штабы, и нанести ему неожиданный и сокрушительный удар. О результатах донесите мне или тов. Троцкому“.

Был задан последний вопрос: „Поняли“? Я ответил: „Понял“.

„Извольте исполнить“.

Ответ: „Слушаюсь, будет исполнено!“

Вот то короткое приказание, во исполнение которого и была совершена чрезвычайно опасная и рискованная операция красного десанта. Учитывая важность операции и срочность ее выполнения, я, не заезжая в свой штаб, отправился на речную пристань к начальнику пристани и отдал приказ к 16 часам подготовить все имеющиеся пароходы и баржи к отходу. Вернувшись в штаб гарнизона, я созвал командиров и комиссаров частей гарнизона, которым приказал отобрать лучших бойцов, свести их в соответствующие подразделения и спокойно, без суеты, к 15 час. 30 мин. построить на пристани для осмотра. При содействии тов. Розенгольца удалось получить из складов достаточное количество боеприпасов, продовольствия и 4 пушки (2 лег. и 2 скорострельн. Максима). В штаб прибыл т. Фурманов, который сообщил мне, что он назначен ко мне комиссаром. Мы решили подробно поговорить о предстоящей нашей работе на пароходе.

Своим заместителем по гарнизону я оставил своего начальника штаба тов. Батурина.

После осмотра частей на пристани некоторые из них пришлось возвратить, как несоответствующие, а отобранные приступили к погрузке. При подсчете отобранных частей оказалось недостаточно, тогда я решил дополнить в Славянской из Таманской бригады. Для погрузки оказалось 3 парохода и 4 баржи. Погрузка прошла успешно.

Во время погрузки на пристань собралось много любопытной публики, которая всячески пыталась отгадать или от кого-либо узнать, куда грузятся войска.

Были, правда, просьбы и комполитсостава сообщить им, куда и для какой цели мы грузимся, подчеркивая, что каждый воин должен знать свою задачу, но сообщать не было никакой возможности для соблюдения полной тайны.

Ровно в 16 часов 26 августа пароходы с баржами один за другим без гудков и свистков отошли вниз по Кубани к станции Славянской.

До ст. Славянской по реке около 130 км.

Движение было начато с таким расчетом, чтобы к ст. Славянской подойти ночью и, не доходя к ней, укрыто от воздушного наблюдения остановиться для пополнения десанта.

За остаток дня и ночи пароходы и баржи благополучно подошли к ст. Славянской и к рассвету укрыто в $1/2$ км от станции остановились.

Здесь явилась серьезная преграда для дальнейшего движения десанта в виде жел.-дор. моста Черноморской жел. дороги. Проложенный у самой станицы через реку Протоку и взорванный в момент отступления деникинской армии, он загрузил фермами русло реки так, что до нашего появления ни один пароход не пытался даже пройти.

Таким образом, по первому впечатлению и по сведениям экипажа пароходы дальше плыть не могли, и десантная операция должна была сорваться.

Но тут пришлось применить строго революционный закон. Капитанам пароходов, под угрозой расстрела, была поставлена задача во что бы то ни стало к вечеру устроить проход для пароходов и барж, и к вечеру проход между обрушенными фермами моста был готов.

К пароходам был вызван комбриг т. Ковалев (старый, испытанный и революционный герой), которому я приказал для предохранения от шпионажа и для соблюдения полной секретности оцепить станицу двойными постами часовых и не выпускать из станицы ни одного человека в поле до утра 28 августа, остальные же части бригады вывести к пароходам. С подходом частей Таманской бригады весь отряд был мною вновь осмотрен, разбит и принял окончательно следующий вид:

Таманский батальон—2 роты—250 шт. (комбат Живолуп), конвойная команда укрепрайона (таманцы)—100 шт. (ком. роты Торгашев), коммунистическая рота (часть таманцев)—310 шт. (комроты Усатов), две учебные роты 210 и 180 шт., Полтавская кав. сотня (таманцы) 65 саб. (ком. сотни Кондра), кавэскадрон (таманцы)—90 саб., сводная батарея—4 орудия (комбат Кульберг).

Всего 6 рот пехоты—1.050 шт., при 15 пул. (системы Максима), 155 саб. и 4 орудия.

Своим помощником я назначил комбрига т. Ковалева, н-ком штаба—наштабрига таманской тов. Монастырского.

При отборе кр-цев и к-ров я обращал особенное внимание на моральное состояние людей и боевую их подготовку. В отряд вошли преимущественно таманцы и кубанцы местных станиц, хорошо знакомые с местностью, привычками и обычаями населения, широко осведомленные в политических переживаниях момента, бесстрашные и закаленные в боях, бывавшие не раз в окружениях, прорывах, атаках в период гражданской войны 1918—1919 г. Бойцы и комсостав были близки не только по духу, происхождению, но и пережитыми кампаниям в рядах красных войск. Их обоюдные взаимоотношения и уверенность друг в друге и победе являлись тем моральным фактором, который в революционных войсках решает все. Необходимо отметить, что отряд имел большую прослойку коммунистов, которые в отряд влились из прифронтовых станиц.

У Славянского жел.-дор. моста отряд пробыл целый день 27 августа. С целью ориентироваться в предстоящих действиях и устранить с частями, занимающими фронт в районе Славянской, возможные недоразумения при ночном движении отряда, я выехал в ст. Полтавскую, где встретил комбрига 22, с которым договорился о беспрепятственном моем движении через его участок, по которому протекала река Протока, и чтобы части его бригады в нужный момент дали бы десанту поддержку. По возвращении я был вызван к проводу наштармом IX Чернышевым, который просил ускорить экспедицию и чаще присылать донесения. Однако, дальнейшее движение десанта задерживалось расчисткой прохода для пароходов и появлением над станицей аэроплана, что вызвало опасение, что секрет операции, возможно, открыт, и наше появление не будет для противника неожиданным, от чего, собственно, зависел успех операции. Пришлось отложить выступление экспедиции до темноты.

Имея в виду, что от ст. Славянской (наш фронт) до Гривенской было около 65 км, я рассчитал, что, выступив вечером 27 августа, к рассвету 28 августа отряд подойдет к станице и атакует ее. Так как приходилось двигаться по узкой почти не судоходной реке, протекающей среди болот, плавней и камышей, то противник мог парой пулеметов уничтожить весь отряд, поэтому для обеспечения от неожиданностей по обоим берегам реки, по тропам были высланы разъезды с задачей осматривать на 500—700 саженей береговую полосу и снимать без шума и выстрелов посты противника, если таковые на пути окажутся. Разъездам я приказал одеться в казачью форму и одеть погоны. Вся разведка была возложена на опытного ком. сотни тов. Кондра, как хорошего боевика и отлично знающего местность. Кондра нарядился войсковым старшиной.

Некоторым препятствием для движения было подозрение со стороны исполкома Славянского отдела в измене, при чем он требовал открыть ему цель операции, без чего не разрешал разводиться понтонный мост.

Секрет был сохранен, а мост не без скандала был разведен частями отряда и с наступлением темноты, благополучно пробравшись через разрушенный жел.-дор. мост, отряд поплыл в следующем порядке: 1 эшелон—начальник комбриг Ковалев—1 пароход и 1 баржа—3 роты; 2 эшелон—начальник (старый испытанный к-р) т. Гладких—1 пароход, 2 баржи—пех. батальон и кавэскадрон; 3 эшелон—нач-к Кульберг—1 пароход и 1 баржа—1 рота и штаб десанта. Пароходы двигались в расстоянии $\frac{1}{2}$ км друг от друга. Для связи с эшелонами и для осмотра берегов был назначен специальный быстроходный катер (потом он был использован для быстрой доставки донесений).

Движение эшелонов происходило очень медленно, во-первых, потому, что уровень воды в реке был не высок, а на перекатах пароходы останавливались и вынуждены были искать новых проходов или пробивать их по линии движения; а во-вторых, потому, что, благодаря слишком пересеченной лиманами, реками и ручьями местности, нашидвигающиеся по суше разезды двигались медленно, чем замедляли движение и эшелонов.

С момента выступления от Славянской в отношении обеспеченности операции все зависело от успешных действий наших разездов. Расчеты оказались верными. Разезды, пройдя расположение частей нашей кавбригады 22, совершенно неожиданно наткнулись на заставу противника, расположенную у хут. Мячкова. Начальник заставы растерялся и даже хотел было рапортовать нашему командиру сотни, тов. Кондра, но после короткой команды последнего заставка была без выстрела окружена, обезоружена и целиком в составе 29 чел. с 1 пулеметом взята в плен. После этого наши разезды беспрепятственно двинулись дальше, а пароходы свободно прошли линию сторожевого охранения и двинулись далее по территории, занятой противником.

Когда пароходы прошли линии фронтов нашего и противника, частям десанта было сообщено, куда и зачем десант двигается, при чем была подчеркнута вся важность и серьезность возложенной на десант задачи. Части, двигаясь по реке на пароходах, не приспособленных к военным действиям, да еще по территории противника, где в любую минуту можно было ожидать его нападения, находились в чрезвычайно напряженном состоянии. Тогдашнее психологическое состояние частей десанта довольно удачно описывает в брошюре „Красный десант“ бывш. комиссар десанта т. Фурманов.

„Мы ехали целую ночь, и можно себе представить, что было у нас за состояние, когда тихо, чуть крадучись во мгле, мы пробирались ночью в неприятельских водах. Чудилось каждую минуту, что в камышах что-то зашевелилось, что там видны штыки, видны всадники, что слышен лязг оружия. Визжала и пылилась под колесами вода, и шум ее тревожно перерождался в тревожную пулеметную трескотню. Ночь светлая, лунная—нас всех видно, как на ладони. Все погружены в открытую на баржах и перекосить нас с берега не представляло ничего трудного. Только изредка перебрасываемся короткими фразами, да и то больше не для разговора, а лишь для того, чтобы разорвать звуками это гнетущее, страшное молчание тихой ночи.

Стараемся взором проникнуть в глубину шуршащих колышающихся камышей, но там попрежнему одни только черные привидения. Каждый из нас неоднократно бывал в боях, многие из нас лежали в цепи, сходились в атаку, но даже

самые смелые утверждали, что такой жути, как в эту ночь, не приходилось переживать даже под самым горячим орудийным огнем“.

Пароходы двигались без освещения, и была установлена полная тишина, громкие разговоры и курение были запрещены. Когда пароходы, преодолев два переката, начали приближаться к ст. Петровской, на левом берегу у переправы Алавердова послышалось несколько выстрелов. Потом оказалось, что это наш левый разъезд наскочил на заставу и целиком забрал ее в плен, после чего эшелоны двинулись дальше.

Движение десанта было рассчитано на время ночи с таким расчетом, чтобы к рассвету быть у Ново-Ниже-Стеблиевской, не доходя 1—2 версты, остановиться и выгрузиться на правый берег, после чего перейти к атаке станицы.

В случае боя в пути, при нападении противника на тот или иной эшелон, части должны были немедленно пристать к берегу и по общему сигналу (тревожный гудок) приступить к выгрузке.

В 4 часа ночи было получено донесение от начальника 1-го эшелона, что эшелон прибыл к указанному пункту (крутое колено реки, что 1½ версты восточнее станицы) и приступил к выгрузке. Через несколько минут подошел второй эшелон и, наконец, третий. В течение 12 минут части десанта выгрузились и построились для дальнейшего движения. В это время неподалеку в камышах послышались одиночные выстрелы. Потом оказалось, что это наш правый разъезд наскочил на другую заставу противника, часть перебил, а 6 человек забрал в плен. Эти выстрелы нас несколько было обеспокоили за то, что покой противника, отдыхающего в станице, был нарушен, и, узнав, в чем дело, он мог приготовиться. Однако, этого не случилось.

Из опроса пленного офицера после выяснилось, что штаб Улагая стрельбу слышал, дежурный по штабу запросил по телефону сторожевое охранение, и оттуда ответили, что на сторожевых заставах все обстоит благополучно.

Ночь близилась к концу, и с востока начало проясняться. В это время над рекой и по берегам опустился густой туман, который на 30—40 шагов скрывал человека.

Туман нас маскировал от взоров противника, а в момент атаки он должен был наводить на противника ужас, так как он должен был слышать наши крики „ура“, но не мог видеть, где мы и сколько нас.

Части десанта были разделены на две колонны: первая колонна—таманский батальон и штабная рота во главе с тов. Ковалевым,—получила задачу обходить станицу с запада и с этой стороны ее и атаковать, тесня противника к реке

Атака ст. Ново-Ниже-Стеблиевской.

Протоко. Левая колонна—остальные роты—должна была подойти к станице и атаковать ее с севера.

Артиллерия перед атакой станицы должна была обстрелять центр станицы беглым огнем, а в момент самой атаки перенести огонь на южную окраину станицы. Кавэскадрон получил задачу обойти станицу справа и атаковать ее с южной стороны, преграждая возможное движение противника к Ачуеву. Одна рота осталась при пароходах в резерве, а кав-сотня была приготовлена за левой колонной на случай развития ее атаки. В сторону Николаевской были высланы разъезды.

По сведениям, полученным от пленных и местных жителей, было установлено, что в станице расположены: штаб десанта, Николаевское и Алексеевское юнкерские училища, несколько вновь формирующихся частей и большое количество пленных красноармейцев. В общем гарнизон станицы численно далеко превосходил наш десант.

Принимая во внимание численное превосходство, необходимо было атаку станицы произвести с самой большой быстротой и дерзостью.

Части десанта под прикрытием темноты и тумана сделали необходимые передвижения и приготовились к атаке. В 5 час. 30 мин. артиллерия открыла беглый огонь по центру станицы, а через 10—15 минут перенесла огонь на ее южную окраину. Под прикрытием артогня, с громким криком „ура“, части десанта ворвались с северной и западной стороны в станицу, и начался беспорядочный уличный бой. Среди войск противника поднялась паника.

Кавэскадрон, пущенный при подходе к станице в обход справа, чтобы выйти на Ачуевскую дорогу и закрыть путь отхода к морю, встретил отдельные группы убежавшей пехоты, лихим налетом захватил их до 100 человек и под конвоем отправил к пароходам. Стремительность атаки задерживалась тем, что противник не успел выйти из домов и оборонялся из них

Поэтому частям десанта пришлось попутно с движением по улицам очищать от противника и дома. Станица растянута вдоль реки на протяжении 6—7 верст, занять ее частями десанта всю сразу не было никакой возможности и для прохождения ее вдоль требовалось некоторое время. Противник нашим медленным движением воспользовался, привел несколько частей в порядок и занял небольшой овраг реки, что почти в самом центре станицы, за которым были расположены его штабы, и встретил наши атакующие части сильным ружейным и пулеметным огнем. У моста этой реки оказалась неприятельская броне-машина, которая также препятствовала нашему продвижению.

На некоторое время наша пехота припала к постройкам, остановилась, открыв сильный ружейный и пулеметный огонь.

Счастье победы колебалось и в ту и в другую сторону. Момент требовал напрочь все силы и сорвать немедленно эту неожиданную задержку, дабы она не повела к плачевным последствиям. Все резервы были израсходованы, остались при мне лишь 32 всадника Полтавской сотни, с которыми и пришлось броситься в атаку. Но, наскочив на неприятельский броневик, всадники понесли большие потери, и атака сорвалась. Однако, этот лихой порыв увлек пехоту, которая вновь бросилась вперед и, несмотря на отчаянное упорство противника, охватила его со всех переулков и заставила спасаться бегством. Все же эта неожиданная задержка дала возможность части офицеров и генералов бежать к Ачуеву и,—что самое главное,—аэроплан противника успел подняться со станичной площади, улетел в сторону Ново-Николаевской и сообщил фронтовым частям противника о случившемся в их тылу.

Центр и остальная часть станицы были заняты уже почти без особых препятствий. Белогвардейцы разбегались, бросая оружие в камыши, окружающие станицу, по садам и домам. Большая часть противника пыталась перебраться вылавь на левый берег реки Протоки, часть, не переплыв реки, опустилась на дно, а кто и доплывал к левому берегу, уничтожался нашей засадой, высланной еще до атаки станицы.

К полудню все было кончено. Остатки дивизии ген. Казановича были ликвидированы. Пароходы были подтянуты к станице и к ним начали стягивать пленных и трофеи. Нам досталось около 1.500 человек пленных, из них 40 офицеров и генералов, 9 штабов и управлений с их сотрудниками, несколько тысяч винтовок, большое количество огнеприпасов, обоза, лошадей, несколько десятков пулеметов, 2 броневика, 2 легковых машины и много другого имущества. Убитыми, ранеными и утонувшими в реке противник потерял несколько сотен.

Наши потери были незначительны: убитых—19 человек, раненых—63 чел. (среди раненых 1 комбат, 2 комроты и несколько взводных).

Штаб ген. Улагая во главе с начальником штаба, ген. Караевым, был взят в плен, но сам Улагай вечером 27/VIII уехал в Ачуев для переговоров с Врангелем об устройстве тыла и поэтому не попал к нам в руки.

После подсчета пленных и трофеев было составлено донесение на имя тов. Троцкого с копиями наштарму IX и тов. Батурина. Донесение было послано с моим адъютантом, тов. Гладких, на моторном катере в ст. Славянскую, а оттуда по проводу в штарм IX в Екатеринодар. В донесении я сообщил о трофеях и потерях отряда.

Достигнутым успехом операция не была закончена, обстановка обуславливала новые и еще более грозные события. С занятием нашим десантом ст. Ново-Нижне-Стеблиевской

перерезался единственный путь сообщения противника с его базой у Ачуева; части противника, расположенные на фронте, потеряв свои штабы и общее управление, вынуждены были обрушиться на наш десант, разгромить его и обеспечить свой тыл и связь со своей базой; в непродолжительном времени это и случилось.

Еще станица не была окончательно очищена, еще преследование противника в направлении Ачуева продолжалось, и сотни белогвардейцев скрывались по домам и дворам (они дали о себе знать позже во время второго боя), еще отряд был разбросан по улицам, а уж с ново-николаевского направления показались передовые части противника. Противник от летчика, видимо, хорошо знал общее положение и направил первый свой удар по северной опушке станицы. Не успели части десанта перегруппироваться и занять оборонительную позицию на северной окраине станицы, как противник повел атаку, угрожая отрезать нас от пароходов. Однако, атака была отбита с помощью батареи, которая галопом подошла с площади и, встретив наступавших шрапнелью, а потом перейдя на картечь, заставила их вернуться обратно в камыши. Мужеством и храбростью наших пушкарей положение было спасено. Части десанта были спешно подтянуты к восточной окраине станицы и заняли оборонительную позицию, а пароходы были отведены на 5—6 верст в сторону Славянской.

Отряд был ослаблен охраной пленных, которых было больше самого отряда. Для освобождения частей десанта от охраны пленных, я приказал их погрузить в трюмы баржей, закрыть люки, запереть на замок, оставив на каждой барже по одному часовому, освободившиеся части привести на фронт. Противник по мере подхода его частей с разных направлений начал наступать все сильнее и сильнее. Положение создавалось более чем катастрофическое, — во-первых, потому, что противник своей численностью превосходил нас почти в 10 раз; во-вторых, части десанта в ночной атаке несколько устали и израсходовали большую часть имеющихся огнеприпасов; в, третьих, как это ни странно, десант, и до того времени вынужденный драться с превосходным противником, так и оставался в одиночестве, несмотря на то, что на фронте нашей IX армии (т.-е. против десанта Улагая) насчитывалось до 23 тысяч штыков и сабель; наконец, потому, что противник мог обрушиться всеми своими силами на наш малочисленный десант, преграждавший ему дорогу на Ачуев и, вместе с пароходами, угнать его к себе, в Ачуев. Но противник, повидимому, всех этих выгод не учел, и катастрофы не случилось.

Части десанта, сознавая всю важность их задачи и видя единственное спасение в упорном сопротивлении, несмотря

на бешеные атаки, повторяемые противником одна за другой, до вечера не дрогнули и с занятой позиции не ушли.

Противники (оба) оказались в чрезвычайно невыгодных условиях: наш десант, имея свой тыл к базе (к Ачуеву) противника, с одной стороны, и противник, отходящий с фронта, преследуемый нашими частями IX армии и имея отрезанный путь отхода—с другой. В виду этого, оба противника вынуждены были использовать все средства и силы, но во что бы то ни стало одержать победу. К вечеру бой разгорелся еще больше, положение каждую минуту менялось, и возможность победы все время колебалась то в ту, то в другую стороны. Ясно определилось, что противник, почувствовав себя отрезанным от базы на море, целиком бросил свой фронт. Захватить станицу, пробиться к морю стояло для него вопросом жизни или смерти. Минута промедления, напор сзади могли его погубить.

Он напрягает все силы, буквально ломится в станицу.

Высший комсостав его (генералы Бабиев, Казанович, Шифер-Маркевич и др.) лично руководят атаками, упорно повторяя одну за другой. Я бросил на фронт все свои резервы, но их было недостаточно. Пытался связаться с частями IX армии, посылая всадников, но результатов не добился никаких. И вот вечером уже начало темнеть, когда левый фланг десанта, оборонявший северо-восточную окраину в течение 8 слишком часов, не выдерживает сильного напора и отходит к центру станицы, уступая противнику две северные улицы с выходами на ачуевский тракт.

Массы противника запрудили эти две улицы и поспешно бросились к Ачуеву. Противник настолько был увлечен отходом, что ослабил свой натиск на остальную часть фронта, а центр станицы и не пытался освободить.

Около 11 часов вечера со стороны Ново-Николаевской где-то вдалеке слышались глухие выстрелы из орудий и чуть слышная пулеметная трескотня. Легко было определить, что приближаются наши части IX армии.

Пользуясь некоторым ослаблением натиска противника и учитывая близость наших частей, я решил еще раз перейти в наступление и преградить путь отхода противника. Новая атака была назначена ровно в 12 часов ночи.

Для атаки опять были переодеты наши всадники, которым была поставлена задача проникнуть в занятую противником часть станицы, зажечь несколько домов, сараев и скирд соломы и бросить несколько ручных бомб в заполненные противником улицы. Этим имелось в виду отвлечь внимание противника к разрывам и пожару для облегчения нам нападения.

Свою задачу наши всадники выполнили блестяще. Около 12 часов раздались взрывы и начались пожары. Среди частей

противника поднялась паника; части десанта под зарево пожара бросились в дружную и решительную атаку с оглушающими криками „ура“.

Пораженный неожиданностью, противник растерялся и после получасового боя побежал, бросая свой обоз, оружие и автомобили. Нами была занята остальная часть станицы, и отступление противника вновь было преграждено, благодаря чему он вынужден был или сдаваться в плен или, бросив все, болотами пробираться к Ачугеву. О действиях частей IX армии в это время ничего не было слышно; они остановились на ближайших к станице хуторах и, повидимому, заночевали. (С батареей 26 бригады, которая подошла близко к станице, ночью удалось связаться, полковые штабы и штабриг не были найдены.) Кавэскадрон был брошен по ачугевской дороге для преследования убегающего противника.

29 августа в 9 час. утра в ст. Ново-Ниже-Стеблиевская вошли первые части 26 бригады, ночевавшие на ближайших хуторах. Собран был ревком, который тотчас же приступил к своей очередной работе.

Дальнейшее преследование наголову разбитого противника было поручено частям 26 бригады. Десант, подобрав пленных и трофеи, погрузился на пароходы и отплыл обратно в станицу Славянскую, откуда мною было послано вторичное донесение следующего содержания:

„Екатеринодар тов. Троцкому, копия комкавфронта, командарму IX, начштаба укрепрайона.

„Доношу, что после занятия Ново-Ниже-Стеблиевской противник к полудню 28 августа перебросил из Ново-Николаевской лучшие части: Алексеевский полк, Алексеевское военное училище, Константиновское училище и ряд других частей; повел против нас решительное отчаянное наступление и оттеснил наши части с окраины станицы к центру; но геройским сопротивлением наших доблестных стрелков, кавалерии и метким огнем батареи был остановлен. Завязавшийся бой длился непрерывно до полуночи. В 24 часа 28 августа была назначена наша атака, рассчитанная на внезапный стремительный удар; в полночь станица нами была зажжена в разных местах, мы открыли ураганный артиллерийский и пулеметный огонь и с криком „ура“ перешли в атаку; кавалерия прорвалась в центре; пехота поддерживала с фланга, неприятель в панике разбежался, оставив позиции и скрывшись в камышах. Ночная темнота не дала возможности преследовать противника; захвачены пленные, броневик, легковой автомобиль, много обоза и оружия. Наши потери за всю операцию, включая и ночную атаку,—около 60 человек; противника изрублено, убито и потоплено свыше 1.000 человек,

кроме взятых в плен, о чем было донесено телеграммой 28 августа в 11 ч. 35 м.

Установлена связь с частями 9 и 22 дивизий, которым передано преследование наголову разбитого противника. Наш десант, состоящий из смешанных частей екатеринодарского и славянского гарнизонов и партийных организаций, приспособленный лишь для нанесения коротких ударов и решительного удара по тылу противника, целиком выполнил задачу, возложенную на него командованием, но к дальнейшим систематическим действиям совершенно не приспособлен, за неимением обоза, комсостава, выбывшего из строя, аппарата снабжения и проч.

Считаю возможным, взяв с собой пленных и трофеи, передать дело окончательной ликвидации разбитого противника двум вышеуказанным дивизиям, десанту же возвратиться в Екатеринодар, тем более, что запас нефти на пароходах всего на 15 часов. Жду срочных распоряжений в ст. Славянскую, в адрес комбрига 2 отдельной⁴.

По прибытии десанта в Славянскую пленные и трофеи были направлены по принадлежности в Краснодар, десант высадился и, пополнившись 2-й Таманской бригадой, численностью до 3.000 чел. пехоты и 500 чел. конницы, 31 августа получил новую задачу. Новая задача была дана командармом IX, который к тому времени приехал лично в Славянскую и был очень обижен на меня за то, что о действиях десанта я донес непосредственно тов. Троцкому, несмотря на то, что я в этом виноват не был,—мне было так приказано Розенгольцем (о результатах донесите мне или тов. Троцкому).

Отряду было приказано срочно двинуться **Занятие Ачу-сва.** через Петровскую на Черноерковский поселок и очистить от войск и банд противника все побережье от Темрюка до Ачуева. Эта задача была выполнена в почти невозможных для операций войск местных условиях,—кругом были камыши, болота, озера, реки. Отряд I/IX занял ст. Петровскую и после упорного боя—пос. Черноерковский.

Противник отошел за реку Прорву, взорвав все мосты и переправы. После двухдневного боя он при помощи обхода на лодках по лиману был сбит и вторично укрепился за лиманами Щучий и Сладкий на реке Черный ерик.

Его обороне содействовала судовая артиллерия с моря.

Чтобы помешать догрузиться белому десанту, были подтянуты на 150 шагов, почти вплотную к реке, орудия, и в ночь на 5/IX отряд под прикрытием картечного и ружейно-пулеметного огня переправился на баркасах через реку и лихой атакой сбил противника.

По пятам отступающего, потерявшего последнюю устойчивость противника отряд одновременно с 26 бригадой, па-

ступающей со стороны Ново-Ниже-Стеблиевской, 7 сентября вошел в Ачуев.

При нашем подходе к Ачуеву противник, обстреляв нас с судовой артиллерии, поспешно отплыл в направлении Керчи, оставив на берегу обоз, лошадей и другое имущество. Этим боем закончилось очищение берега от противника, о чем было своевременно донесено в штаб IX.

Огряд, закончив вторую операцию, вернулся в Славянскую, где и был расформирован.

Об этой, по сравнению с другими маленькой, операции тов. Подшивалов пишет следующее:

„С чисто военной точки зрения экспедиция отряда являет собою редкий даже в опыте гражданской борьбы пример речного рейда в тыл противнику.

Высокая идейная настроенность бойцов, их боевая испытанность, энергия и даровитость командиров, общая решимость и стремление к победе создали то, что на военном языке называется „сто тысяч сердец в одном ударе“, и тем вписали героическую страницу в историю революционной борьбы советской республики“.

Последнее слово о действии красного десанта было сказано т. Троцким: „Приветствую кавказский фронт и в особенности десантный отряд под руководством т. Ковтюха и Фурманова с нанесением ими смертельного удара врангельскому десанту. 30/VIII Нр. 346 Председатель РВСР Троцкий“.

Действиями красного десанта в тылу у белого десанта закончилась история жизни и боевой деятельности красных таманских частей. Таманцы и в третий раз доказали свою преданность рабоче-крестьянскому делу, готовность, выносливость и боеспособность в борьбе с врагами Советской власти.

Рабочие и крестьяне, ценя заслуги беспримерно славных героев, своими силами и средствами воздвигли в ст. Славянской революционный памятник и своими братскими руками на памятнике написали: „Героям Таманской армии“.

Приложение 1.

Боевой состав 1-й Таманской колонны к 27 августа 1918 года

Наименование частей	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий	Примечание
Славянский пех. полк . .	3.763	183	8	—	Одно не исправное.
Полтавский пех. полк . .	3.120	142	6	2	
Советский пех. полк . .	3.652	98	8	—	
Анастасьевский пех. батальон	1.436	211	4	—	
Штаб колонны	30	48	1	—	
Всего в колонне .	12.001	682	27	2	

Приложение 2.

Боевой состав Красной Таманской армии к 26 сентября 1918 г.

Наименование частей	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий	Примечание
1-я Таманская пех. дивизия	14.800	340	87	16	Бывшая 1-я колонна.
2-я Таманская пех. дивизия	13.652	295	42	12	Бывшие 2-я и 3-я колонны.
1-я Таманская кав. дивизия	—	3.364	12	4	
Штарм, снабжение и другие подведомственные учреждения армии	1.300	38	—	—	
Итого в армии . .	29.752	4.037	141	32	

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
От редакции	3
Предисловие	3
I. Положение на Кубани ко времени возникновения Красной Таманской армии	5
II. Появление в Таманском отделе Кубанской области революционных войск	10
III. Создание Красной Таманской колонны и начало ее похода	25
IV. Поход Таманских войск через Новороссийск—Туапсе—Армавир .	33
V. Действия Красной Таманской армии после соединения с главными силами войск Сев. Кавказа	57
VI. Попытка возрождения Таманской армии	69
VII. Третья и последняя организация и боевая деятельность красных таманцев	92

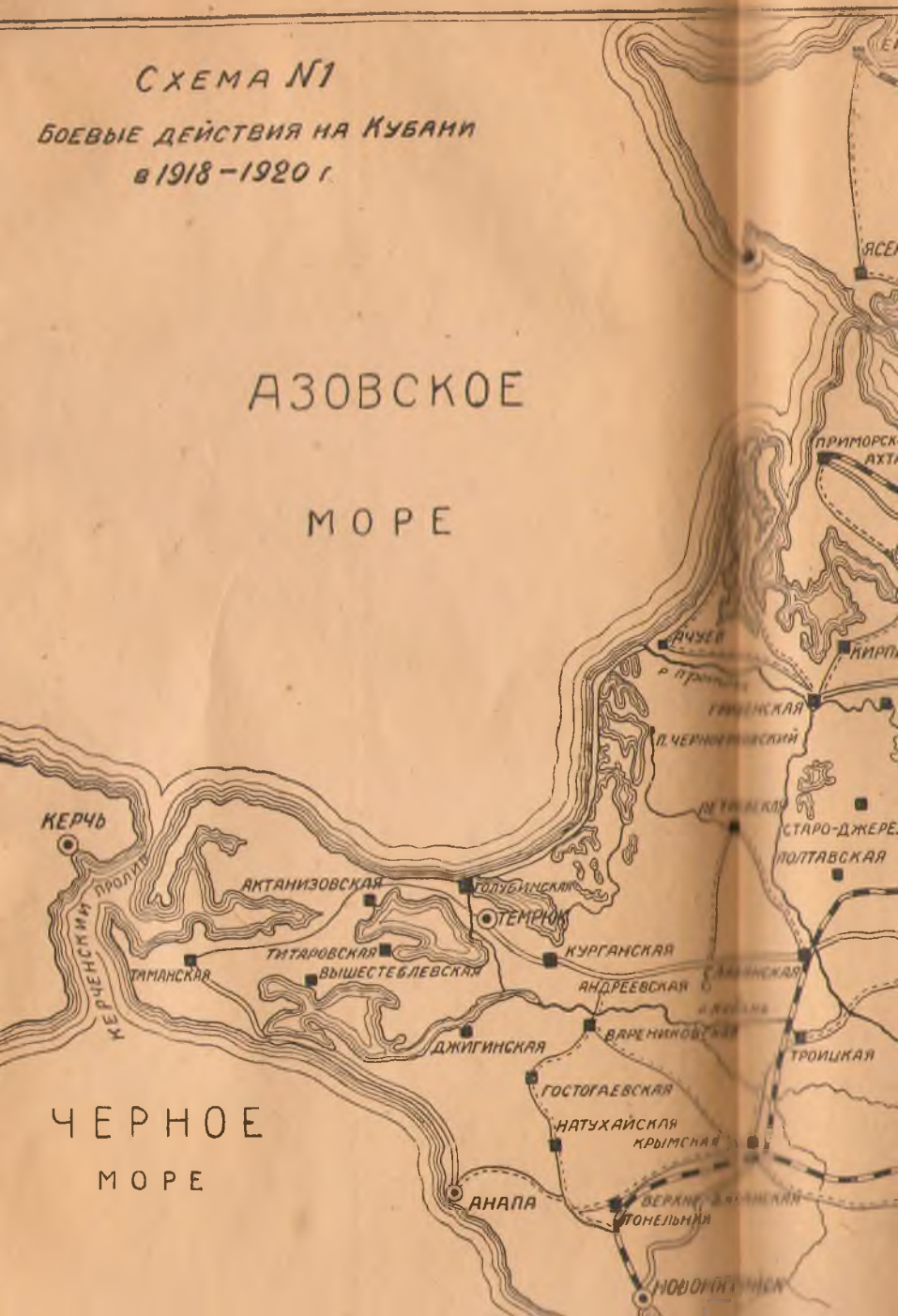

СХЕМА №1

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА КУБАНИ
в 1918-1920 г.

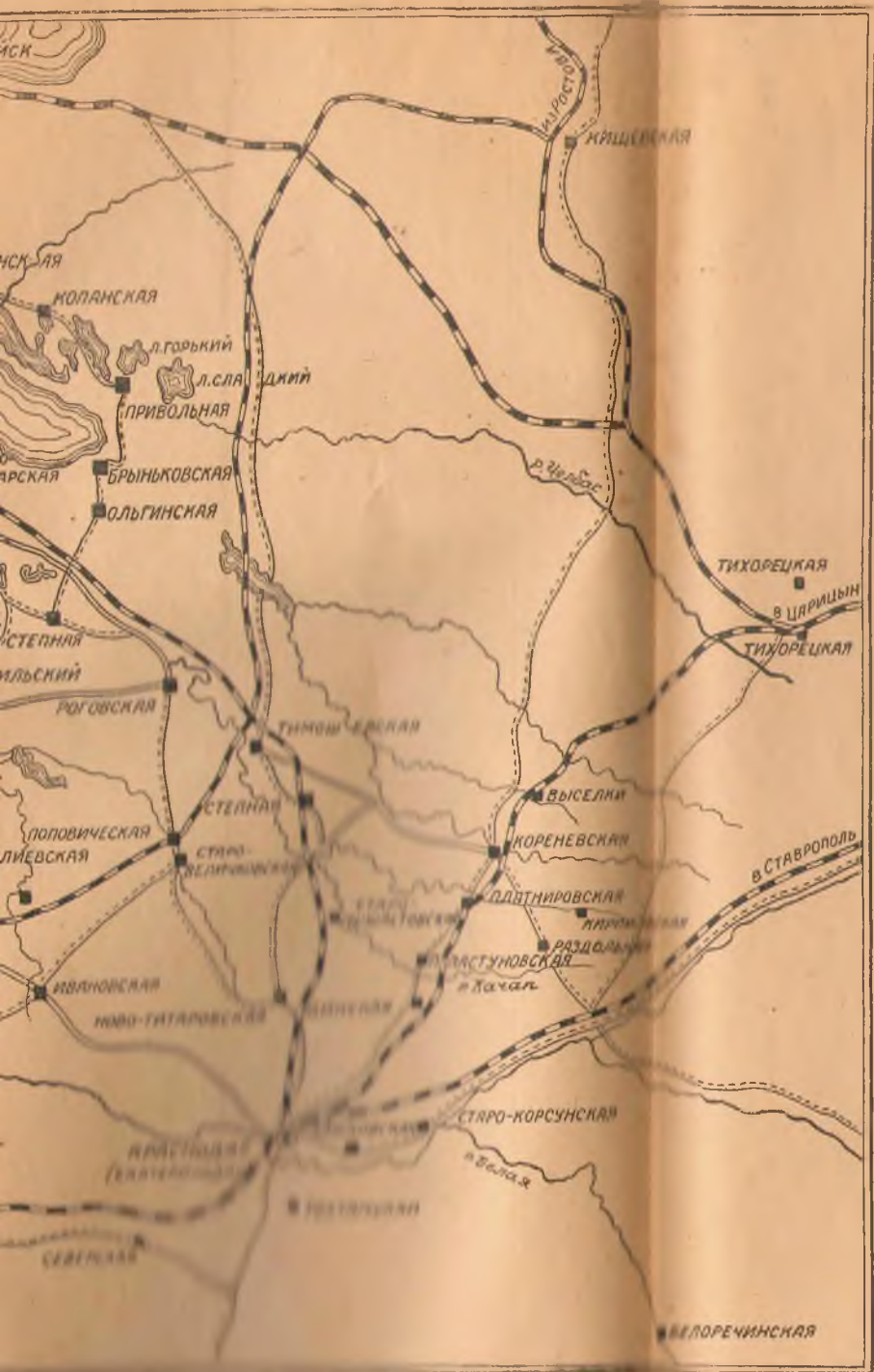
АЗОВСКОЕ

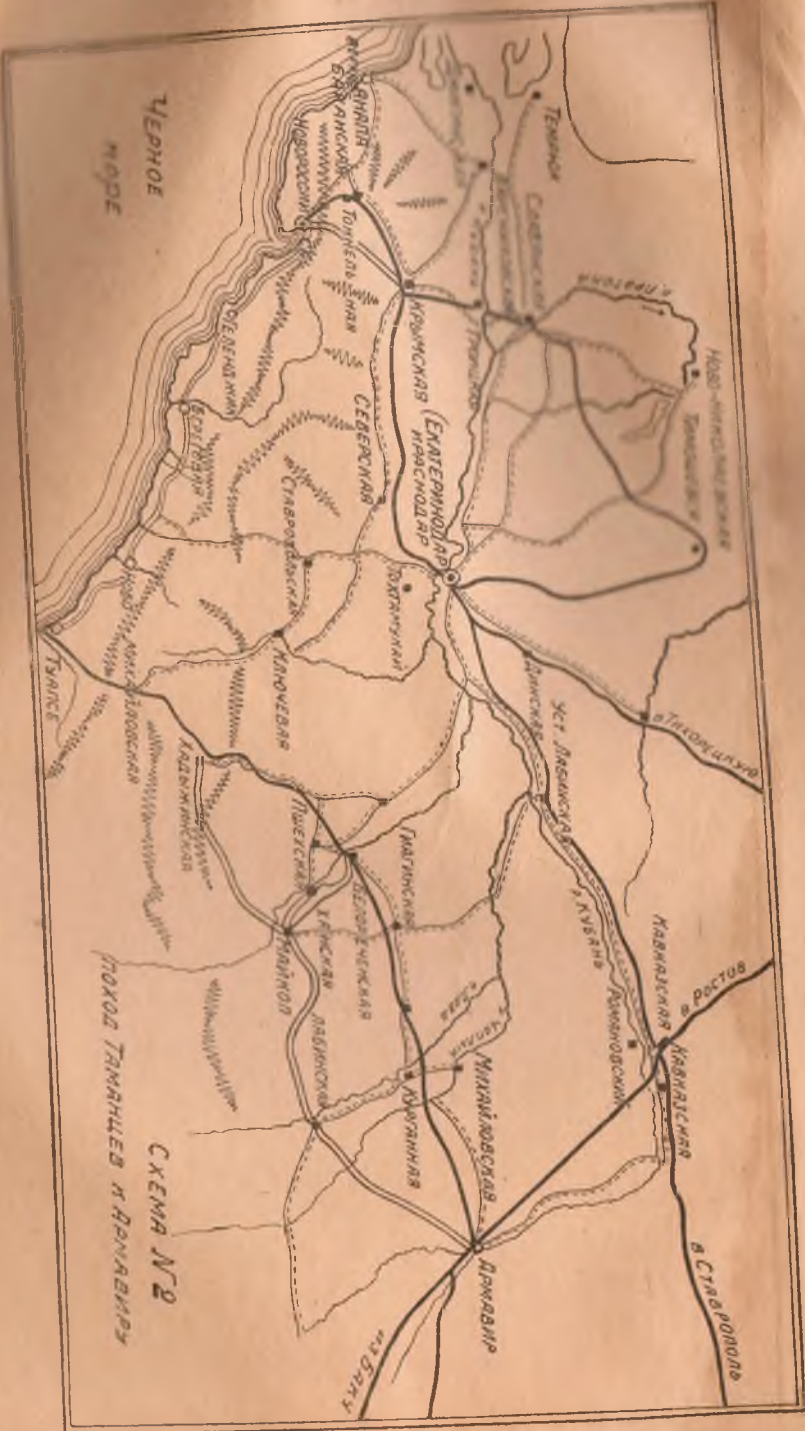
МОРЕ

ЧЕРНОЕ

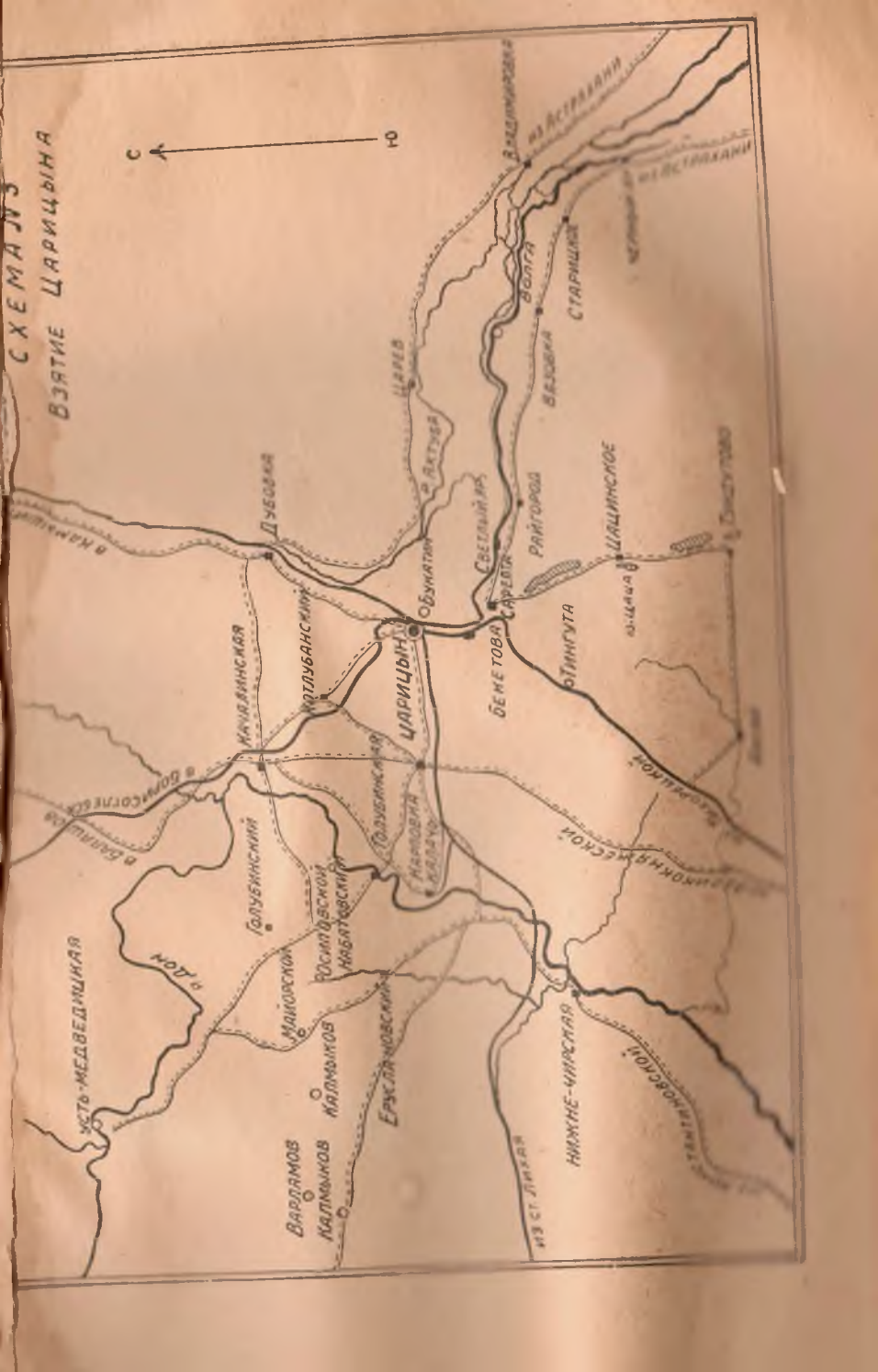
МОРЕ

СХЕМА ЛУЗ

ВЗЯТИЕ ЦАРИЦЫНА

2р. 3к. и,

7/5

Воинским частям и учреждениям, а также военно-служащим при покупке книг в магазинах ГВИЗ'а за наличный расчет предоставляется скидка в 20%.

В провинцию издания высылаются по получении стоимости книг или наложенным платежом по получении задатка в размере не менее 20% общей стоимости заказываемой литературы. Допускается соответствующая скидка.

Воинским частям и учреждениям предоставляется кредит.

Оптовое - Розничные магазины

МОСКВА:

- № 1. Б. Лубянка, д. № 1. Тел. 2-21-01.
- № 2. Б. Лубянка, д. № 1. Тел. 5-84-03.
- № 3. Красная площадь, 2-й дом Р.В.С.Р. уг. Ильинки. Тел. 5-84-04.
- № 4. Арбат, д. № 47. Тел. 2-45-98.

ЛЕНИНГРАД

Северо-Западное Отделение
Проспект 25 Октября, д. 20.